

№ 5

2012

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), **Б. М. КАНАПЬЯНОВ** (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ**, (г. Астана), **А. Ю. КУРЛЕНЯ** (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда), **Ю. Д. ПОМИНОВ** (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда), **Т. И. СЫЗДЫКОВ** (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана), **И. Б. ТЕТЕРИНА** (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы), **Л. Ю. ЮРКОВА** (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Поэзия

Н. Ковтун. «Их нынче осталось мало...». Стихи	3
И. Стругова. Стихи о войне	24
И. Кандыбаев. «Отступают боли и тревоги...». Стихи	54
И. Нечипорук. «Без Родины не мыслится поэт!». Стихи	69

Проза

В. Шалаев. Фантомные дали... другого берега. Почти жестокая повесть	7
И. Костевич. Мне 14 уже два года. Роман о подростках (окончание).....	28

Наш общий дом

Н. Колинко. Неувядающее обаяние Личности	57
---	----

Публицистика

В. Могильницкий. Оптимизм — половина успеха	75
--	----

Летопись Евразии

В. Владимиров. Ключи и врата Петровы. Штрихи к великой истории Великой Степи	81
---	----

© «Нива», 2012, Астана

Далёкое — близкое

- Ж. Камелов.** Навечно в памяти людской 109
А. Матвеев. Встреча с юностью 119
-

Критика и литературоведение

- Ю. Бондаренко.** Кто мы? О поэзии Абдрахмана Досова 123
-

Искусство

- Д. Бекова.** Запечатлено былое кистью 129
-

Занимательное языкознание

- В. Киянский.** Евразии лик в общих звуках. Казахско-русский ассоциативный словарь 131
-

Параллели и меридианы

- Г. Кудайбергенов.** Янтарный край: путешествие во времени и пространстве 148
-

Приключения. Детектив. Фантастика

- Н. Шмигалёв.** Почти как три богатыря. Волшебно-приключенческая сказка (продолжение) 167
-

Сатира и юмор

- В. Афоничев.** Глаз божий. Рассказ 187
-

Изоальбом «Нивы»: из работ Виктора Келя.

К сведению читателей

В марте 2012 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили 3400 читателей из 24 стран: 1490 из них — жители Казахстана, 1200 — россияне. Остальные представляют США, Украину, Германию, Португалию, Исландию, Польшу, Белоруссию, Молдавию, Францию, Латвию, Туркменистан, Киргизию, Узбекистан, Израиль, Эстонию, Грузию, Азербайджан, Швейцарию, Великобританию, Норвегию, Кипр, Швецию.

Николай КОВТУН

“Их нынче осталось мало...”

Живой истории герои...

Вы снова вместе,
Как всегда.
Вы снова вместе,
Как и прежде.
И в том, пожалуй,
Не беда,
Что вы не в воинской
Одежде,
Что нет
Оружия при вас.
Но есть святая
Честь мундира.
И вы уже в который раз
Тревожитесь
За всех за нас,
Что нет покоя снова в мире.
Чужие вы
Прошли края,
Посланцы
Своего народа,
Вы, закалённые
В боях,
В форсированных

Переходах...
Судьба
Благословила вас,
Ходивших —
И не раз! — в атаку,
Давно уволенных
В запас
И не воспринявших
Отставку.
И вновь
Ведёте вы бои,
Берёте штурмом
Бастионы —
Рассказы
Дарите свои
Тем, кого ждут ещё погоны,
Кто в школьный
Входит кабинет,
Кто должен грамоту освоить...
Для них вы
есть авторитет,
Живой истории
Герои...

Кто брал Берлин...

Их нынче осталось мало,
Осыпанных пеплом седин,
Чья юность в огне прошагала,
Кто брал Берлин.

Нелёгкок был путь к Победе,
Отнявший немало сил.
И если есть ад на свете,
Так это он и был.

Слилось воедино время —
Где день, а где ночь — не понять...
Берлин — это, брат, не деревня —
Так просто его не взять.

И шли на штурм батальоны, —
Гремело повсюду «Ура!»
Со стойкостью обречённых
Сражался зажатый враг.

Казалось, победа близко —
Нажми чуть — и вот она!

Но уходили из списков
Солдатские имена.

И падали.
И поднимались.
И гибли в чужой стране,
Но шли, потому что знали:
Вот он — конец войне...

И грянул последний выстрел.
И пал фашистский рейхстаг.
И тот, кто в огне том выстоял,
Сдержаться не мог никак:

И слёзы...
И ликованье...
И надписи на стене —
Потомкам врагов назиданье,
Как память о войне...

Их нынче осталось мало,
Осыпанных пеплом седин,
Чья юность в огне прошагала,
Кто брал Берлин.

Беседа

Мы сидим,
Ведём беседу
С ветераном мировой —
Как же отказать
Соседу,
Опалённому войной?

Он сидит,
Скрипит протезом.
На груди — «иконостас».
Рассуждаем
Вполне трезво
Да свою
Ругаем власть.

Вот опять,
Хлебнувши с горя,
Задаёт вопрос он мне:
«Чему учат нынче в школе,
Коль не знают о войне?»

Как ему сказать,
Солдату,
Что в родившейся
Стране
О боях,
Что шли когда-то,
В школьных классах
Слова нет.

Там лишь походя
В программах
О беде жестокой той,
О глубоких её ранах,
О трагедии людской...

Как сказать ему?
Не знаю.
Всё равно он
Не поймёт,
Кто учебники
Рождает,
Кто на Подвиг
Воду льёт.

«Это что ж там
За вражина? —

Тихо спросит, —
Скажи мне...»
И вздохнёт:
«Да это ж мина...
Легче было
На войне.

Там — где друг,
Где враг — понятно,
Здесь — на запад
Смотрят те,
Кто в угоду
Сволоте
Повернул страну
Обратно,
Оборвавши взлёт мечте».

И уже кричит,
Не спорит:
«Президенту напишу!
Я, хлебнувший
Лиха горы,
Никогда им
Не прощу!...»

Я-то знаю —
Не напишет.
Не такой он человек, —
Видно, знает:
Не услышит
Двадцать первый
Этот век...

И сидим,
Ругаем тихо
Тех, кто
Вымел до конца
Из истории то лихо,
Что звало вперёд бойца...

Мы хотим, чтоб патриоты
Вырастали бы в стране,
Значит, надо
знать не что-то,
А всю правду о войне.

А что дальше?

А.А. Хоменкову

Что, Антоныч,
Вновь не спится?
Снова враг
Шрапнелью бьёт?
Иль друзей
Приснились лица,
Что в земле который год?

Просыпаешься
От боли,
От гнетущей
Тишины...
Сколько их
На бранном поле
В лапах
Бешеной войны!

Молодых парней,
Отважных,
Не познавших
Жизни толк,
Полегли
За наши пашни,
За родных,
За взвод, за полк...

Помнишь ты их
Поимённо.
Голоса в ночи звучат —
Это эхо батальонов,
Жизни той,
Огнём палённой,
Голоса
Живых солдат.

Не грусти,
Товарищ старый.
Каждый честно
Жизнь прожил.
Без их подвига б
Гагарин
В космос путь
Не проложил.

Не печалься и не сетуй —
Всё имеет свой предел.
Вы спасли

От зла планету,
Мир вернули
Для людей.

Только кто-то
Ставит целью —
Опорочить подвиг тот.
И уже летит шрапнелью
Вымысел который год.

Сердце ранят
Без патронов —
Ни к чему они
Сейчас —
И на подвиг
Миллионов
Льётся лжи
Обильной грязь.

И до боли мне обидно,
Что не только «за бугром»
Грязи той
Конца не видно,
Но в грязи
Наш общий дом!

Выхолостили программы:
Нет в истории теперь
Той жестокой
В жизни драмы,
Нет побед
И нет потерь.

Это в наши дни...
А далее?
Ветераны все уйдут,
И их подвигам едва ли
Честь достойно отдадут.

Оттого-то мне
Обидно
За погибших
И живых...
Нам должно быть
Всё же стыдно,
Что порочат
Подвиг их.

Одиночество

И заботливый, и скромный,
И примерный семьянин.
Дом стоит его огромный
На краю села. Один.

Было всё: жена и дети...
А потом была война...
Воротился с того света —
Грудь солдата — в орденах.

Вот оно, казалось, счастье —
Только руку протяни...
Умер старший в одночасье,
И жена ушла за ним.

Младший в город откололся...
И засела тишина
От надворного колодца
До потухшего окна...

Так и жил с тоской в обнимку.
Вспоминал своих солдат,
Что глядят с поблёкших снимков,
Что в сырой земле лежат...

Отшумели давно беды.
Только кто ж его поймёт,
Отчего он в День Победы
Тихо плачет и поёт...

г. Костанай.

Виктор ШАЛАЕВ

Фантомные дали... другого берега

Почти жестокая повесть

Предисловие автора

Уважаемый читатель...

Не надо читать эту повесть, если вы обожаете детективные романы со стрельбой и лужами крови. Хотя кровь здесь будет и без стрельбы...

Главное действующее лицо этой повести – гроза бессонных ночей блуждающий нерв ВАГУС, не дающий забыть о запрятанных в подсознание болях и не позволяющий лгать даже самому себе. Когда ночью он выходит на свой телесный и душевный дозор, все фантомы, все ушедшие в прошлое реалии обретают сегодняшнюю муку... А объект его ночного дозора – маленький человек, лежащий в больничной кровати посреди другой страны... то есть ОН.

Но повесть эта вовсе не про больницу... а, впрочем...

Если Вы, читатель, человек смелый... ЧИТАЙТЕ ЭТУ КНИГУ!!!

«Он приходит ко мне почти каждую ночь. Почему? Наверно, так нужно... Он абсолютно зелёный. Вглядывается своими огромными глазами, шевелит своими жвалами, словно что-то хочет сказать мне, но не может. Не может, потому что он из другого мира, который находится рядом с нами, и очень-очень далеко... Но мне почему-то важно, чтобы он ко мне приходил... Надеюсь, после того как вы прочитаете эту повесть, вы поймёте, почему...».

Ночь

Ночь выдалась мягкой, тягучей... Всё нутро было наполнено десятидневными отложениями в атрофированном от антибиотиков кишечнике. Оно давило на пространство, где, по словам патологоанатомов, располагается сердце, надувало здоровые руки и правую ногу, пока оставленную для хозяйственных надобностей, а обрубок, культю, делало неприкасаемой.

А начало всех сегодняшних событий было за той чертой, которая отделяла здорового человека, пришедшего на пустяковую операцию, от инвалида, с ногой, оттяпанной выше коленного сустава.

**Виктор
Григорьевич
ШАЛАЕВ**

родился в 1946 году. До декабря 2011 г. был главным режиссёром Петропавловского русского театра драмы им. Н. Погодина. Актёр, режиссёр, заслуженный артист Республики Казахстан, член Союза журналистов РК. Автор пьесы «Суд Магжана», книги «Фантомные дали».

В «Ниве» выступает впервые.

Вначале сделали ангиографию – это когда кровь окрашивают определённым составом йода и смотрят на компьютерных мониторах её распределение по сосудам.

Этой процедуре предшествовала очистительная клизма. Кишечник пришлось чистить дважды, так как в первый день очередь на компьютерную диагностику не подошла.

Затем три дня ожидания с добровольно-принудительным заталкиванием в рот «деликатесов» больничной кухни, и снова журчащая под напором вода в кишечнике, вымывающая остатки переработанной и непеработанной пищи перед операцией.

... Первые боли в лодыжке левой ноги Григорий ощутил месяца три назад. После консультации у сосудистого хирурга выяснилось, что пульсации подвздошной артерии практически нет, в области ступни она также отсутствует, поэтому рано или поздно операцию по замене сосудов нужно делать. «Лучше раньше, чем позже, – думал он, – тем более, что бросать курить не собираюсь, и с диабетом, пожалуй, уже не расстаться».

Итак, решение принято. Нянечки и медсёстры забросили его на каталку и вывезли из палаты почему-то ногами вперёд.

«Надо же, как покойника», – подумал он, но тут же отогнал эту мысль... Его везли к подъёмнику, чтобы поднять на третий этаж, где располагалась операционная, и... опять ввели в лифт... ногами вперёд.

Он ощутил разряд неприятного предчувствия, и припомнилось, как спрашивал молоденькую медсестру, которая ставила ему капельницу, правильно ли делает, решившись не на терапевтическое лечение, а на радикальную операцию, словно просил у неё поддержки. А та, выдержав паузу, как-то очень значимо произнесла: «Ох, не знаю! Не знаю...».

В тот раз он тоже ощутил в душе разряд тревожного предчувствия, но задавил его своим отчаянным: «Прорвёмся!»

А главное, по слухам, проверенным и не проверенным, подобные операции эти замечательные молодые врачи просто, как орешки, «щёлкали». Никаких нареканий, никаких сбоев.

Операция

И вот непосредственная подготовка к операции. Укол в позвоночник, выход напрямую в подключичную вену, введение морфия в позвоночный столб.

Странно, но ему почему-то стало отчаянно весело. Он уже видел себя без усталости преодолевающим горные склоны, поросшие сосняком. Представлял, как ниже, не в силах догнать его омоложенные ноги, кричат более молодые друзья.

Была и ещё одна причина для согласия на операцию. О ней он не хотел вспоминать даже на столе...

Лечащего врача, он, краснея и сбиваясь с тона, спросил, а не сможет ли усилить более обильный кровоток подвздошной артерии его... эрекцию.

Дело в том, что уже лет пять его сексуальные фантазии, всегда ранее вызывающие активное наположение мужской плоти, стали бессильны и укрепляли в нём чувство ранней неполноценности. Он стал похож на героя фильма «Развод по-итальянски» господина Фефе, объяснявшего доктору: «Желание-то у меня есть...».

Эта новая роль ему не совсем нравилась, вернее, совсем не нравилась. Поэтому он, в тайне от жены и друзей, искал разнообразные возможности побудить к действию свою увядающую плоть.

Эта операция могла стать тем самым волшебным «сезамом», который, хоть и ненадолго, мог приоткрыть дверь в ту далёкую юношескую пору, когда желания совпадали с возможностями.

Наивно? Ну, конечно же, наивно. Но ему даже верилось в то, что изменения кровотока каким-то необъяснимым образом могут повлиять и на функцию поджелудочной железы, даже избавят от диабета.

В общем, ему очень хотелось верить в чудеса! Доктор же эту веру не стал разрушать, деликатно пробормотав, что-то вроде: «Ну чего не бывает.. Всё может быть... может быть... может быть...».

Наверно, и он не любил разрушать веру в сказки даже у взрослых людей, полагая, что эта вера может их сделать капельку счастливее.

Назад! В Азию!

Сознание расслаивалось. Григорий смутно понимал, что с ним что-то делают.

Доктор-хирург задавал вопросы о чувствительности каких-то участков тела. Он что-то отвечал, стараясь казаться таким отчаянным смельчаком, которому не страшны ни пропасти, ни вершины.

Потом исчезло время, или... он перестал его контролировать. Оно сначала как бы застыло, потом вдруг понеслось с отчаянной быстротой.

Замелькали люди в белых халатах, они образовали какой-то странный хоровод, который то вращался, сворачиваясь, то рассыпался на отдельные составляющие. Это происходило не беззвучно, а со странным соединением одновременно произносимых слов сразу всеми, с каким-то резонансным эхом, совершенно не воспринимаемым сознанием.

Лицо одного существа, одетого во всё белое, медленно стало разворачиваться в его сторону, и он удивился, увидев на огромной, несоразмерной человеку щеке, рыжую, растущую клочками шерсть, затем странное ухо.

Потом фигура стала вырастать в размерах, белый халат покрыли продольные красно-зелёные полосы, затем (он уже осознал, что это был узбекский халат) через распахнутые его цветастые края вывалился огромный, тоже поросший шерстью живот, затем голенастые, с мозолями на коленях ноги... Стало понятно, что на него смотрит верблюд!

Тот самый верблюд, который жевал трусы ведущего актёра Самаркандского театра, председателя профкома Евгения Шлейкина!

В трусах были зашиты 1200 рублей для покупки хороших ковров в дальних уголках среднеазиатских республик, где гастролировал каждое лето русский драматический театр.

Деньги для того времени были бешеные!

Это было жаркое лето 1971 года.

Союзный рубль, ходивший в сцепившихся в «братских объятиях» союзных республиках, давал почти пятьдесят процентов форы безнадёжно отставшему американскому доллару.

И неважно, что за границей он был никому не интересен! Зато рубль был интересен здесь, в счастливой Стране Советов, где каждый обладатель определённого их количества готов был отстаивать обладание, поставив на кон... даже жизнь! Так было и в этот раз...

... Мужики-актёры в свободное время поехали купаться на солёное озеро. Оно было в километрах трёх от кишлака, где игралась французская пьеса «Шерше ля фам» для... местного населения, совершенно не понимающего русского языка.

Но... Надо так надо! Актёры играли, потому что знали: дирекции надо отчитаться по обслуживанию зрителя.

Зрители смотрели сосредоточенно и молча, потому что тоже понимали, что это кому-то ТАМ надо... Может быть, даже самому большому раису-начальнику!

А большой раис, это на-а-много больше, чем маленький раис, которого на востоке тоже надо уважать!

Это даже не средний раис, которого надо ублажать, совать в рот плов и рахат-лукум, давать запивать жирное мясо коньяком, разливаемым из красивого заварочного чайника в такие же красивые пиалы.

И не потому, что из бутылки неудобно или рюмок нет, а дабы АЛЛАХ думал, что правоверные мусульмане чай пьют, а не совершают грех, осуждаемый, запрещаемый шариатом.

Большой раис для узбека, таджика, туркмена – это... это такой человек, такой человек... которого даже мысленно... даже мысленно на нехорошее русское слово послать нельзя!

А для маленького человека, живущего в глубинных районах Средней Азии, вокруг одни большие.

Как костюм надел, живот распустил, любой значок нацепил да папку с тремя бумажками под правую руку вложил – вот ты для дехканина и РАИС! Вот и начнёт он, дехканин, твой милостивый взгляд ловить. И не то что на русском, на эфиопском готов смотреть привозимую творческими коллективами театральную чушь.

Когда актёры поняли, что местный контингент не знает русского языка, они, выступавшие на открытой площадке, среди верблюжьих колючек и саманных построек, совершенно перестали произносить оригинальный текст пьесы, а начали рассказывать друг другу пошлые анекдоты.

Иногда они, для вида передвигаясь по сцене и словно издеваясь над зрителями, делали нелепые прыжки, сами над собой покатываясь со смеху.

Как ни удивительно, но это возымело странное и эффективное действие.

После рассказанного анекдота смех артистов вызывал... гомерический хохот зрителей!

Но участники спектакля точно знали, что в зале не понимают их речь, и терялись от этой реакции. Потом привыкли, стали гаерничать, заливаясь хохотом уже без всякой причины, просто из хулиганства.

Спектакль прошёл, можно сказать, великолепно!

Этим абсурдом, который и присниться не мог Бэкету и Ионеско, остались довольны и актёры и зрители! Потом был вечерний плов с чайником и пиалушками...

Голодный верблюд

А сейчас было озеро, палящее солнце, несколько верблюдов, метрах в двухстах, гордо озирающих пустынное пространство. Всем захотелось почувствовать себя дикими, сорвать «оковы цивилизации».

Подчиняясь нахлынувшему чувству, артисты сбросили с себя одежду и предстали перед Всевышним и природой в той естественной наготе, в какой видело человека это солнце тысячелетия назад.

По-мальчишески, с визгом и криками они ворвались в прохладные воды озера.

Оно оказалось совсем неглубоким, и нагие артисты уходили всё дальше и дальше от берега, обдавая друг друга брызгами, в которых вспыхивала и гасла радуга-дуга. Беззаботная игра остановила счёт времени и, казалось, могла длиться бесконечно, если бы не истошный крик одного из купающихся:

– Женька! Верблюд!!! Смотри, твои трусы жуёт!

Все замерли и повернулись в сторону берега. Над сброшенными одежками стоял огромный одногорбый верблюд, под его мордой, как борода, свешивались полосатые Женькины трусы, часть которых уже жевалась этим кораблём пустыни.

– Сволочь! Морда азиатская! – истошно заорал Шлейкин. – Там деньги! Брось трусы! Брось! Кыш! Кыш! – Женька махал руками, точно гнал кур со двора. Потом так рванул к берегу, будто к его толстому задку приделали лодочный мотор.

Такого буруна не видели даже у черноморских глиссеров, и если бы по пути он не падал, мировой рекорд по скорости на воде был бы побит.

Все гурьбой бросились за Женькой.

Никто не знал, что можно сделать с этим гигантом. Если верблюд сожрёт деньги вместе с трусами, то достать их можно будет только из его желудка, что, конечно же, проблематично. Отнять у верблюда этот «деликатес» не представлялось возможным.

Верблюда окружили, стараясь не приближаться слишком близко.

И только Женька стоял перед ним, как Давид перед Голиафом, то требуя, то умоляя гиганта вернуть его необычную «сберкнижку».

«Милый, – говорил он плачущим голосом, – ну что тебе стоит... отдай... они же не вкусные... они же воняют... Хочешь, я тебе вот рубашку отдам?» – он поднял из кучи белья первую попавшуюся рубашку и протянул верблюду.

«Эй! Эй, кончай! – заорал Аброр Раджабов, единственный узбек в труппе русского театра. – Это моя рубашка! Единственная! Подарок! Мне её жена подарила!».

Но Шлейкин ничего не слышал. Он видел только свои трусы и в них утешение, подтверждающее, что деньги ещё не зажёваны.

«Брось, Женья! – сказал его друг, партторг театра, красавец Виктор Бабаков. – Жизнь дороже. Он тебя затопчет. Отойди!».

«Затопчет? – как бы удивляясь, простонал Шлейкин. И вдруг истошно, фальцетом, зачем-то подпрыгнув на месте, он заорал так, что

его, наверно, можно было услышать в далёком кишлаке. – За-а-ре-е-жу-у-у!».

Не знаю, чем хотел зарезать верблюда Женька, но верблюд так удивился, что перестал жевать трусы, и они, обслюнявленные, вывалились на песок пустыни.

Женька упал на колени и осторожно подполз к своему сокровищу.

Верблюд, не шевелясь, смотрел на копошащегося в песке представителя рода человеческого, пытаясь обнаружить на этом голом теле тот предмет, которым хотели его зарезать.

Женька уже поднялся на ноги, прижимая к груди трусы, и дрожащие пальцы его бегали, ощупывая перевязанные резинкой деньги.

В это время верблюд, очевидно, потерял к нему интерес.

Морда его выразила презрение, он как-то странно чавкнул, потом как бы хрюкнул и... лицо Женьки Шлейкина покрыла зелёная вонючая масса верблюжьей слюны, к которой он инстинктивно прижал трусы с деньгами. А выразивший своё отношение Голиаф гордо повернулся и пошёл нетопливо к своим не менее гордым сородичам.

... И вот сейчас перед Григорием был тот самый верблюд. И он вот-вот плюнет...

Но верблюд не плюнул. Наоборот, он стал отворачиваться, облачаться в узбекский халат, на котором цветные полосы стали бледнеть, потом и вовсе исчезли, уступая свои цвета чисто белому. Халатов стало несколько, и Григорий слышал женские голоса: «Да не ногами... Не ногами... Головой вперёд!...». И другой женский: «Да брось ты, какая к чёрту разница!».

Потом он почувствовал, что его приподнимают.

И вновь голоса: «Держи простыню, дурра... Зайди с другой стороны... Перекладываем... Раз... два!».

Его тряхнуло, он стал осознавать, что операция кончилась, и, скорее всего, он уже находится в так называемой палате интенсивной терапии, или в реанимации...

– Григорий Викторович! Как вы себя чувствуете? – услышал он голос хирурга и, открыв полностью глаза, увидел склонённое над ним лицо Виталия Сергеевича.

«Нормально... – прохрипел он. – Ну как там у меня?».

Усталое лицо хирурга стало улыбчивым, он твёрдо и очень убедительно сказал: «Отлично! Операция прошла хорошо. Всё будет отлично!».

Захотелось снова закрыть глаза, что он и сделал.

Через какое-то время из морфийного забытия вывел голос жены: «Гришенька, мне сказали, что я могу тебя немного покормить...».

«Ну вот, – подумал он. – Вот и хорошо. Через семь или десять дней можно будет вернуться в театр, продолжить репетиции! Хорошо что хорошо кончается!».

Ночь разрушенных надежд

Хорошо засыпать, погружаться в небытие, когда впереди есть уверенность и надежда. Хорошо идти босиком по горячей пыльной дороге, ощущая подошвами земное тепло, впитанное от солнца! Краешком сознания

мелькнула мысль: «Заглянуть бы в детство, а там, глядишь, и «сезам» отворится...».

Послушное тайному желанию подсознание отшуршало страничками прошлого, и он ясно увидел родовой дом, и вновь ощутил аромат тех чудесных дней, которые зовутся поздним детством.

Детство, пронизанное ароматами воспоминаний, как бабушкина лепёшка из русской печки, что оказывалась в кровати после утреннего вопля: «Ба! Лепёшечку испеки!!!».

Дом был большой, летом прогревался солнечным теплом через окна, выходившие в палисадник, где цвели яркие георгины и росла черёмуха, усыпанная терпкими чёрными ягодами, вяжущими язык и окрашивающими зубы и губы в коричневатый с зеленью цвет, да куст коринки или ирги, на которой попискивали стайки дроздов, клюющие сочные ягоды.

«Зала», как гордо именовали комнату хозяева, была большой, почти квадратной, четыре шага в ширину и пять в длину.

В левом углу висела икона с лампадой, а в центре, между окнами, смотрели внутрь комнаты фотографии странных людей в странных одеждах, совсем не таких, какие носили сейчас, все с напряжёнными позами и строгими, значительными лицами.

Белые полы, доски которых натирались речным песком перед каждым праздником, источали влажный аромат древесины. С другой стороны залу перекрывала белёная стена русской печки, которая занимала значительную часть дома, раскрывая свой тёмный зев в сторону небольшой кухни.

Печь была главной в этом доме. Топилась она дровами, которые стеной выкладывались в хозяйственном дворе.

Печь просыпалась раньше всех, вместе с бабушкой Марией Александровной, струйкой дыма потягивалась к предрассветному небу, потрескивала поленьями, вбирала в себя их тепло, чтобы потом делиться с домочадцами, дурманя запахами щей, топлёного масла и поджаренного лука.

В сенях находились двери в маленькую горницу, которая осенью пропитывалась запахами яблок, хранимых кучами прямо на полу.

Ещё дальше – дверь в хозяйственный двор, над которым нависал сеновал, смягчающий ароматом сена запах уличного нужника и навоза.

Летней ночью на сеновале он зарывался лицом в дурман сухой травы и мечтал о сбыточном и о несбыточном. Слушал коровьи вздохи, пересуды кур на насесте, сытое похрюкивание свиней.

... Сейчас он видел всё так ясно и чётко, словно это происходило наяву.

Из собачьей будки на него смотрел друг детства, пёс по кличке Абрек. Вот пёс, позвякивая цепью, вылез наружу, и хвост его с прицепившимся репъём начал радостно вращаться, выражая любовь и преданность.

«Надо же, живой ещё... Сколько же ему лет?» – подумал он, не сомневаясь, что всё происходящее – реальность.

Повернулся к калитке, ведущей в сад, снял со штaketника проволочную петлю, которая заменяла щеколду. Калитка, открываясь, скрипнула, и он пошёл по поросшей редкой травой садовой тропинке, туда, где в конце

сада находился родник, из которого набирали для питья воду. Вода там была вкусная, проточная и вытекала из вкопанной в землю бочки. Последний раз он был в саду лет двадцать назад, когда театр гастролировал в Ярославле и у него выдались свободные дни. Тогда он так же поспешил глотнуть живительной влаги из родового родника.

Живой, рукотворный колодец находился в низине. Вокруг него образовалось от обилия влаги небольшое болотце, поросшее осокой. По нему были положены дощечки, чтобы не замочить ноги. Дощечки были влажные и трухлявые, поэтому пришлось двигаться осторожно, стараясь найти надёжную опору.

И вдруг... ноги его на досках разъехались, левая по колено ушла в холодную вязкую слякоть и что-то острое проникло в плоть!

Он ещё до конца не понял, что произошло, но нога уходила всё глубже и глубже, утонув в холодной жиже.

От ужаса, охватившего его, он выкарабкался из сна, вернувшись в палату реанимации, в полутьму, наполненную жужжанием каких-то приборов.

Страх не проходил...

«Нога... нога... – подумал он. – Да нет, это просто приснилось...».

Тем не менее попытался левой рукой потрогать ногу, но не получилось, там что-то мешало. Тогда, несмотря на возникшую боль в оперированном животе, он правой ногой попытался толкнуть левую. Удалось. Почувствовал прикосновение, но... левая нога ничего не ощутила! Тогда попытался пошевелить пальцами. Они не подчинялись.

«Сестра! Сестра!» – ему показалось, что он кричит, но крика не получилось.

Сразу за головой, за стенкой, был слышен девичий смех. Он знал, что там находится сестринская комната. Правой рукой стал стучать в стенку, чувствуя, что снова погружается в дремотное состояние, и похолодел от страха, что не успеет сообщить.

«Что у вас, больной?» – медсестра стояла перед ним, красивая, как ангел... Страх и неуверенность прошли.

«У меня... вот... нога... – ему вдруг стало неудобно, что он ночью побеспокоил эту девушку. – Мне... мне кажется, я её не чувствую...».

Она приподняла простыню, посмотрела и сказала: «Да нет, всё в порядке...».

«Но я не чувствую... Я не могу пошевелить...».

«Ну хорошо, я позову дежурного хирурга, если он сейчас свободен...» – успокоила она его и ушла.

И вновь закрутился калейдоскоп виртуальных событий, отправляющих сознание то в раннее детство, то в театральную юность.

Почему-то мимо него друг за другом прошли педагоги Ярославского театрального училища, многих из которых он, казалось, забыл. Но сейчас вспомнил, мог каждого назвать по имени и отчеству. Они шли мимо него в какую-то дверь, не оборачиваясь и не говоря ни слова. И только его педагог Юрий Юрьевич Коршун перед самой дверью повернулся к нему и погрозил пальцем.

Ему был так знаком этот жест, что он сразу почувствовал себя в чём-то виноватым, как в те ученические годы, и стал выбираться из сна. Но ничего не получалось... Смог только услышать и узнать голос медсестры и ещё чей-то, мужской: «Чепуха. Ничего страшного. Никого вызывать не надо. Не вижу никакой патологии. Бредит под морфием... Можешь спать до утра».

«Это, наверно, про меня», – подумал он, и ему стало спокойнее.

... Сейчас это было ромашковое поле, по которому он шёл к реке. Он точно знал, что там был омут, глубокий и чистый, в который он уже нырял в далёком детстве. Тогда, в том детском сне, ему нужно было нырнуть на самое дно и прикоснуться руками к лежащему там белому камню.

Камень обладал удивительной силой, и у тех, кто прикасался к нему, желания сбывались сами собой. Тогда у него получилось. Он не сомневался, что получится и на этот раз.

Омут ничуть не изменился. Так же, как и тогда, вода была прозрачна. Но если раньше сквозь толщу воды просвечивали далёкие контуры камня, то сейчас дно пугало мистической чернотой.

«Наверно, потому что вечер», – подумал он.

Не раздумывая, нырнул с высокого берега. Вода обожгла холодом, и он, как в детстве, когда купался, освободил свой мочевого пузырь.

Так делали все деревенские мальчишки, когда купались, чтобы не бегать за кусты.

Загребая руками, опускался всё глубже и глубже в холодные воды, стараясь разглядеть на дне камень. Это продолжалось долго, и он успел удивиться, что совсем не чувствует недостатка воздуха. И вот уже что-то белое и объёмное стало обозначаться на тёмном дне. Он напряг все силы и потянулся руками к волшебному камню, как левую ногу скрутила... судорога.

Судорога была такой силы, что он закричал и, бешено работая руками, рванулся к поверхности.

Он буквально вылетел из сна и понял, что кричит. Крик был натуральный, испуганный, как у очнувшегося от кошмара ребёнка.

В палату вошла заспанная медсестра, тревожно спросила: «Что случилось?».

«Нога... Судорога...» – ответил он и понял, что никакой боли нет!

Мало того, он вообще ничего не чувствовал, кроме тяжести с левой стороны. Холодная мраморная колонна, заменившая плоть.

«Там нет ноги... – сказал он. – Там камень... холодный... Я ничего не чувствую... Позовите врача. Мне страшно...».

Медсестра приподняла простыню, и лицо её выразило озабоченность. Потом посмотрела на часы и сказала: «Шесть утра... Через два часа сосудистые хирурги уже будут здесь. Не имеет смысла...».

Сделала укол, и он снова окунулся в небытие.

Это небытие было пустым... И только сквозь сумерки сознания вдруг стал узнаваемым голос хирурга Виталия Сергеевича, который в совершенно несвойственной ему манере буквально орал на кого-то... Его гневный голос прерывался женским, растерянным и вроде бы даже плачущим...

В сознании отложилось только одно слово, которое он не совсем понимал... ТРОМБ!

Тело его опять качнулось на удерживаемых простынях, удалённой болью отразилось во всём теле от соприкосновения с каталкой.

«Снова резать будут», – совершенно спокойно подумал он.

... Пустота... Пустота... Пустота... Пу-сто-та-а-а... наполненная безвременьем...

Он открыл глаза и понял, что сейчас лежит уже на другой кровати в той же палате интенсивной терапии. Вокруг были капельницы, от которых тянулись к телу прозрачные трубочки. Напрягаясь всем телом, попытался поднять голову, чтобы посмотреть на левую ногу. Увидел голень ноги (а может, это ему только привиделось), разрезанную вдоль, с обнажёнными мышцами.

Ему было несколько странно, что это его совершенно не испугало. Потом услышал знакомый голос, повернулся и увидел лицо хирурга.

«Как себя чувствуете?» – спросил тот.

«Нормально. Как у меня дела?».

Видя глаза хирурга, стал что-то понимать... В них была такая боль, такая растерянность, смешанная с такой беспомощностью, что ему стало жалко врача.

«Так уж случилось... – голос доктора звучал на удивление ровно. – Тромб ночью перекрыл движение крови в артерии. Так бывает... Я сделаю всё, что смогу. Мне удавалось спасти ногу после пяти часов без кровотока... Но сейчас... Больше десяти часов... Будем надеяться... Мне надо дня два-три...».

Лицо врача стало расплываться. Силы были на исходе, обезболивающие наркотические препараты, которыми накачивали через подключичную вену, отбросили его из реальности в новый калейдоскоп прошлых событий, смешанных со вчерашней памятью и какими-то фантастическими существами из незнакомого ему мира. Это было даже интересно, если бы не ниточка, тянущаяся из реальности: «Мне удавалось спасти ногу...».

«Значит, – подумал он остатками сохранённого сознания, – на этот раз может и не удастся?». Но там, в «виртуале», это было совсем не страшно.

Вновь проплывали перед глазами лица. Студенты театрального училища. Это были его сокурсники, связь с которыми он уже давно потерял. Вот он на сцене Ярославского театра им. Волкова, вместе с другими студентами под звон колоколов участвует в спектакле, изображая крестный ход, старательно выпевая: «Днесь светло сияет на Толге образ твой, пресвятая Дево Богородице...». Вот он идёт по коридорам студенческой общаги... В конце коридора у окна кто-то стоит очень и очень знакомый. Но почему-то страшно к нему подойти, и он останавливается, вглядываясь в очертания фигуры.

Вот фигура начинает разворачиваться, и он видит Геннадия Никитина...

«Как так? – думает он. – Его не должно быть здесь! Он умер ещё на первом курсе...».

... Это была страшная, трагическая история. Никитин был талантливейшим студентом, которого Господь наделил великолепной сценической внешностью, взрывным темпераментом, безудержной фантазией и безграничной любовью к театру. В середине первого курса его хотели призвать в армию, и он, с отчаяния, по чьему-то совету вколол шприцем керосин в ногу, чтобы получить отсрочку. Нога распухла, его уложили в госпиталь, но... результатом была скоротечная саркома и... смерть.

И вот сейчас Никитин смотрел на него. Потом жестом стал подзывать к себе...

Нахлынувший ужас заставил метнуться его по коридору, затем нестись по пролётам каких-то лестниц и бежать, бежать, бежать...

«Григорий Викторович! Вы меня слышите?».

Он открыл глаза и по освещению понял, что это уже другой день. К нему обращался врач:

«Положение очень серьёзное. Обширный некроз тканей. Я бы хотел сохранить как можно большую часть ноги. Надеюсь, что ампутация будет до колена. Я хочу подождать до завтра. Может, что-нибудь изменится... Сейчас принесут последние анализы...».

«Стоит ли ждать? – очень спокойно сказал Григорий. – Боюсь... боюсь, что вы меня потеряете...».

Он видел, как медсестра принесла листочки с анализами, прошептала врачу на ухо, но он расслышал: «Белок почти на нуле...».

Врач коротко сказал: «Готовьте к операции», – развернулся и ушёл.

Дальше опять было движение каталки и... безвременье, безвременье, безвременье... Без лиц, событий, калейдоскопов, только темнота...

Очнулся в незнакомой палате. Совершенно один. Вокруг кафельные стены. Тусклый свет. Он почему-то понял, что лежит здесь уже не один день. Вместо капельницы увидел пластиковые пакеты, наполненные донорской кровью, которая вводилась в его руку. Он приподнял край простыни и увидел, что от ноги у него осталась... только часть бедра.

Стало ясно: с этого дня для него начиналась... ДРУГАЯ ЖИЗНЬ!

Вот только он не знал, нужна ли ему ТАКАЯ ЖИЗНЬ?

На этот вопрос ему ещё предстояло ответить...

Ночные фантомы (память старого актёра)

Тяжело. Тоскливо-о-о... Григорий видел самого себя сверху, словно с потолка. И спрашивал: «Кто я теперь?...». Хотелось выть от бессилия. Перевязки были мучительно болезненными. А между перевязками думки... думки... думки...

Удивительно, но за 63 года у него не было ни времени, ни желания перелистать свою жизнь, дать ей оценку от самого начала до обозначенного «барьера». Сейчас это стало какой-то навязчивой необходимостью.

Дни и ночи смешались. Постоянное разглядывание потолка грозило расстройством психики, поэтому он стал подробно вспоминать основные события своей жизни, не пряча от самого себя то, что при других обстоятельствах было бы постыдным.

«Начинать надо с конца, – решил он. – Итак, кто я был до сегодняшнего дня?»

Вполне удачливый, пусть и периферийный, актёр театра, работающий на территории одной из бывших республик развалившегося Союза.

У меня есть звание, квартира, достаточная известность в городе и должность главного режиссёра. Останется ли теперь эта должность за мной? Как знать. Правда, потерял на «жизненном вираже» ногу, а не голову...

Я достаточно часто встречал на своём актёрском пути режиссёров, и даже главных, у которых были отличные сильные ноги, но вместо головы муляж, что-то вроде протеза...».

Ему до деталей вспомнился электронный диалог с одним молодым режиссёром, выпускником столичного театрального вуза. Переписка настолько чётко отложилась в памяти, что он мог воспроизвести её с точностью до слова.

Главному: Здравствуйте, Григорий Викторович! Как давно я искал Вас в «Моём мире»! Надо же... Вы, такой старый, и ещё... в компьютере! Напишите, как Вы там... в моём родном провинциальном областном центре?..

От главного: Привет! Напиши, мой двадцатитрёхлетний молодой друг, закончил ли ты столичный вуз? Напиши о себе подробнее...

Главному: Слишком подробно писать возможности нет – столько много всего происходит... Расскажу вкратце, чем сейчас занимаюсь. На осень запланирована защита кандидатской в Питере. Сейчас нахожусь в Боголюбском городском театре – должен поставить тут два спектакля – «Стеклянный зверинец» и новогоднюю сказку.

А в феврале поеду в Прагу – есть приглашение поработать там... На днях отправил вам в театр факс с предложением насчёт пьесы Т. Уильямса «Ночь Игуаны». Надеюсь в ближайшее время получить ответ от вашего директора.

Посылаю (краткую) аннотацию и вам:

... В центре событий (как символ) – несвободная игуана!

Все герои за сутки пройдут дорогу от беспамятного пьянства, группового секса до попытки самоубийства! Это им нужно, чтобы понять себя и освободиться от догм и всего ненужного, от того, что они долго носили в себе...».

Если заинтересовало, то прошу связаться со мной в «Моём мире». А как у вас дела? Какие работы? Планы?.. Вы так и не написали... А куда ездили или поедете вы?

От главного: Дорогой Роман! В прошлом году мы так и не поехали в Англию... В этом году мы всё же... не поехали во Францию!

В будущем году... не поедём... не поедём... не поедём... напишу, в будущем году, куда... куда не поедём!

... А вот куда нас «посылали», – напишу.

На... Кисель-куль, на Пыхтиловку, на Петухово и в ппп... одобные романтические, Роман, места...

В связи с этим нас очень «волнует» (особенно жителей сих мест) «Ночь Игуаны», групповой секс и проблемы, связанные с нашим несовершеннолетним либидо.

... Сейчас ставлю новую трактовку «Трёх сестёр».

В первом акте Ирина кричит: «Работать! Работать! Работать!» – остальные молчат.

Во втором акте Ирина кричит: «Не хочу я работать! Не хочу работать!» – остальные молчат.

В третьем акте Ирина молчит, а все остальные кричат: «В Москву! В Москву!».

А директор (новая трактовка) кричит: « В Пыхтиловку! В Пыхтиловку!!!». В четвёртом акте... да фиг с ним, с четвёртым! Они всё равно уже будут в... Пыхтиловке!

Теперь о себе... В этом году в нашем среднеспециальном колледже искусств защищаю докторскую, на тему: «Казахская домбра как основа русской музыкальной культуры и её влияние на православные обряды».

Тема беспроектная, так что заранее можешь поздравлять с докторской степенью! Вполне возможно и Нобелевское лауреатство!

Главному: Это очень хорошо, что жизнь кипит и не стоит на месте... А по поводу поездок по экзотическим местам... наверное, Вам уместно тихо промолчать! Это неотъемлемая (!) часть работы областного театра...

Тут, в Боголюбске, происходит нечто подобное, и это, как я понял, помогает неплохо существовать местному театру и обеспечивать 100 % надбавки и различные премии к зарплатам артистов из внебюджетных активов театра.

Судя по вашему письму, могу сделать вывод о том, что моё предложение вас заинтересовало! Не так ли?! Когда читал пьесу, то думал именно о том, что это надо ставить в вашем Степнолеске! А в марте поеду в Прагу...

От главного: Ты хоть понимаешь, ЧТО я тебе пишу?

... Роман, переписка с тобой мне всё больше и больше нравится...

Ах! Как бы мне хотелось оказаться в РАЮ под названием Боголюбск (60 тысяч населения, 150 спектаклей по районным центрам и сельским клубам!).

Закрываю глаза и вижу, как сотни селян собираются у поселковых советов и скандируют:» У-иль-ям-са! И-о-нес-ко! Бэ-ее-кке-та!!! Да-ёшь театр каж-дый де-е-е-нь!!!».

А рядом дети с плакатами: «Хочу в зверинец, но в... СТЕКЛЯННЫЙ!!!». И на этом фоне театр им. Чернышевского. Фестивали! Дипломы! Лауреатство! И вот они – АКТЁРЫ!

Сытые! Раскормленные! Постоянно задающиеся вопросом: Что делать? Что делать?!! Что делать... с внебюджетными деньгами, которые дирекция безжалостно засовывает в их непомерно раздувшиеся карманы? Ну хоть бы на денёчек к... вам! Может, замолвишь словечко? Могу внести новую «струю» и настроить... «Стряпуху замужем», например! А? С надеждой, юмором и пониманием, грустный «филосоВ» Грыгорий.

Главному: Ну раем назвать это сложно... Вообще Боголюбск очень похож на Степнолеск : такой же, по сути, купеческий город... А вот что

касается ломающихся в театр зрителей с транспарантами – это правда, так как развлечений в городе не так много, и театр тут – место обязательного отдыха граждан, в год выпускает по 10-12 спектаклей... Сейчас нас приехало три режиссёра.

Ещё в театре есть два штатных. Один пока исполняет обязанности главрежа. Вот такая «режиссёрская» тут ситуация. Артистов немного – 13 человек. Если вы всерьёз думаете о возможности постановки тут, я смогу забросить эту идею.

Я не планирую тут задерживаться долго, не далее, чем до Нового года... Как говорится: «Сделал дело – гуляй смело!!!». Тем более что есть предложение в апреле поехать в Прагу!

От главного: Очень интересно получить ответ на два вопроса.

Первый: Текущий репертуар театра? Все названия.

Второй: Какие среди этих (13) артистов возрастные категории, сколько артистов за 50, сколько 40-летних и сколько до 30 лет. Сколько женщин и сколько мужчин? Какое у них образование?

Напомни, в какой академии ты учился? Какое образование у тех режиссёров, которых ты назвал? Ты ответь подробней, ин-те-рес-но!

Главному: Да уж... вопросы... За (50) тут актёров, слава богу, нет! Две женщины и трое мужчин до (40), остальные – до 30-ти. Я окончил Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, кафедра режиссуры и актёрского искусства! Другие заканчивали академию театрального искусства. Среди актёров тут половина с образованием, половина без. Учились в студии при театре.

Наверное, что-нибудь в мае поставлю в Праге!

От главного: Спасибо за информацию, но ты мне только добавил загадок. Как ухитряетесь при этих тринадцати актёрах ставить от 10 до 12 спектаклей! И ещё, открой секрет, назови тему твоей кандидатской диссертации.

Главному: Никакой это не секрет! «Театр одного актёра в России XX-XXI века»! Тут действительно много загадок... Но я, надеюсь, отгадаю!!!

Действительно, сложно ставить при таком скудном составе труппы. Но режиссёры умудряются...

Вот только не знаю, какое количество актёров работает в театре в Праге.... В июне ведь надо ехать в Прагу!!!

От главного: Рома-а-а-н!!! Спасибо! Театр одного актёра! Вот оно! Ведь что-то стучало в моей голове под лысеющей сединой! Театр одного актёра!!! Вот он свет в конце моего тоннеля! Я отгадал своё будущее и твоё, и многих других... Театр ОДНОГО актёра!!! И... много, много РЕЖИССЁРОВ!

Только одно сейчас меня тревожит и гложет. Как при таком НОВОМ театре мы сможем найти... хотя бы одного ЗРИТЕЛЯ...

От главного: Роман, ты где?

От главного: Роман, ты где???

От главного: Ро-о-ма-а-ан, ты где!!!

Главному: Я в... в... Пп...п-ра-а-а-ге!

Это были «знаки» нового театра, нового искусства, в котором ему, человеку культуры прошлого века, скорее всего, не было места.

Григорию вдруг захотелось вспомнить, когда он был по-настоящему счастлив. И был ли? Нет, не в личной жизни. У него прекрасная жена, которая переносила вместе с ним тяготы жизни, родила ему сына... Сына... Сына...

Он постарался уйти от этой темы. Здесь было больно... Но он к ней ещё вернётся... Потом.

Сейчас хотелось думать только о профессии, которой он отдал всю сознательную жизнь...

В отличие от некоторых своих сокурсников, которые переехали в Москву, добавили к среднему специальному образованию московское высшее и остались «ковать» свою столичную судьбу, Григорий начал актёрскую профессию с периферийных городских театров, где можно было наиграться вдоволь. Хотелось посмотреть отдалённые уголки страны, от медвежьих уголков Сибири до южных морей.

Первый театр

... Была ранняя осень, но здесь, в краю белых ночей, чувствовалось дыхание приближающейся зимы. У ног плескалось Белое море. Вернее, оно уходило отливом, обнажая песчаное дно, оставляя на холодном воздухе медуз, каких-то каракатиц, а иногда и рыбёшек. Отлив был таким быстрым, что это вызывало тревогу, настораживало неестественностью происходящего.

Это была первая встреча молодой актёрской семьи с Севером.

Потом будут архангельская тайга, гастрольное путешествие на баржах по Сухоне и Северной Двине, спектакли в лагерях для заключённых, к которым ехали по узкоколейкам от станции Плесецкая. Перелёты на «курузниках» от лесхоза к лесхозу с чемоданами мягких декораций в деревянных ящиках, таёжный гнус и суточные, на которые можно купить только буханку хлеба и банку консервов «кильки в томате».

... Наверное, тогда они были счастливы, двое молодых, стоявших на краешке земли. Перед ними расстилалось Белое море, обрамлённое песчаными дюнами и редкими соснами, а справа возвышались массивные корпуса гигантского завода, известного строительством и ремонтом атомных подводных лодок. Место, где они стояли, называлось «остров Ягры».

У них, недавно создавших семью, имелись в наличии два чемодана с одеждой и постельным бельём, две подушки и один матрас. Всё это лежало в багажном отделении Северодвинского вокзала.

В театр они пришли вчера вечером налегке, обратились к заместителю директора, которому показали телеграмму, подтверждающую приглашение на работу.

Тот пожал плечами, сказал:

– Директора сейчас нет, с гостиницами очень сложно... Даже не знаю, что с вами делать. Есть одна комната в двухэтажном бараке, там наш бывший радист жил, алкоголик... Там только кровать с матрасом... У вас постельное бельё есть?

Они так устали от вагонной духоты, такое гнетущее впечатление произвёл на них центр города, деревянное здание театра (как выяснилось

потом, построенное за месяц сталинскими заключёнными), что хотелось только одного: поесть и на что-нибудь прилечь.

Светлана, уроженка солнечного Кишинёва, буквально простонала: «Куда угодно! Лишь бы отдохнуть...».

Им досталась комната на первом этаже барака. Грязные, затянутые паутиной окна, железная кровать, на которой лежал ржавый матрас с торчащей из швов ватой, стул на хлипких ножках. Всё это тускло освещала засиженная мухами лампочка, свисающая над кроватью на залатанной проводке.

Спать легли прямо в одежде. Выключили свет и какое-то время прислушивались к шумам нового города, к ругани, доносившейся сверху, к шуршанию и потрескиванию обоев, грязных, наклеенных, очевидно, ещё до войны.

Неожиданно пошёл дождь. Но дождь был... сухим! Сверху сыпалось что-то лёгкое, чуть ощущаемое, вызывающее зуд на открытых участках кожи. Чесались шея, руки, всё тело. Не выдержав, Григорий вскочил с кровати, нашёл в темноте выключатель. По потолку, по стенам, по покрашенному зелёной краской полу ползли полчища рыжих клопов.

Жильцы барака, очевидно, периодически проводили санитарную обработку. Уцелевшие от химической атаки кровопийцы находили убежище в конуре спившегося радиста, который не имел к ним претензий, так как укусов не ощущал, да и клопы, скорей всего, не находили вкуса в его крови, разбавленной портвейном и дешёвым плодово-ягодным пойлом.

Сейчас на клоповьей поляне был праздник. Отощавшие прозрачно-сухие, но от этого не менее активные, они мечтали насытиться и агрессивно шли в атаку. Григорий перевернул матрас и обмер. В складках, в углах скопились гроздьи кровососущих тварей, словно пчёлы на сотовых рамках ульев.

Светлана поставила стул на середину комнаты и села на него. Григорий, сбросив матрас с кровати, устроился на голой панцирной сетке. Идти было некуда. Решили сидеть при свете лампочки до утра, пытаясь удерживать равновесие, когда дрёма наваливалась непреодолимо. Но не тут-то было... Рыжие камикадзе, несмотря на светившую лампочку, поползли по стенам, ленточным потоком потянулись по потолку, чтобы совершить десантный прыжок именно с той точки, которая располагалась над людьми.

– Всё! – сказала Света. – Больше не могу. Веди меня куда хочешь, только подальше от этих тварей...

Кроме вокзала, идти было некуда. В холодном зале ожидания, так же похожем на барак, они провели оставшуюся часть ночи. При первых признаках рассвета, спросив у железнодорожника, в какой стороне море, отправились через весь город пешком встречать утро нового дня...

Так начиналась семейная романтика театральных будней.

И эта романтика была. Была! Премьерные радости, перезвон гитарных посиделок, репетиции до изнеможения, зрительские восторги и гастролы... Одни только названия населённых пунктов, где

гастролировал театр, вызывали романтическую дрожь и ожидание чего-то необычного... Тотьма, Подюга, Мудюга...

Здесь, в этих северных краях, Светлана вынашивала их первого ребёнка, дочку...

В памяти Григория промелькнули лица сослуживцев. Это были милые люди, фанатично преданные театру, почти всегда голодные, зачастую нелепые и смешные, как и он сам в то время. Очень ярко вспомнился один день в Тотьме.

... Жили в гостинице на дебаркадере. Спектакля в тот вечер не было.

С берега к пристани идёт старший рабочий сцены Юра Холмогоров, высокий, светловолосый парень с рябоватым лицом, заикающийся почти на каждом слове. Он, очевидно, стеснялся своего заикания и, наверно, поэтому на лице его постоянно блуждала извиняющаяся улыбка. Шёл, покачиваясь, так как был вдрызг пьян. В руках он бережно нёс нечто похожее на когда-то белую рубаху, всю в комках грязи.

– Юра! Ты откуда такой весёлый?

– От д-д-ру-ззз-ей! Тт-оо-лько ч-что пп-озна-кк-омился!

– А что это у тебя в руках? Что за хлам?

– Это нн-е хх-лам! Это рр-убаха! За рр-убб-ль ку-ку-пил!

– Ты что, с ума сошёл! Выброси эту дрянь к чёртовой матери!

– Не-а! Это не дд-рянь! Ппа-па-стираю, за тт-ри пп-родам!

Вот так, ещё тогда, в глубинах Севера, зарождался наш российский шоу-бизнес!

К чему... к чему вспомнились этот Юра и эта рубаха, такая грязная и старая, втюханная новыми друзьями? Ну должен же быть в клочке этой памяти какой-то смысл?

А... вот и появился перед мысленным взором и зелёный знакомец, стал вглядываться в Григория инопланетными глазами.

«Здравствуй, кузнечик! – захотелось закричать. – Ты принёс мне привет из моего двуногого детства? Верни мне, верни сейчас же кусочек той безоглядной радостной жизни, той редкостной поры, когда кусок ржаного хлеба, присыпанного солью и политого горьковатым подсолнечным маслом, казался вкусней и слаще любого пирожного!».

Григорию показалось, что кузнечик что-то протягивает ему в зелёных лапках, что-то грязное, надорванное мнёт и трёт, будто стирает... Да это же рубашка! Нет, совсем не та, что нёс когда-то Юра, а клетчатая, яркая, модная тогда среди мальчишек.

«Что с ней стало? – подумал Григорий. – Рваная, грязная, трухлявая и, наверно, вонючая, как я сам на этой «голгофе». Голгофой он почему-то стал называть железного монстра, именуемого кроватью, на которую уложили его после последней операции.

Продолжение в следующем номере.

Ирина СТРУГОВА

Стихи о войне

Память

Ты помнишь войну? Нет, не помню,
Я даже тогда не жил.
А ты? Помню только про жизнь,
Я умер тогда и войну забыл.

Шелест листвы. Закроешь глаза.
Старая дача, мама, ласковый шёпот.
Ветер из трав. Смех детей и гроза.
Засыпало всех нас в окопах...

Часы на стене, абажур, комары,
Тени деревьев на лунном окне,
Сын мой совсем повзрослел с той поры,
Только убило его на войне.

А ты говоришь, ты тогда не жил,
Вспомни запах травы, ты просто забыл.

Весной потеплело и стало светлей,
День стал и весёлым, и долгим.
И была у меня жена,
Но всех нас убили на Волге.

Не заснёшь, если рядом ты,
Ты вся любовь, пылаешь в огне,
Муж дарил мне весной цветы,
Но убили его на войне.

А ты говоришь, ты тогда не жил,
Вспомни меня,

ты просто забыл.

1972 (мне было 32 года).

На День Победы

Пепел погибших солдат
Стучит и стучит в мою грудь,
И шепчет трава на могильных холмах:
Смотри, обо мне не забудь.

О нет, я тебя не забуду,
Мой мальчик, мой храбрый солдат,
О нет, я тебя не забуду,
Отец мой, мой муж и мой брат.

Порой нашу память заносит
Седая, холодная вьюга...
И всё же! О нет! Не забуду тебя,
Сестра моя, мать и подруга.

Сегодня я пью за Победу!
За трижды спасённую Русь!
И помнить солдат, что погибли в бою,
Сегодня я трижды клянусь!
9 мая 2009.

Старшему сержанту Мирону Гойхману

Ты форсировал Днепр, я спала в колыбели,
“Не будите солдат” — детям матери пели,
Пролетали года, бомбёжки и глад,
Засыпали землёю погибших солдат.

Ты форсировал Днепр, я спала в колыбели,
Рядом люди живые в танках горели,
Над рекой разлетались соловьиные песни,
Их не слышал уже солдат Неизвестный.

Ты форсировал Днепр, я спала в колыбели,
А кругом города и сёла горели,
Шли бои за Москву, Курск, Сталинград,
Ты дошёл до Берлина, Советский Солдат.

Оттремели бои, свет над краем родимым,
Ты вернулся ко мне живым, невредимым,
Никого не тревожат соловьиные трели,
Внуки наши спокойно спят в колыбели.

Но иногда летом знойным и душным,
Нам всем беспокойно
от равнодушья.

5 февраля 2007.

Красный комиссар

Одна революция! Одна любовь!
Один на всех праведный дар,
Пролитая зря красная кровь!
Где ты? Где ты? Наш комиссар!

Ты посмотри, что случилось с нами,
Всё охватил белый пожар,
И мы почернели, мы стали углями.
Где ты? Где ты? Наш комиссар!

Все брошены в страхе и зависти жить,
Сиротами стали — и мал и стар.
Зачем же ты дал себя убить?
Где ты? Где ты? Наш комиссар!

Воскресни и смело злу нанеси
Усиленный правдой удар.
Мы верим, что есть ещё на Руси
Хотя бы один комиссар.

1 сентября 2005.

Марина Влади

В деревне белорусской была
я чисто русской,
Забывши гонор западный,
их похвалы и их хулу,
Я слушала рассказ колхозницы
И тихо плакала в углу.
Рассказ нас в прошлое уводит,
И водка на столе, и крошки хлеба.
В моём углу сидит Володя,
В его стакане отраженье неба.

Рассказ колхозницы простой.
Отряд солдат к ним на постой
Пришёл однажды в месяце мая,
На трубах марш побед играя.

Они все были молоды, красивы,
Все уцелели, как один.
И вот они пришли в деревню,
В которой не было мужчин.

А женщины деревни этой отплакались,
Что слёзы уж не льются.
Они смирились, согласились,
Что их мужчины не вернутся.

Они солдат тех накормили,
Себя украсили цветами
И молчаливо попросили
На эту ночь стать их мужьями.

Вот так закончив свой рассказ,
Колхозница крестом сложила руки,
Взглянула на икону, потом же в сад,
Где в этот час игрались её внуки.

Вот так в деревне белорусской
Марина Влади стала русской,
И наша жизнь была ей ближе,
Чем жизнь без нас в её Париже.
Рассказ нас в прошлое уводит,
И водка на столе, и крошки хлеба,
Но нет в её углу Володи,
Нет ни любви, ни слёз, ни неба.
Март 2004.

г. Сиэтл,
США.

Ирина КОСТЕВИЧ

Мне 14 уже два года

Роман о подростках

(Окончание. Начало в №№ 3-4 за 2012 г.)

Глава 17. Краски

Мы по-прежнему сидели в коридоре. У меня уже затекли ноги, я отодвинулась от Саны и встала.

– А почему вы с Нуриком там, в полиции...

– А, ну это он мне зарабатывать давал. На лекарства.

– Но... Это же... Это же плохо.

– Сдохнуть без лекарств – вот это плохо! – отрезала Сана. – Ладно, пока, заболталась я тут с тобой.

Я поняла, что больше её не увижу. И закричала:

– Не уходи, постой!

– Чего хотела?

– Ну, в общем... Дело прошлое, ладно.

Помолчали.

– Честно не обижаешься?

– Уже нет. А поначалу – убить тебя была готова. Знаешь как я из-за этих денег влипла... Вся жизнь могла наперекосяк пойти. С бабушкой вот до сих пор толком не помирюсь.

– Извянки. Но назад не отдам – нету.

И тут я спросила Сану, а не знает ли она какой-нибудь способ – только законный – добыть деньги нам на краски.

Она сразу же прицепилась к сумме.

– А кто вам насчитал, лохушкам?

– Да мы сами считали.

– А где цены брали?

– На сайте магазина, который красками торгует.

– Только дебилы покупают в магазинах!

– А остальные где???

– Блин, ты живёшь в таком городе и даже не знаешь, где нормальные люди всё себе покупают?!!

– Не-ет.

– На «барахолке», конечно! Всё равно весь товар у нас с Китая. В городе в магазинах всё то же самое – но там накрутки идут, получается в две цены. Ты на строительный базар сходила б, а то – на сайте...

– Откуда ты всё знаешь, Сана?

– Поживёшь с моё, и ты узнаешь...

– А сколько тебе?

– Двести восемьдесят три...

Ну как с ней нормально разговаривать?

Сана написала мне на бумажке удивительно ровным и красивым почерком название рынка, номер контейнера и имя продавца:

– Он из наших, детдомовских, скажешь – от меня, нормально всё сделает, найдёт, чего тебе там надо, – королевским жестом Сана протянула мне адрес, – дарю! И тут ещё мой номер: Кайра если перезвонит тебе, будь другом – звякни, Расскажи, чего там с Нуриком. Ну, и единиц мне скинь, хоть немного, ладно?

– А ты меня со своим дедом-художником познакомишь?

– Вот надо тебе? Хорошо – оклемаюсь немного, познакомлю! Чё-то устала я, пойду.

Так мы и расстались. Я шла такая радостная, будто крылья за спиной выросли.

У меня появился ещё один друг! Которому я нужна и с которым мне интересно так, что дух захватывает.

С тётей Розой тоже всё вышло удачно. Она сразу назвала имя психолога и сказала, что сама всё организует. Только сказала, что придётся потерпеть недельку – его сейчас в городе нет. А после работы пообещала заехать за мной и свозить на строительный рынок.

Полдня я просидела дома, рисуя орнаменты гелевыми ручками. Когда рисуешь, время бежит совсем по-другому. Я даже забываю поесть. Тётя Роза ворвалась в квартиру, как маленький вихрь, заторопила, закрутила – и вот мы уже на рынке. Хоть и приехали поздно вато – продавцы начали собирать свой товар.

Мы шли, уворачиваясь от грузчиков с тележками, носившихся по рядам с криками «Жол! Жол!»¹¹. Я обратила внимание, что некоторые из этих парней были моими ровесниками или даже младше. И им приходится день-деньской работать. А придёт зима – будут тут бегать по холоду, в сырости... Я зябко передёрнула плечами.

– Что ты, жаным? – забеспокоилась тётя.

– Да ребят этих жалко. Совсем ещё дети.

– Жалко... – тётя вздохнула. – Жалко, и помочь нечем. Только что молиться за них. Чтобы не заболели, не спились, выросли как следует – родителям опора на старости лет. Вот кому-то Бог даёт, но кормить детей нечем. А я вот... всё бы отдала своему ребёночку – только не приходит он в мою жизнь.

Мне на базаре очень нравилось. Столько непонятных предметов, новых запахов... Кое-что надо запомнить – потом нарисую, может.

Мы быстро нашли указанный Саной контейнер.

– Только мы пока не покупать, – смутилась я. – Нам цены узнать нужно. А потом мы к вам придём.

Весёлый парнишка кивнул, взял мой список необходимого, пробежал глазами.

– Это есть, это есть, этого нет. У соседа есть. Маке, у вас вот эти краски почём? – окликнул он пожилого мужчину, стоявшего с товаром напротив.

Быстро всё подсчитав, он сунул мне список с проставленными ценами. Оксана была права: действительно, получилось в два раза меньше.

¹¹ «Дорогу! дорогу!» (пер. с казахского).

– А краски хорошие?

– Как румянец на твоих свежих щёчках, красавица! – засмеялся пожилой продавец.

А молодой спросил:

– Ты Сану скоро увидишь? Передай, а, – парнишка достал кошелек, вынул из него тысячу тенге. Затем, окликнув проходившую мимо торговку фруктами, купил у неё ананас. – И это. Точно передашь, а, красотка?

Я смутилась и кивнула.

– А неплохая, видать, эта твоя Сана, – сказала тётя, ведя меня обратно через базар, – смотри-ка, ананас какой! Это её парень, что ли?

Я в ответ помотала головой.

– А-а... Поклонник, значит. Передам ей всё, конечно, передам. А ты вот, жаным, посмелее с парнями будь. С ними шутить надо. Он тебе – слово, ты в ответ – десять! Они это ой как любят! Потренируйся сначала. Чего хихикаешь! Маленькая ты совсем у меня ещё... Вот придет мама – и не вспомнишь свою тётю...

– Тётя Роза, ну что вы! Я вас всегда буду помнить! – я беру её под руку и прижимаюсь к ней. Она идёт со мной по базару, страшно довольная.

Глава 18. Приехали родители

В обед приезжают мама с папой!!! И я опять прогуливаю школу. Да всё равно сегодня последний день. Перебьются там без меня. Совсем мне некогда...

Мы с тётей несёмся на вокзал. Мама звонит мне каждые пять минут. Интересно, кто будет на вокзале первыми – мы или родители? Папа подзуживает свою сестрицу: «Жми на газ, Роза! Работай-работай! А мы вот тут в купе сидим, в окошко смотрим... Но доедем быстрее...». Тётя вскипает, злится на пробку. Подмигивает мне: «Ничего, жаным, прорвёмся! Верь тёте Розе-гонщице!». Смешные они с папой – как дети малые, дразнят друг друга.

Когда мы выскочили на перрон, поезд уже подъехал и затормозил. «Один-один!», – довольная, подвела итог тётя Роза.

А вот и нужный вагон. А вон и лицо моей мамы в окне.

– Мамочка! – я несусь к вагону, проводник как раз откинул ступеньки...

Может, это и по-детски – такая огромная девушка так радуется своей маме, но до окружающих мне фиолетово. Наконец-то её можно обнять, понюхать волосы, поцеловать. Тут меня хватают сильные руки.

– Мируся, а выросла-то как...

А это – мой папа! И я прыгаю в его сильные объятия.

Мама начинает плакать от радости. Папа обнимает нас и отводит в сторонку.

– Подождите. С багажом разберусь...

Когда я на секунду отрываюсь от мамы, то перехватываю ревнивый взгляд тёти Розы. Улыбаюсь, машу ей рукой и опять зарываюсь лицом в мамино мягкое плечо. И ничего мне больше не надо.

Сегодня мы все ночуем у бабушки. А завтра... Завтра мы идём смотреть нашу НОВУЮ КВАРТИРУ. Бедная Сана – вот как она живёт без семьи и ещё не сошла с ума от одиночества? Хотя потихоньку сходит, бедная. А вот я теперь снова обычная домашняя девочка – меня рисовать-то мама с папой отпустят?

А подруги мои им понравятся? Ну, насчёт похожей на дельфина респектабельной Вики я даже не сомневаюсь. А что они скажут, когда увидят (и главное – услышат) безбашенную Алю? Про Сану вообще молчу... А как отнесутся к группе «ВАМ!» и нашей идее рисовать в больнице?

А ведь мама с папой ещё не в курсе истории с бабушкой...

Вечером мы валялись с мамой на диване. Я хотела рассказать ей всё-всё, что произошло со мной за это время, но... Представила, как она расстроится и... промолчала. Просто прижалась к ней посильнее. И мама мне мало что рассказывала про Астану. Только сказала, что сильно устала и больше никуда не хочет уезжать. Кажется, и мама не хотела меня огорчать.

– Давай больше никогда не расставаться! – предложила я.

– Не так! Давай не делать больше того, чего мы не хотим! – поправила мама. – Ведь я ужасно не хотела ехать на эти заработки. Лучше бы здесь работу нашла получше, и тогда моя Мышка (она прижала меня к себе покрепче) была бы со мной. Астана – город будущего. Обживать там много надо. Тяжело это – обживать новое. Надо очень много сил. Много-много.

– А наша квартира? Её тоже будет тяжело обживать?

– Завтра посмотрим. Господи, да неужели мы действительно вернулись?!!

– Оля, скажи Олжасу – через полчаса манты поспеют! – крикнула из кухни бабушка.

О-о, невероятно – бабуля на радостях решила отойти от кулинарных предписаний клуба «Здоровая жизнь». Вот это да!

Бабушка устроила нам настоящий пир горой. Досадовала, что нет тёти Розы – та умчалась на очередной психологический тренинг. После ужина мы все еле на ногах стояли – так объелись. Но всё равно родители собрались идти смотреть, что там теперь вместо нашего квартала. Еле уговорила их остаться – зачем настроение себе портить?

Какой-то странный был вечер... Вот – все мы, даже Масяня – вместе, как раньше. Но чего-то или кого-то не хватает. Придётся заново привыкать к нашей маленькой семье.

Кончился вечер встречи, прошла ночь. И вот уже новый день – с родителями...

Мой папа бегаёт по утрам. Но сегодня он изменил своей привычке, и бежали мы все. По этажам. Сейчас расскажу, как это было.

Оказывается, я не только по маме с папой соскучилась, но и по нашей машине. Даже погладила: «Привет, лапочка!». Ехать папе было тяжело. В Астане он отвык от такого кипения на дорогах.

– Бедная ты моя, как же от бабушки в школу моталась каждый день, – сокрушённо вздохнула мама.

Да-а, вспоминать страшно... Кстати!

– Папа, спой, пожалуйста!

– Что, прямо сейчас, за рулём?

Я задерживаю дыхание, загадываю... И он поёт «Эх, дороги!». Вот чудо-то! Быстренько включаю диктофон на «сотке». Лишь бы записалось. Ну какая это радость: папа поёт, мы едем на нашей машине. Едем посмотреть на наш новый дом. Супер! Будем друг друга поздравлять. Только не «С Новым годом!», а «С новым домом!».

Наконец мы въехали в знакомый район. Вон парк, а вот и компьютерный клуб «Соб@чка»...

– Я вам сейчас школу свою покажу, – закричала я.

– А то мы не знаем, – улыбнулся папа. – Кто тебе её выбирал, школу твою?

Ещё один памятный ориентир – связка шаров над известно каким офисом... Только этого родители не узнают ни-ког-да. Наискосок, через дорогу – мой спортзал. А вот что за тем поворотом, я даже никогда не задумывалась. А оказалось – там НАШ ДОМ.

Он был таким свежим и ярким!

– Что-то мне это напоминает Астану, – вполголоса сказала мама.

– Астану в самых лучших её проявлениях... – договорил папа и решительно повёл нас за собой.

Лифт ещё не работал. В подъезде пахло побелкой. Но всё равно – мы поднялись на 10-й этаж достаточно быстро.

На площадке десятого этажа папа перевёл дух, огляделся: «Красотища!». Вынул ключ. Тот почему-то никак не хотел входить в замочную скважину.

Папа ещё посмотрел...

– Дамы, пардон, это не тот подъезд!

– А дом это точно тот? – хором спросили мы с мамой.

– Абсолютно точно, – засмеялся папа, схватил меня на руки и понёс вниз. И вот на этой радостной ноте я увидела, как снизу по ступенькам к нам поднимается... Арсен!

Проходя мимо, он как-то затравленно на меня посмотрел, а я, сидя у папы на ручках, только мотнула ногой и ничего лучше не придумала, как глупо улыбнуться. Тут ещё папа добавил, громко покряхтев и поставив меня на ступеньки:

– И тяжёлая же ты стала, коровёшка! Кушала хорошо без нас, да?

Кажется, сверху на лестнице кто-то хмыкнул.

Дальше мне было чем заняться... Как спустилась, как поднялась – не помню. Что здесь делает Арсен? Неужели... неужели он – мой сосед! И что теперь будет? Много чего успела я передумать. Из ступора вывел голос папы:

– Вот какие у меня женщины – на двадцатый этаж сами дошли. Без передышки! А пойдём завтра в горы с утречка?

Мама устало машет рукой:

– Открывай уже давай! Кошку надо было найти – первую впустить, – она утирает пот со лба.

Папа, громко напевая что-то бравурное, открывает НАШУ дверь. Мы заходим...

За дверью неожиданно много света и ... гор. С нашего десятого этажа открывается потрясающий вид на снежные вершины. А сколько тут места!

Мы обходим квартиру, выглядываем в окна, выходим на лоджию.

Ходим, смотрим... Потом я начинаю носиться, кружиться по комнатам. Горы улыбаются мне в каждом окне. Солнце танцует, опустив лучиножки на пол. Останавливаюсь.

– О, да ты уже и комнату свою нашла! – улыбается мне папа, стоя в дверях.

Моя комната! Сажусь, нежно глажу скользкий паркет рукой. Потом ложусь и начинаю крутиться волчком, зажав глаза от удовольствия. Нелепо – но так хочется!

Неслышно подходит мама. Шепчет отцу, но я всё равно слышу:

– Вот из-за этого стоило там пахать... Смотри на Миру... счастливая, да?

Украдкой смотрю на них: стоят обнявшись, папа гладит маму по волосам. Мама просит:

– Мышка, ты тут пока пофантазируй, где у тебя что будет стоять из мебели, что на стенах, на полу. Как скажешь, так и сделаем – обещаю!

Закрываю глаза. Слушаю... Или – чувствую. Вот сейчас я – Мира – лежу в центре своей Вселенной. Смешно как-то думать, когда у тебя целая Вселенная, где поставить стол, а где – тумбочку. Может, лучше их нарисовать? А спать и на полу можно. В конце концов кровь – дело серьёзное! Кровь предков говорит мне: «Спи, Мира, на полу!». А эти белые стены я разрисую: моя же комната. А я – художница.

То, что мебели не будет, так это даже родителям лучше – меньше покупать. Хотя, возможно, маленький столик мне понадобится – куда комп-то ставить? Вот так и подчиняешься вещам. Я ещё раз обвела взглядом потолок и стены. Да ладно, придумаю ещё, что тут будет. А сейчас мне хочется думать совсем о другом! Который, может, живёт прямо за этой стенкой. Кто знает? А не нарисовать ли мне на этой стене дверь?

Или Арсен случайно в тот подъезд попал? Вряд ли... Наверняка – ОН ЖИВЁТ В МОЁМ ДОМЕ. Вот это новости...

Никогда не думала, что родителям может не понравиться моя идея с больницей. Вернее, вообще ничего не думала про это. А стоило. Я их так ждала, и что в итоге? Из взрослой самостоятельной личности я моментально превратилась в карапузика памперсного возраста. Не ожидала я такого удара от мамы. Не ожидала, и всё!

Сама, конечно, хороша: все карты раскрыла, давай рассказывать, что да как. Папа слушал с интересом, а лицо мамы всё мрачнело. Я думала, это ей детей жалко, которые там. Так нет же! Вернее, детей ей, наверное, и вправду жалко, но дело было не в этом. Она взяла и ЗАПРЕТИЛА мне вообще там бывать! Вы представляете? Мало того что это в принципе несправедливо, так ведь ещё и позорище-то какое – заварила кашу, а теперь... Уже и группа у нас, и форма (ну пока ещё мы в ней не ходим, но

идея-то есть, главное!). И вдруг моя мама всё это одним взмахом волшебной палочки... а лучше сказать – педагогического жезла... взяла и зарубила. Уйти жить к тётке Розе обратно, что ли? Раньше я бы поплакала-поплакала, да и успокоилась, но сейчас всё будет не так. Пора доказать, что я уже не ребёнок.

Из-за меня родители поругались.

– Ты всё готов пустить на самотёк! – кричала мама. – Не надо было уезжать! У неё переходный возраст. Упустили! Что теперь? Ты хоть понимаешь – только вожжи ослабь, и всё – понесла, не рады будем!

– Но ей надо определяться, взрослая уже...

– Какое «взрослая»? Ты что? Вырастет, тогда пусть и определяется! Ну ты представь: больница, там чёрт-те откуда, чёрт-те с чем больные ходят – может, даже со СПИДом – и наша Мира вдруг там... Это же катастрофа, ты что, не понимаешь?

– Не преувеличивай..

– Это ты преуменьшаешь!

Я затаилась, вдавившись в диван. Чувствовала себя ужасно. Они ссорились на кухне, бабушки дома не было. Мама под конец расплакалась. Ну почему это происходит? Это же глупо!

Неужели мама не понимает, что из-за этого вся моя жизнь разрушится? Меня перестанут уважать подруги, тётка Роза. А ведь она столько сил вложила, добиваясь разрешения у главврача. Только вчера Викин брат-бизнесмен специально съездил с девчонками на строительный базар и они купили там по списку всё, что надо. А в итоге?

Я начала злиться. Мне показалось – если останусь лежать тут, начну становиться всё меньше и беспомощнее. Из самой глубины души рванулось, развернулось вширь и вверх:

«Мира, не сдавайся!» – и получилось так громко, хотя и не вслух, что я тут же успокоилась. И вспомнила себя на холме, у Кажи-бабы. Сомнения, если были, отступили. Вытерев слёзы и свистнув Масяню, я незаметно вышла из квартиры. Пусть себе ругаются... В конце концов, может, им это нравится? Чего я мешать буду. Пусть это и мои любимые родители, но сейчас мне не до них. А вот Масяня давно уже рвётся на прогулку – сколько можно терпеть собаке?

Я бродила по тёмным улицам и прикидывала, с чего именно мы завтра начнём в больнице. Всё-таки здорово, что нам помог Викин старший брат. Вот ведь – взрослый человек, а понимает! Спасибо ему большое. И тебе, Вика... Тётя Роза тоже свою часть работы выполнила – в больницу нас запускают, главное – успеть за день.

Поэтому сбор нашей стрит-артовской группы «ВАМ!» будет ранним – завтра в 7-00! Чего бы там ни говорила моя мама. Потом она оценит, я знаю.

Вернее, ох, надеюсь...

Глава 19. Как были разрисованы стены

Огромный день моей жизни уже позади.

Я – Мира, а не мышонок и лягушка, иль неведома зверушка! Я – Мира – и Я СДЕЛАЛА ТО, ЧТО ХОТЕЛА!!! Ну да, меня наказали. Ну и ладно.

Я боялась заводить будильник, чтобы никого не разбудить, и решила проснуться в шесть просто потому, что мне это надо. В итоге ночью каждый час продирала глаза, вытаскивала «сотку» из-под подушки, смотрела на время... и снова засыпала: ещё не пора. Но окончательно проснулась ровно в шесть, как и хотела! Выгуляла Масыню, потом оставила приготовленную с вечера записку: «Дорогие мама, папа и бабушка! Не беспокойтесь за меня, всё в порядке. У меня ОЧЕНЬ важное дело, и я в безопасности. Приду домой в 20-00. Обещаю хорошо питаться. Деньги есть. Люблю, целую. Ваша Мира».

И вот я уже мчусь сквозь утренний полумрак к своей команде, размахивая сумкой с эскизом и бутербродами. На мне обычные джинсики и кеды – отнюдь не вязаные, футболка. Вот и Аля с Викой. С художественным прикидом никто из нас не успел – девчонки одеты примерно так же. Плюс у Викиной ноги притулился объёмный пакет с самым главным – красками, кистями и т.д.

Мы мало разговаривали и были очень деловиты.

– Как твои, отпустили? – поинтересовалась Вика.

– Нет. Пришлось сбежать. Надеюсь, разыскивать не станут.

– Может, тебе «сотку» отключить? – посоветовала Аля. – А то ведь за-долбают: «Где?» да «Что?».

– О, классно! – обрадовалась я и уже потянулась было к «сотке», но... Это же будет нечестно...

– Да нет, пожалуй, оставлю.

– Ладно, прорвёмся! – весело подытожила Вика. – Идём?

– Идём! – сказали мы с Алей.

И мы пошли к больнице, поочерёдно неся тяжёлый пакет.

У входа нас ждала очень нарядная тётя Роза с лестницей-стремянкой. Халат, обтягивающий формы моей чудесной тёти, отливал неземной белизной, а лицо светилось торжеством. Губы, окрашенные самой яркой помадой, глянцево блестели, а волосы дыбились вверх чрезвычайно воинственно:

– Алга, комсомол!

Девчонки, попавшие сюда впервые, затравленно жались друг к другу. Мне было поспокойнее, но тоже не по себе. А между тем тётя Роза несла себя, как ледакол, взламывающий льды в районе Северного полюса.

Глядя на неё, я тоже стала представлять себя ледаколом поменьше и успокоилась.

Наконец мы пришли. Неприветливое пространство огромного холла сдавило нас так, что было тяжело шевельнуться. Аля с Викторией совсем поблели на его фоне. Я поняла, что ещё немного – и окружающее проглотит нас. Значит, надо его завоевать! В этот, достаточно ранний час, в коридорах было уже немало больных. Люди сновали туда-сюда, как серые тени, почти не обращая на нас внимания.

– Мы пришли помочь им, – шепнула я подругам. – Не бойтесь! Вынимайте краски!

Мы устроились у стены, где так недавно я сидела с Саной, и начали готовить инструменты. Разложили на полу эскиз. Тётя Роза нас охраняла. Иногда к ней подходили медсёстры, кивали на нас, что-то спрашивали, затем быстро и равнодушно скользили по своим делам, будто рыбы в аквариуме.

Тут вдруг меня, что называется, «пробило». Вот как бы передать... Какой-то поток, идущий, казалось, из самых недр земли, вдруг стал подниматься по всему моему телу вверх, ввысь, наполняя радостной энергией. Я поняла, что сейчас смогу всё. И так захотелось вот сейчас, немедленно, что-то сделать, что я, дрожа от нетерпения, схватила воду, пластиковые стаканчики, акриловые краски. Быстрее, как можно быстрее остриями крышек пробила запечатанные тюбики с краской, выдавила это разноцветное чудо на палитру. Взяла кисть и...

– Мира, ты что, уже? – ахнули подруги.

– Да. Я сейчас, вон там... – слова шли через силу.

Я подошла к дверному проёму, разделяющему этот громадный не приветливый вестибюль и коридор, и принялась рисовать. Рисовала без эскиза, даже без наброска. Так, будто всего лишь обводила знакомые с детства контуры. Мне показалось очень важным нарисовать то, что я хочу, именно здесь – в месте перехода. И я стала рисовать цветы. Они были абсолютно живыми, наполненными моим чувством, силой того, что я хотела выразить. Когда краски на палитре заканчивались, я выдавливала из тюбиков свежие. Когда вода становилась совсем мутной, я наливала чистую в новый пластиковый стаканчик. И работала, работала – так быстро, как будто это делала не я, а за меня выполнял кто-то невидимый, лишь вода моей рукой по стене. Цветы складывались в причудливый орнамент. Мне некогда было оценивать результат – надо было делать ещё, ещё. Я не замечала ничего вокруг. И даже не знаю, сколько так прошло времени и чем занимались в это время мои подруги. Мне надо было сделать то, что пришлось так внезапно. Я и делала. Вот и всё.

– Доремира, остановись. Хватит.

Этот голос вернул меня на землю.

Позади, забыв закрыть рот, стояла Сана. Впереди, на стене, окаймляя весь дверной проём, тянулся орнамент из ярко-огненных, с красными и жёлтыми бликами, цветов. Ярких, как сама жизнь. Я сползла со стремянки и села прямо на пол, подперев спиной стену. Была ли стена холодной? Возможно. Не знаю. Какая разница?

Выдохнула. Посмотрела вокруг.

Сана куда-то делась. Девчонки, как одержимые, воплощали в жизнь наш эскиз.

Трудились они не одни. Им помогали ещё человек десять, а то и больше. Половина – лысые. Но на это никто не обращал внимания. Тётя Роза руководила процессом. А меня не трогали... не знаю, почему. Видимо,

потому, что это было невозможно, пока я не дорисовала. На стене у девочек уже сияло наше нежное солнышко, виднелись контуры будущей руки... Я посмотрела ещё и засмеялась: народ, не сверяясь с эскизом, творил по собственному разумению, но выходило неожиданно хорошо и слитно. А ещё – у этих подростков горели глаза! Да, а ещё – они улыбались. И тут я начала плакать. Тихо-тихо, просто из глаз струились слёзы, и было мне хорошо, будто уходили печаль и страх, а их место занимала радостная уверенность и любовь. «Эх, Арсен, видел бы ты это!» – подумала я неожиданно. И встретила с сияющими глазами какого-то темноволосого парня. Я смутилась – он смотрел на меня с таким неподдельным восторгом, как никто и никогда. Я не выдержала и опустила глаза. Это же я – Мира – чего на меня так пялиться?

Когда акрил хорошо подсох, я взяла мокрую тряпку и, повозив ею по поверхности белёной стены, немного замазала свой орнамент. Тонкий-тонкий слой побелки соединил это яркое чудо со всей стеной, сделал орнамент гармоничным и придал ему изящество.

Я даже не бралась за основную картину на стене – там и без меня хватало помощников. Аля с Викой как белки скакали по стремянке вверх-вниз. Они уже перезнакомились со всеми своими помощниками из больницы, общались, а я не хотела им мешать. И ещё – расплескать то чувство, которое меня посетило. Сана ко мне тоже не подходила. Только сейчас до меня дошло, что вообще-то она – достаточно деликатный человек. Несмотря ни на что. Я сидела и молчала. Потом меня чем-то кормили, угощали соком. Я ела, пила. Дважды ответила на звонки родителей. Кажется, говорила одно и то же: «Не волнуйся, папа (второй раз – мама), всё хорошо. Да, хорошо, ладно, да...».

И вот наконец всё закончено. Гордо смотрит со стены логотип нашей группы «ВАМ!». За это время больные менялись. К нам приходили даже из других отделений. Меня настойчиво спрашивала какая-то женщина с загипсованной ногой, на костылях, когда мы придём рисовать к ним. Я честно ответила, что не знаю. Девчонки уже перезнакомились с целой толпой. Неужели совсем недавно они тут боялись вздохнуть лишний раз? Теперь же чувствовали себя настоящими хозяйками!

Мы уложились до шести вечера. Тётя Роза привела главврача. Этот огромный пожилой мужчина тихо ходил по холлу, разглядывая сотворённое нами. Затаив дыхание, пытались мы прочесть в его глазах или хотя бы походке одобрение или порицание. Но глаза главврача были скрыты очками с толстыми линзами, а движения были мягки и беззащитны. Он долго и задумчиво смотрел, ничего не говоря. Потом развернулся и, уходя, бросил нам лишь одно слово:

– Молодцы! – и это было дороже всяких похвал.

Тётя Роза, шумно выдохнув и проведя ладонями по лицу, принялась фотографировать. Заставила нас всех встать у разрисованной стены, позировать так и эдак. Потом с нами захотели сфотографироваться больные. Их становилось всё больше. Так что самый большой групповой портрет тёте пришлось делать, взиравшись у противоположной стены на стремянку.

Потом мы пожелали всем скорейшего выздоровления и стали собирать вещи. Волшебство закончилось.

А дома ждали родители...

Тётя Роза хотела идти со мной, но я не разрешила. Взрослая уже, чего за меня заступаться.

Когда я вернулась, на меня обрушилась головомойка. И это было... забавно. Мне казалось, что я старше их всех. Возмущённые реплики лились на меня, хотя чувствовалось: вроде родным и не хочется, но статус обязывает. Впрочем, головомойка длилась недолго – минут пятнадцать, и закончилась вердиктом папы: «Все каникулы сидишь дома. И до Нового года – никакого компьютера!».

Интересно, за самостоятельность ВСЕГДА надо платить?

Глава 20. Что рассказала Светка

Идёт третий день таких коротких каникул... Я сижу у бабушки, но и её нет дома. Как и мамы с папой. А у меня столько сил – горы могу свернуть. Но рисовать сейчас не хочется, и читать. Всё во мне горит обсудить вчерашнее, но я не могу дозвониться ни Але, ни Вике. Позвонила Динке, хотела ей рассказать, что было – так ей некогда слушать. Собирается, видите ли, со СВОИМ парнем в зоопарк. Причём, я так поняла, уже с другим своим...

Сана, конечно же, Сана! Вот кто мне будет рад! То есть – наверное будет... Но и Сана не брала трубку. Сговорились они, что ли?! Тогда я набила сообщение «Позвони, когда сможешь», отправила и окончательно завалялась на диван.

Скуотища. А наш класс послезавтра отправляется в горы на озеро через страусиную ферму. Тоже, что ли, подбить тётю Розу туда смотаться? Она меня у родителей точно отпросит! Хотя... А смысл? Ну, допустим, приеду я туда, и что? Не дождусь ни от кого из одноклассников ни «привет», ни «пока».

Со скуки взялась даже читать бабушкин страшный журнал про здоровье. И тут в тишине раздался такой требовательный звонок, что я аж подскочила. Звонили на городской.

– Мира, привет! Говорить можешь? – раздался деловитый голос, абсолютно мне незнакомый.

– Да. А кто это?

– Ну ты даёшь! Это же я – Света!

– А-а-а...

– А ты почему на сообщения не отвечаешь?

– Я не за компом. А что?

– Ни фиги себе, «а что?»! Вся школа гудит, а она сидит и ничего не знает!

– Чего я не знаю?

– Мира, сообщая, – начала Светка официальным голосом, – ты не виновата!

– Я в курсе.

– А что, раньше нельзя было сказать? – неожиданно наехала на меня Светка. – Ходит, страдает, тоже мне – святая Магдалина. Сказала бы раньше – мы б с ней давно разобрались, знаешь как?!

– С кем «с ней»? А... а это разве не ты?

– Я...???

– Ну, я так думала. Я же тебе написала, помнишь?

Вместо ответа послышались гудки. Означающие, что Светка швырнула трубку. Но у меня возникла твёрдая уверенность, что «анимэшка» перезвонит. И она действительно вскоре опять позвонила.

– Эх, Мира... За кого ж ты меня принимаешь, – сменив тон, начала она. – Это Сабинка тебе устроила!

– Сабина?! Зачем?

– Ага! Как на меня подумать, так и «зачем» вопроса не возникло, а вот наш светлый ангел Сабина...

– Ну извини, Света, просто мне сказали, ты власть любишь, вот я подумала...

– Вот какие у нас всё-таки бабы интриганки... А кто, кстати, сказал?

– Да ну тебя, не стану я говорить! Ты лучше расскажи, зачем Сабине это понадобилось? Я ведь с ней даже познакомиться не успела.

– Зато с Арсеном успела. Поняла?

Я надолго замолчала, ошарашенная. И я поняла... Неужели из-за ревности Сабина так жестоко со мной поступила? Разве ТАК можно? А я столько страдала, целую четверть ходила как оплётанная. Меня начало трясти и я безудержно разрыдалась в трубку. Светка примолкла. Потом важно произнесла:

– Но ты не расстраивайся! За тебя отомстили.

– Отомстили? Кто? Как?

Тут же возникла очень приятная картинка: Арсен строго выговаривает Сабине за её поведение, говорит что-то вроде «Прости, но я люблю другую...». Дальше напридумывать я не успела. Светка сломала светлые мои мечты одним словом:

– Гулька!

– А? А... Кто это?

– Короче... Ты же Гульку знаешь?

– Кажется, нет.

– Ну, одноклассница наша. Мышь серая. Ну, такая... – тут Светка задумалась, как бы описать предмет нашего разговора, но не нашла ничего лучшего, как повторить: – Ну, серая такая. Тихая. Незаметная.

– Не помню. Ну ладно, и что она?

– Она, оказывается, хотела прославиться. Чтобы её (тут Светка хихикнула) по крайней мере замечать начали. Она, прикинь, что делала: ходила и снимала нас на камеру в мобиле. Как папарацци. (Тут Светка опять хихикнула). И вот – дождалась своего звёздного часа – Сабина её в раздевалке не заметила, а Гулька взяла и сняла, как она в твою сумку Арсеновскую «сотку» суёт. Причём, заметь – хорошо сняла, всю Сабину видно, и руки её с «соткой». Талант, да?! А Сабина её так и не заметила – на свою... эту... голову. С тобой тогда всё так и получилось. А Гулька нет чтобы правду рассказать, начала Сабинку шантажировать. Сначала требовала, чтобы та ей уроки делала, потом вообще обнаглела, приказала сумку за ней носить.

– А Сабина что?

– Терпела, куда ей деваться?

– А помнишь, вот недавно, уже перед самыми каникулами Саба пришла вся раскрашенная, как матрёшка, а назавтра – в мини-юбке ужасной и на маминых шпильках?

– М-да... Это что, тоже Гулина работа?

– Прикинь!

– А как всё выяснилось-то?

– Короче, Гулька велела Сабе в последний день учёбы подойти при всех к Арсену и признаться ему в любви. Иначе, мол, разошлёт по Инету видео всем одноклассникам.

– А, меня не было как раз...

– Да? Ну так вот: на перемене – толпа народу, и вдруг картина маслом «Не ждали»: Сабина кидается на Гульку и начинает рвать ей волосы. Гулька сопротивляется. Жёсть! Они там по полу катались! Никто толком не врубился, эти тоже ничего не объясняют. Помню, Гулька ещё крикнула Сабине: «Жди!». Я подумала, значит, у них ещё после школы разборки. И вот (тут голос Светки стал певучим и нежным) на следующий день лезет народ в «Мой мир», а там.... Та-да-да-дам!

– И... и что?

– И то, что я до тебя третий день дозвониться не могу! Поняла теперь, кто тебе это сделал?

– Поняла. Спасибо, – еле произнесла я пересохшими губами. – Ты не возражаешь, если мы на этом завершим разговор? Мне подумать надо.

– Нудная ты всё-таки, Мира, какая-то. Ладно, пока.

Я рухнула на диван. Вот это новость!

И тут опять раздался звонок. И это опять была Светка.

– Да, чуть не забыла: мы послезавтра на экскурсию едем, обязательно приходи. Папа велел автобус к школе подогнать, в восемь ноль-ноль. Придёшь?

– Спасибо, приду. Но... передо мной извинятся хотя бы?

– У-у, ну что ты какая? Будто б мы знали! Ну ладно, извини! Довольна?

Я вскипела. Но... Да что с неё возьмёшь, в конце концов, с этой Светки? Как и с дурочки Гульки, которую я даже не помню. А Сабина... Что ж, её жестоко проучили. Я не смогла заставить себя улыбнуться, но всё же сказала, хоть и тихо:

– Извиняю.

Следующий день домашнего ареста был бы отстойным, даже не смотря на то, что хватало пищи для размышлений. Но совсем «уйти в голову» помешала моя любимая тётя. Алым маком озарила она строгое пространство бабушкиного жилища. Тётя неплохо подгадала: дома были все. А она... пропустив мимо ушей жалобы родителей на свою непослушную Миру, стала показывать фотографии, которые сделала во время нашего «трудового десанта» в больнице. И вот уже мои близкие притихли; и вот уже мама нашла и крепко сжала в своей нежной ладони мои пальцы. Вот уже папа восхищённо оглядывается на меня.

А бабушка – сочувственно качает головой, разглядывая лысых, измождённых болезнью ребят. Вот крупным планом снят мой цветочный орнамент. Аля с Викой... Вот... блестят слёзы в рысьих глазах Саны. А это же – тот парень, что смотрел на меня с таким благоговением, как на икону. Значит, он всё-таки не привиделся?

– Мира, доченька, неужели это ты сама? – шепчет мама, зарываясь лицом в мою шею. И ещё тише шепчет: – Прости меня, моя родная. Ты действительно выросла...

Я перевожу взгляд на папу. Его лицо светится, глаза сияют гордостью.

– Я не одна это делала. Смотрите, вот мои подруги. Это – Аля, это – Вика. – Тут я немного запнулась, потому что забоялась, что скажет на это мама, и показала на лысую Сану, – а это Сана. Она супер.

Подытожила бабушка:

– И чего это я, лошадь здоровая, всё лечусь и лечусь, деньги только на ветер пускаю! Носимся там у себя в клубе с вымышленными болячками, а тут вон кому помогать надо!

(Ого! А чары-то слабеют!).

Как хорошо, что родители привезли из Астаны ноутбук, и он совершенно волшебным образом ловит wi-fi соседей сверху! В «Моём мире» было полно подарков от одноклассников, а основную фотку Великой Миры украсили стикерами со стразами. И пусть не все, но всё же некоторые попросили у меня прощения. Арсен не извинился, но прислал ромашку. Хм... И на том спасибо. Хотя мог бы – ведь из-за него весь этот сыр-бор разгорелся. Всем одноклассникам я отправила ответные подарки и предложила дружбу. Даже Арсену.

А «разоблачающее видео» смотреть так и не стала – противно всё это.

Как мне теперь относиться к этой Гульке, которую я совершенно не помню? Раскрой она план Сабины сразу, тут бы мои мучения и кончились. Думала я, думала над этим, но всё попусту. Как там меня раньше называли, тупая БЛОНДИНКО? Может быть... Зато есть теперь у меня друг, который точно не туп. И он поможет мне разобраться с «делом Гульки». И совсем не блондинистый этот человек, а потенциально рыжий – когда наконец обростёт. Только вот куда он подевался? Сана, почему ты не отвечаешь на звонки и эсэмэски?! С тобой всё в порядке?

Глава 21. Мы с классом едем в горы

Вещи-деньги-бутерброды приготовила ещё с вечера. Оказалось, мириться с одноклассниками было страшнее, чем идти рисовать в больницу. Я настолько долго чувствовала себя «левой» в классе, что успела к этому привыкнуть. А теперь всё будет иначе. А как поведёт себя Арсен? Никак не могла решиться выйти из дома. В зеркале, кажется, уже мозоли натёрлись – столько туда смотрела. Распустила волосы, собрала, распустила. «Хвост»? Или лучше – заколоть в узел? Нет, будет неудобно в автобусе. Может, два «хвоста»? Я так в школу ещё не носила. Решено: два хвоста и ободок. Нет, перебор... Тут я разозлилась, тряхнула головой и, распустив волосы, решительно вышла за порог. Ой... А где моя сумка? Возвращаюсь и ещё

раз смотрюсь в зеркало – так надо, если возвращаешься. На всякий случай беру резинку для волос и заколку. По ходу буду, если что, менять причёски.

Когда я подошла к школе, автобус уже стоял перед оградой, но наших в салон не пускали, и они толпились у передней двери. Мне кто-то усиленно махал рукой. Я помахала в ответ, а подойдя поближе, увидела, что это была Светка.

– Привет, подруга! – приветствовала она меня и торжественно сообщила одноклассникам:

– Доремира будет сидеть со мной!

– Вот деловая, – подумала я, – хоть бы меня спросила.

Но вариант со Светкой был, в общем-то, неплох. Не кидаться же мне в объятия двуличной Фарида, которая теперь смотрит на меня так умильно, словно она – голодная кошка, а я – банка «Вискаса». А считай, всю четверть смотрела мимо...

Мальчишки кучковались своей группкой. Удивительно, но в моих отношениях с классом немного изменилось – я, как и первого сентября, не знала, как себя с ними вести. Сабины, слава богу, не было. А эта Гулька... была или нет, не знаю.

Наконец дверь автобуса отъехала в сторону, и мы поочерёдно начали подниматься по высоким ступенькам в салон. Кто-то сзади галантно поддерживал меня под локоток. Сердце дрогнуло, я оглянулась. Увы, это был Булатик. Кстати, он-то извинился первым.

– Дорогу прекрасной пери!

– Спасибо! – улыбнулась я в ответ.

– С Мирой буду я мириться,

Миру-мир, а Мире – птица!

– Может, пицца? – фыркнула Светка.

– Фиг тебе! Птица. Мы же на страусиную ферму едем.

– Ну пусть будет «Пицца с птицей!» – не унималась Светка.

– Делаешь успехи, – одобрил Булатик. – Но с ритмом у тебя плохо.

Светка, презрительно цокнув языком, дёрнула меня за руку:

– Идём!

И мы уселись на самые лучшие места прямо за водителем. На счастье, Светка довольно быстро примолкла и можно было без особых звуковых помех смотреть в окно. Относительная тишина длилась недолго. Сзади начали петь.

Потом я услышала умоляющее:

– Арсен, ну пожалуйста, пожалуйста! – и наострила уши. Были слышны смешки, перешёптывания, а потом голос Арсена:

– Ну ладно. Только немного. А то знаю я вас. Я – не радио, мне связки беречь нужно.

«Связки беречь»? Часом, не для «Алдаспана» ли? Там вроде связки ни к чему – в смысле, голосовые, если он это имеет в виду. Но тут послышалась песня... И это пел Арсен. Вот это да-а-а!!!

Как же так? Я ведь наблюдала за ним, помнила все его шутки, и как

он умеет улыбаться, и уже даже кое-что успела узнать про то, что он любит, безошибочно нахожу в куче вещей в школьном шкафу его куртку и ... и даже била его по щеке. Но я и понятия не имела, что он ещё и ТАК поёт!

Хотя это были песни Цоя, казалось, он сам придумал слова, вкладывая в них какой-то особенный, свой смысл. Иногда подчёркивал интонацией ту или иную фразу. А какой у него голос! «Даже лучше папиного», – подумала я, но только на секундочку, и мысленно перед папой извинилась. Хотя, если честно – лучше. Ещё никогда в жизни я не слышала, чтобы вот так пели, что называется, «живьём». Ну в телевизоре там, по радио – понятно. А тут – совсем рядом, да ещё и Арсен! Потом он стал петь какую-то незнакомую мне песню, и таким высоким голосом, что даже не верилось, что это тоже он. Совсем другой. Дотянув на немыслимой высоте последнюю ноту, Арсен хрипло рассмеялся и сказал чуть ли не басом... какую-то пошлость. Переход был таким неожиданным, что я вздрогнула и сжалась.

– Вот какой у нас Арсен ... Разносторонний... – прокомментировала Светка так, будто собиралась продать его мне, причём подороже.

Я промолчала и опять стала смотреть на дорогу. Арсена уламывали спеть ещё, но он больше не согласился. Долго я молчала, потом решилась и спросила:

– А... он тебе нравится?

И тут Светка выпалила совсем неожиданное:

– Братец-то? Да упаси боже!

– Как это – братец?!!

– Ну, двоюродный. Кузен. В одном манежике росли. Знаешь, как достал уже... Располагаю массой разоблачительного материала – обращайся! Вот, например, в детстве он пожирал медовые краски – за уши не оттащишь. Они же сладкие...

Я, не иначе как на нервной почве, расхохоталась. Она – за мной. Ничего особенно смешного тут не было, но мы почему-то смеялись до истерики. Так, что начал оглядываться водитель.

– Девочки! – укоризненно сказала классная. – Вы мешаете продвижению автобуса.

Тут мы опять начали кататься со смеху, и скоро ржали уже все. Эпидемия.

Ехать до страусиной фермы оказалось далеко – по дороге автобус останавливался:

1. Возле туалета (без комментариев).

2. Возле круглой тандырной печки у дороги. Из печки закутанная в платок женщина доставала нам очень горячую и вкусно пахнущую самсу.

3. Возле сувениров.

4. Возле кафешки, в которую всё равно классная запретила нам заходить.

5. Снова у туалета – другого, конечно (опять без комментариев).

Но всё-таки, несмотря на эти остановки, вызванные коммерческим сговором водителя с придорожными торговцами (об этом рассказала мне Светка), мы всё-таки доехали до фермы. Как только мальчишки увидели

разгуливающих в вольерах страусов, начались смешки. Я сначала не поняла, чему наши радуются, но потом потихоньку стали хихикать и девочки. Да уж, и согласилась же классная везти нас именно сюда! Дело в том, что они оказались очень похожи: наша классная – и все страусы. О-очень похожие фигуры!

Насмотревшись на пушистое длинношеее и потихоньку найдя семь отличий между страусом и классной, мы послушали лекцию о гигантских птицах и потом стали искать, чем же заняться ещё. Возле забора мне попались на глаза несколько чудесных страусиных пёрышек. Я задумчиво вертела их в руках, и тут появился Арсен. Где-то он раздобыл страусиное яйцо. Огромное! Арсен гордо нёс добычу над головой, а вокруг скакали наши ребята, стараясь дотянуться до яйца.

– Только разбейте! Знаете, сколько стоит!

Он осторожно пронёс его в автобус и пристроил в багажную сетку прямо над своим сиденьем.

– Рискуешь, братец, – поддела Светка. – Свалится, и прям на тебя – будешь обтекать до самого города!

– У меня не свалится! – улыбнулся Арсен Светке голливудской улыбкой и подмигнул ей. Хоть я была рядом, на меня он демонстративно не глядел. Интересно, а теперь-то что я ему сделала?

Глава 22. Поступок Арсена

Наконец-то нас повезли дальше – на озеро. После городского дыма горный воздух казался вкуснее любого напитка. Такой крутом аромат, что у Светки даже голова разболелась.

– Аллергия на природу, – простонала она. – Вешалки... Дайте мне нормального смога и углекислого газа! И побольше...

У меня ничего не болело, но чувствовала я себя странно. Мы поднимались всё выше и выше по дороге, а ущелье внизу было так далеко, что казалось, будто мы летим в самолёте. Я вцепилась обеими руками в поручень перед собой и представляла, что с нами будет, если автобус потеряет управление. У дороги, идущей, как мне казалось, прямо по краю пропасти, не было никаких ограждений. Уши закладывало от высоты. За соседнюю гору зацепилось облако. Я ещё никогда не уезжала так далеко от города.

«Но ведь если школьников сюда возят, значит, это неопасно», – утешала я себя.

Тут, как назло, ещё классная принялась рассказывать очень страшную историю про озеро, на которое мы едем. Оказывается, в один ужасный летний день наверху в горах случился сель. Огромные потоки грязи вынесли из расположенного выше ущелья гигантские камни. Они упали в озеро. Вода поднялась и выплеснулась в долину, смыла всё и всех на своём пути. А было как раз воскресенье, много отдыхающих. Это произошло сорок с лишним лет тому назад. Сейчас озеро частично наполнилось, но оно уже не такое большое. А в память о погибших здесь установлен крест.

Настроение испортилось совершенно.

– А нас там того, не накроет волной? – поинтересовался Булатик.

– Ну что ты как маленький! Конечно, нет! – успокоила учительница.

– Знала бы – не поехала... – пробурчала Светка.

– Дети, дорогие мои! Мы должны знать природу родного края! Молчим и смотрим!

И вот мы доехали. Я с ненавистью смотрела на белёсую водичку, отливающую бирюзой. Здесь, в горах, осень чувствовалась слабее, чем в городе. Наша группа медленно пошла по дороге.

– А не искупаться ли мне? – опять это Арсен!

– Только попробуй! Тут температура воды выше +9 не поднимается! – всполошилась классная. – Дети, слышали! Никто не смеет купаться, будете наказаны!

– Вы нас в угол поставите? – светски спросил Арсен, стягивая джемпер.

– Арсений, не смей!

– Да мне просто жарко!

– Знаю я твоё «жарко»! Только попробуй!

Арсен, тихонько улыбаясь, послал классной воздушный поцелуй.

– Тыфу на тебя, Баум! – ответствовала та.

Я отошла в сторонку. Чего это Арсен завёлся: купаться... – дурак, что ли? Да до этой воды дотрагиваться страшно, не то что плавать в ней... Я засмотрелась на озеро. Хотя, конечно, есть здесь своя красота. Но такая безнадежная, дикая. С противоположного берега донеслась музыка. Жёлтая бабочка качается на высокой травинке. А вон блестит на солнце тёмно-сизое зёрнышко запоздавшей ежевики.

– Ты здесь впервые? – голос Арсена раздался так внезапно, что я чуть не подскочила.

– Да.

– А я был раньше. Мы с отцом куда только ни ездили. Вот, если дальше вон по тому ущелью, ну там километров тридцать отсюда – там ещё озёра есть. Одно знаешь какое – на дне деревья.

– Растут, что ли? Как это?

– Нет, не растут. Законсервировались. Представляешь: огромные тянь-шанские ели, даже иголки сохранились – на тех ветках, что под водой. А те, что над водой – голые, тянутся вверх, как руки. Там даже плавать нельзя из-за них. А вода чистая-чистая. Прозрачная... как... как твои ногти.

– Ногти? – я растерялась. Ну ладно бы «глаза» сказал – хотя они точно не прозрачные, или там, я не знаю – «кожа». А то – ногти. Украдкой я посмотрела на свои ногти. Под одним осталась полосочка вьёвшейся краски. Ещё не хватало, чтобы где-то там, на глубине, росли законсервированные тянь-шанские ели! Мне стало неловко, и я решила сменить тему:

– А ты что, действительно можешь плавать в такой холодине?

– Легко! Я ведь закалённый. Ты разве на «Алдаспане» не заметила?

– Ну, если учесть, что ты мужественно выдержал мой удар...

И мы стали смеяться. Где там были остальные – неважно. Кажется, куда-то ушли. Потом он взял меня за руку с моими «прозрачными ногтями» и, опустив глаза, сказал:

– Прости меня, Доремира. Пожалуйста!

– Прощаю. Хотя мне было очень-очень больно. Но это теперь неважно.

– А хочешь, покажу, как ныряю? – оживился он.

– Да ты что, не надо!

– Вот нырну – и ты тогда меня простишь!

И помчался к берегу. Ну разве такого удержишь?

– А-арсе-ен!

Штаны валялись на тропинке, майка свисала с камня. А он стоял на высоком камне, нависающем над водой, стряхивал шузы, надетые на босу ногу, и улыбался. Самой новогодней улыбкой из всех, что были адресованы мне.

– Не надо!

Какое там! Он уже ласточкой летел вниз.

– Баум, не сме-ей! Мира, идиотка, чего встала! – слышался вопль нашей классной. За моей спиной на тропинку выскочила вся группа.

Прошла очень длинная вечность – не знаю, сколько минут. Мы стояли, оцепенев. Но вот, наконец, из-за камня, на котором он мне так улыбался, показался Арсен. Он шёл как-то очень странно, боком, и был белым-белым. А губы – синими. И дрожали. И он уже не лучился своей новогодней улыбкой. Дойдя до травки, осторожно опустился на неё. Мы кинулись туда.

– Арсений, сыночек, что с тобой, – запричитала классная. – Скажи нам что-нибудь.

– Спина... – простонал он.

Я через толпу кинулась вперёд. Укрыла подобранной на тропинке курткой, стала гладить по волосам.

– Мира, ты? Ну вот, теперь ты точно на меня не сердишься... Не бойся, всё будет хорошо!

– Что у тебя со спиной? Ногами двигать можешь? – прибежавший с аптечкой водитель достал какой-то флакончик с вонючей жидкостью. – На, вдохни! Одеяло, мигом! – прикрикнул он на мальчишек. – В автобусе, за моим сиденьем!

Арсена осторожно переложили на одеяло.

Водитель прошёлся вдоль позвоночника Арсена пальцами, заставил покрутить головой, пошевелить пальцами ног, ступнями.

– Ну, ноги шевелятся – значит, порядок. Парень-то крепкий. Видно, о дно ударился. Я боялся – с позвоночником чего... А ну, девки, растирай его, только осторожнее! Вон, спирт берите, эх, короеды... Да всё не трать, давай, налью в ладошки!

Мы растирали Арсена до тех пор, пока он не порозовел и не взмолился о пощаде.

– Будь моя воля, натёрла бы я тебя... красным перцем, – в сердцах сказала классная. – Во второй четверти за поведение – два. Понял?!

– Понял, Маргарита Алексеевна! – счастливо улыбнулся Арсен. – Спасибо большое!

Скоро он совсем оклемался, но ходить ещё не мог, и водитель осторожно перенёс его в автобус. Народ пошёл осматривать природу дальше, а я осталась.

– Вот молодец, Мира! – похвалила классная. – Присмотри за этим дуралеем.

Арсен лежал на разложенных сиденьях, я села неподалёку. Поначалу разговор не клеился, а потом я спросила, что Арсен делал на десятом этаже нового дома, и оказалось – точно, он там живёт! Арсен стал рассказывать про то, как они с мальчишками лазили на стройку, всякие интересные истории, потом переключились на «Алдаспан», потом я рассказала про больницу, а потом... Потом я взмолилась:

– Не могу больше! Мы же так зажаримся совсем!

Дело в том, что водитель для обогрева Арсена включил печку. А тут ещё полуденное солнце стало греть не по-осеннему, и меня совсем размогло. К тому же после всех волнений проснулся очень серьёзный аппетит.

– Боже, какая я голодная!

– Неужели сильнее меня?

– А-а, ты, значит, тоже есть хочешь! У меня бутерброды...

– Страуса бы съел! О! Знаешь, что? Хочешь, вон то яйцо срубаем? – он ткнул пальцем в сторону багажной сетки.

– А тебе не жалко?

– Да нет, по приколу же.

– Только его ведь варить надо. Или жарить. И потом – оно огромное. Мы не осилим.

– Подумаешь. Народ позовём – всё враз сметут. А насчёт варить-жарить меня отец учил: надо костёр развести, а когда прогорит, на угли камень такой плоский положить, ну, как сковородка будет... – Арсен перевёл взгляд на гигантское яйцо и добавил со смешком: – Очень большой камень... Извини, я с тобой не могу. Организуешь?

– Конечно!

И я отправилась искать камень. Очень большой и очень плоский, и чтобы – как сковородка. Полчаса я лазала по каким-то кустам, проклиная поочерёдно – туристов, щедро поделившихся мусором с природой; свои волосы, наматывающиеся на каждую ветку, противные липкие колючки, усеявшие мои джинсы и футболку, и... по ходу всё, что мешало мне в это время. В довершение запнулась о какую-то каменюку и упала. Камень оказался большим, плоским и... в общем, я нашла, что искала. Только он оказался очень тяжёлым. Но мне было надо! Заметив хорошенько, где лежит находка, я отправилась за помощью. Над опушкой, где стоял автобус, вился дымок – это водитель разжёл костёр – не иначе, Арсен его уговорил.

– Извините, вы мне не поможете? Пожалуйста, мне ОЧЕНЬ надо! – я похлопала ресницами, изображая «дуру» в Алином стиле. И это сработало. Водитель выдержал эффектную паузу, докурив, затем выкинул окурки и, не иначе как войдя в образ настоящего рыцаря-спасителя, без вопросов пошёл за мной в заросли. Но камень оказался тяжёлым даже для взрослого мужчины. Минут пятнадцать, не меньше, кряхтя и отплёвываясь, оставляя за собой просеку, катил он «сковородку» по кустам. И вот, наконец, финиш – наша полянка. Водитель разогнулся, посмотрел ещё на камень и спросил:

– А как ты его в городе потащишь? Или тебя встречают?

– Зачем в городе? Это же здесь. Мне сковородка нужна!

– Сковородка! – переспросил он так, что я подумала: пора делать ноги. И побыстрее.

Но пока я следила за ним и решала, пора бежать или ещё нет, он ещё разок сплюнул и сказал:

– Сковородка, значит? Что, своего, – он кивнул на Арсена, – кормить собралась? Ладно, дам вам сковородку.

«Своего»... Вот это да!!!

– Так значит, у вас... сковородка есть?

– У меня даже ноутбук есть, – отрезал водитель и пошёл к автобусу.

Не знаю, кто сиял больше – я или начищенная сковородка, когда мы, так сказать, обе направлялись к костерку. Арсен потихоньку вылез из автобуса, уверяя, что он совершенно в норме. Увидев блестящее чудо у меня в руках, только присвистнул:

– Круто... Да ты волшебная!

Дальше мы натопили жир из копчёной колбасы в моих бутербродах и неожиданно легко расколупали страусиное яйцо, с виду твёрдое, как обеденный стол.

– Слушай, может, это не яйцо большое, а мы маленькие, – хмыкнул Арсений, пока мы с почтением разглядывали гигантский желток.

– Ну ладно – ты нырнул в чудо-озеро – и уменьшился. Согласна. А я-то почему?

– За компанию! А давай забачаем две яичницы. Одну – из желтка, другую – из белка!

Так мы и сделали. Тем более что в одну сковородку содержимое яйца всё равно не уместилось. Потихоньку к костерку стали подтягиваться ребята. Расстелили клеёнку, разложили одеяла. Светка томно раскинулась на травке – «как звезда». Девчонки, нацепив на головы венки из жёлто-бордовых плетей ежевики, фотографировались и пицали от избытка чувств – или кислорода. А я? Я сидела у костра рядом с Арсеном.

Глава 23. Сана уходит из больницы

Обратно мы ехали притихшие. Арсен хотел, чтобы я села с ним, но тут воспротивились и Светка, и даже Булатик, сидевший с Арсеном. «Анимэшка» посетовала, что так и не увидела, «как Бауму на голову свалится страусиное яйцо», водитель – оказалось, его зовут Дмитрий, – полдороги сокрушался об «изгвазданной» сковородке. Я предложила забрать сковородку домой и как следует отчистить, но он ни за что не захотел расставаться со своим сокровищем.

– Ты, девочка, ценить должна, что я для тебя сделал! – назидательно говорил он в сто пятидесятый раз. – Это ж была моя любимая вещь!

– Почему «была»? Она и есть!

– Есть, да не та теперь...

Не удивлюсь, если выяснится, что он возит с собой где-нибудь в тайнике ещё и фарфоровый сервиз на двенадцать персон – такой может. И я благодарила его опять и снова, будто мы играли в какую-то игру. Скорее бы доехать!

Чтобы не извиняться перед водителем в стотысячатридцатый раз, я сделала вид, что дремлю. И – уснула на самом деле. Проснулась от того, что меня трясла за плечо Светка. Открываю глаза: школа родная! Наконец-то приехали...

На прощанье Арсен погладил мои пальцы. Но я так устала, что даже никак не могла реагировать на это. Лишь слабо улыбнулась.

– Я тебе напишу, ты почту сегодня посмотри, ладно? – попросил он.

Я кивнула, а про себя радостно так и бодро закричала: «Конечно, посмотрю!!! Ещё бы!».

Вечер помню плохо. Ужасно хотелось спать, но каждые пять минут я лезла в почтовый ящик: а вдруг он уже написал? Ох, ну почему я не соображу, как поставить Интернет на «сотку» – говорят, это же так легко!

Но в почте была тишина. Даже спам не слали...

Зато мне пришла эсмэска. От Саны! Ни за что не догадаетесь, что там было написано!

Все буквы – заглавные, и слово всего одно. Зато какое: «ВЫПИСЫВАЮСЬ». Вот это новость! Но на мои звонки Сана не отвечала. Написав ей в ответной эсмэске «Я ЗАВТРА ПРИДУ!», опять стала проверять почту.

Но в тот вечер (и часть ночи) я так и не дождалась письма. А может, он передумал иметь со мной дело? Или ему стало плохо после озера? Ох, знать бы наверняка – так бы не мучилась. Но первая я решила не звонить и не писать – мало ли...

С утра пораньше, опять оставив спящим родителям записку, чтоб не волновались, я помчалась в больницу. Некогда было даже с Масяней гулять – я очень боялась разминуться с Оксаной. Где её тогда искать? А телефон – дело (в случае с Саной) ох какое ненадёжное...

Денег у меня оставалось чуть-чуть, но очень хотелось прийти к ней с подарком. Удостоверившись, что рядом никого, косясь о шипы, я сорвала с клумбы огненно-красную розу. Неровно сломанный стебель моей добычи явно указывал на происхождение цветка. Но я подумала, что Сана способна оценить такое, и не стала ничего подравнивать.

По дороге в больницу представляла, как встречу подругу, вручу розу... Тут замяукала «сотка».

– Так ты идёшь или нет?

– Ой, Сана, я уже к больнице подхожу!

– Короче, сейчас иди на автобусную остановку, которая за больницей – дорогу не переходи, и жди меня там. Поняла?

– Ну да. А что...

Договорить не удалось – Сана дала отбой связи.

Сидела я на остановке долго. Так долго, что уже и роза стала казаться мне незначительной и лишней, да и я сама со своими дурацкими чувствами – тоже. Что она там о себе воображает? Звоню ей – без толку. Так и просидела битый час, не меньше – меня даже водители автобусов узнавать начали. Думают, наверное: «Вот, припёрлась на свидание – а её кинули!». Хотя, какое свидание – девушки на свидание с розами не ходят. Я уже начала доходить «до точки кипения», как говорит моя тётя, как кто-то закрыл мне глаза руками.

– Тоже мне, конспираторша! Тебя не перепутаешь – пальцы лекарствами пахнут! – буркнула я Сане.

– Лекарствами – в последний раз. Обещаю. А больше пахнуть так не будут! – в голос моей подруги слышалось несвойственное ей раньше ликование. Такое, что обида тут же испарилась.

– Ну как ты? А, да, на – это тебе! – я протянула розу.

– Вау!

Сана сунула нос в сердцевину цветка:

– А запах-то какой!

– Так тебя насовсем выписали?

– Конечно, насовсем! А как же ещё! Хватит, належалась. Гемоглобин вверх пошёл. Прикинь – волосы отрастать начали! – Сана в доказательство скинула капюшон.

Ну, «отрастать» – это сильно сказано. Но каким-то пухом череп Саны всё же подёрнулся.

– Подожди... ты же говорила, что рыжая. А у тебя вон чёрные – не перепутаешь.

– А-а! Значит – точно. Думала – глюк. Вот такая фигня. Я же говорю – крови ото всех понавливали, вот порода и сменилась. Мутирую малопомалу...

– А почему ты здесь встречу назначила?

– Да достала больница эта. Там же страшно – чего тебя туда лишний раз тащить? Я думала, быстро управлюсь, а там такую бюрократию развели... Барахлизм я у тётки твоей оставила – потом заберу. А мы с тобой давай просто погуляем. Я тебя ещё с дедом познакомить хотела, помнишь?

– Ну ты-то как раз не хотела – это я просила.

– Короче, нам надо на Кок-Тюбе. «Канатка» туда с двенадцати ездить начинает, это долго ждать. Может, с другой стороны заедем – там автобус до холма идёт, а дальше – ножками, минут пятнадцать.

– Ну я-то нормально, а тебе как?

– А мне – фиолетово. Я теперь здоровая, поднимусь – ещё догонять будешь!

Тут как раз подошёл нужный автобус. Людей почти не было. Мы с Саной устроились на заднем сиденье. Как только автобус тронулся, Сана извлекла из кармана какой-то листочек:

– На, не хотела на остановке отдавать – прочти нормально.

– А что это?

– Да читай уже!

Я развернула листочек. На нём было выведено старательными буквами:

«От Никиты.

Здравствуйте! Спасибо Вам за то, что Вы есть. Вы – самое красивое и прекрасное, что было в моей жизни. Я буду стараться жить для Вас! Будьте счастливы! Я буду любить Вас всегда!».

Внизу – раскрашенное красным сердце.

– Слушай, дай почитать! А то я терпела-терпела – не смотрела. А интересно ведь!

Ну что возьмёшь с этой Саны?

Я сунула ей бумажку.

– Сана, а кто это – Никита?

– Наш один. Как тебя увидел, совсем помешался. Даже нарисовал тебя. И ни о ком больше, кроме как о тебе, говорить не хочет. Замучил меня все эти дни – кто ты, да что ты...

– А ты?

– А я – парься, рассказывай... Крупный специалист по пиару...

– А... а Никита сильно болен?

– Да уж мало не покажется.

– А что мне делать? Я его видела?

– Да фиг тебя знает, видела – не видела. Ты ж тогда у нас в трансе была. Он в вестибюле простоял всё время, пока ты рисовала. Третий день его от твоих цветов оторвать невозможно. Чуть что – сразу туда. И смотрит – часами может, пока на процедуры не позовут.

Тут Сана помолчала и взяла меня за руку:

– Знаешь, Мира, я ведь тогда загадала: если первая пройду под этими цветами, останусь жить, выздоровею. И я успела – видишь!

Она резко отвернулась, и мне на секунду даже померещилось, что Сана плачет.

Конечно, с Саной на холм мы поднимались не пятнадцать минут, и даже не сорок. Она часто останавливалась, улыбалась мне, показывая, что ей всё пофиг, но на лбу блестели капельки пота, лицо стало совсем бледным. Я поняла, что так дальше не пойдёт.

– Сана, я дико устала! Давай тормознём автобус!

– А что, денег у тебя много? Тут знаешь, сколько берут за подъём!

– Денег мало – но уж как-нибудь. Уговорим!

– Ну-ну...

Не первый и не второй, но третий водитель согласился подбросить нас бесплатно до верха. Я опять улыбалась, хлопала ресницами и задавала глупые вопросы. Но вот наконец и приехали. На Кок-Тюбе – рай для интуристов. Тут тебе и горы, и зоопарк, и сувениры, и даже «ливерпульская четвёрка» – уникальная скульптурная группа «Биттлз» со скамейкой, установленная разбогатевшими алматинскими битломанами. Пока мы шли, разыскивая родственника Саны, она хмыкнула:

– Насобачилась ты, однако, на халяву ездить!

– Это – в первый раз. Чего не сделаешь ради подруги!

– Но это же ты устала!

– Ах, ну да... Вот! Я – сама себе лучшая подруга!

– А можно, потом буду идти я? – как-то совсем не в её стиле, по-детски спросила Оксана.

– Ещё бы! – после паузы я всё же решилась спросить:

– Сана... а ты, наверное, сбежала, да?

Она отчеканила:

– Я не сбежала. Я ушла. Потому что мне стало лучше. И хуже мне уже не будет. И закрыли тему!

Помолчали. Вокруг было так хорошо! Сходили с ума от невозможности сфотографировать всё и сразу восторженные иностранцы, какой-то араб устроил фотоохоту на меня: «О-о, Казакистан бьютифул гёрл!».

– А вон и мой глубокоуважаемый единственный сохранившийся родственник. Хотя, если смотреть фактам в лицо, не так уж он и сохранился... – торжественно провозгласила Сана. Потянуло таким памятным мне дымком одраспана.

– Салам пополам, Айдос Октябрьханович! – подошла она к маленькому горбатому старичку, продающему какие-то нелепые сувениры и картинки. Старичок обернулся в нашу сторону. До меня долетел резкий запах. Кажется, вина.

– А-а, Оксанка ко мне пришла! Опять сбежала?

– Отпустили меня!

– Ай, молодец, ай, умница, насквозь прошла! Совсем отпустило?

– Конечно, совсем! Знакомься – это Мира, моя подруга!

Старичок глянул на моё лицо и поцокал языком:

– Ой-ой, какая красавица! Ну-ка дай, красавица, ручку! – Он взял своими птичьими лапками мою ладонь, но не линии стал разглядывать на ней, а посмотрел мне в глаза.

– Не опускай взгляд, девочка. Смело смотри на людей. Твой путь – безупречность.

– Как это?

– Иногда Аллах даёт нам все дары – красоту, ум, прекрасную душу – но в ответ требует безупречности. Такой человек не имеет права быть плохим – Аллах жестоко карает его – намного сильнее, чем тех, кто несовершенен. Помни это.

Глаза у старичка были такие ясные, а голос такой проникновенный, что я невольно подумала: как же такой светлый человек мог сидеть в тюрьме, вот Сана говорила? Или вот – пьёт? И тут же, словно услышав мои мысли, он в секунду преобразился. Плотно погладив мою руку, развязно произнёс:

– А какая сладкая ты будешь женщина!

Я отпрянула. Старичок засмеялся и сунул в рот зубочистку. Взгляд его вместо мирного и светящегося мудростью стал циничным, брови сошлись у переносицы. Передо мной сидел совершенно другой человек – опасный и неприятный. Но на секунду в его глазах, как солнце из-за туч, проступила уже виденная мною ясность:

– Запомнила? Будь безупречной!

И он отвернулся от нас, начав на каком-то неизвестном мне языке болтать с туристом. Наверное, расхваливал свой товар. Сана дёрнула меня за руку:

– Пойдём. Видишь, он лыка не вяжет.

Да-а, встреча с художником не состоялась. Да и был ли этот странный старичок художником? Вряд ли... Но зато я узнала, кажется, что-то очень важное для себя.

БЕЗУПРЕЧНОСТЬ...

И всё встало на свои места. Я вдруг увидела всю цепочку событий, которые привели меня сюда. И то, из-за чего я мучилась, и то, почему это произошло – с самого начала, с первого сентября. Всего одно слово – «безупречность» – стало ключом ко всей моей истории. К тому, что сначала со мной «случалось», а потом – к тому, что я делала и создавала сама, по своей воле. Вот и всё. Так удивительно просто и хорошо.

Вокруг сияло красотой начало дня. Опять горы, и зелёные холмы, и музыка «Биттлз», доносящаяся со стороны их скамейки. Смех детей, родной город внизу. Мы с Саной прошли мимо клеток с животными и птицами. Белый павлин красовался в вольере, раскинув хвост. Голубь мирно соседствовал с орлом, надеюсь, ещё не догадываясь, что он – его еда.

Тут опять дал о себе знать телефон. Звонила тётя Роза.

– Говорить можешь? – деловито спросила она.

– Я тут на Кок-Тюбе сейчас гуляю... С Саной.

– Счастье ты моё... Ну, значит, такова воля твоя, Кудай, – начала тётя. И было понятно, что она сильно волнуется. – Только слушай и не перебивай. И Сане ничего не говори. Короче, я её удочерить решила. Ну, официально не получится, но жить она будет у меня. Помогу ей – учиться там, анау-мынау¹². Пока на ноги не встанет. Помнишь, я трёх дочек хотела? Так вот: она одна троих стоит!

– Тётя Роза!!!

– Всё, жаным. Конец связи! – и в трубке пошли гудки.

Значит, теперь у меня будет сестра! Вот так тётя! Но сестра об этом ещё ничего не знала...

– Ты ответишь Никите? – вывела она меня из состояния щенячьего восторга.

– Не знаю... Я просто не знаю, что мне сказать. А думаешь, надо?

– Может быть, и нет... Ты ведь всё равно осталась для него там – в цветах.

Мы опять помолчали. И вдруг я ощутила, что начинается совершенно новая пора моей жизни. Детские страхи и обиды остались в прошлом. Я была на равных с этим миром, и он открывался мне всё больше и больше, пел свои песни, дарил ароматы и цвет. Рядом была подруга – самая-самая, пусть и такая вот – почти лысая и суровая. Я подумала об Арсене, и тут звенькнула «сотка»: пришло сообщение. И оно было от Арсена: «Мира, ну почему ты мне не отвечаешь? Спрашиваю в ПОСЛЕДНИЙ раз: будешь со мной встречаться?». Я села прямо там, где стояла. И, сидя на тёплом асфальте, на холме, обведя счастливыми глазами родной город, написала «ДА». И рядом поставила смайлик. И отправила.

А потом вскочила и закружилась по дорожке, широко раскинув руки навстречу ветру, весне (хоть была и осень) и своей новой жизни.

Ах да, и ещё – послезавтра мне действительно стукнет четырнадцать! Так что самое время писать в «Моём мире», что мне 15.

Или хватит уже врать?

г. Алматы.

¹²Анау-мынау – «То-сё» (в переводе с казахского).

Иван КАНДЫБАЕВ

“Отступают боли и тревоги...”

Оседает снег в степи и тает,
Тонут в лужах старые следы.
К облакам весенним улетает
Грусть моя, как невесомый дым.

Отступают боли и тревоги,
Уплывают прежние мечты...
Хорошо по вымытой дороге,
Ни о чём не думая, идти.

С рюкзаком закинутым на плечи
Топая по мартовским ручьям,
Хорошо и весело навстречу
Улыбаться утренним лучам!

Под простое теньканье синицы
В стороне знакомой и родной
Хорошо душой своею слиться
С ветром, солнцем, светом и весной!

Помнишь, как в мае гремела гроза,
Как от восторга сияли глаза...
Где эти дни, и в какие края
Юность умчалась твоя и моя?

Только однажды бывает она,
Эта короткая в жизни весна...
Ливнем июльским как будто во сне
Зрелость за нею ушла в тишине.

Осень стоит на пороге, ну что ж,
Сыплет осенний сентябрьский дождь...
Временем новым, как с неба вода,
Льются минуты, часы и года...

Есть на свете такая Река,
Над которой не властны века,
Потому и всему вопреки
Нет названия у этой Реки.
И конца не имеет Река,
И плывут над Рекой облака,
И цветут и желтеют дуга,
Жизнь и Смерть у Неё — берега!
Кто родился на Ней и живёт,
По теченью годами плывёт.
Забывая потом вдалеке
Обо всём на безмолвной Реке...

Перестройка

Дома в посёлках опустели,
В деревнях праведников нет.
Ветра печальные пропели
Запокойную им вслед.

Ушли блаженные старушки,
За ними тихо старики.
И сразу здесь и там избушки
Вдруг превратились в кабаки.

Вокруг залаяли собаки,
Завыли волки на луну,
И началось — попойки, драки
На всё село, на всю страну.

“Нужна Союзу перестройка,
Она нас выведет вперёд!”
И понеслась лихая тройка,
Давя копытами народ!

Коней удерживать непросто.
И, всем законам вопреки,
Лежат повсюду на погостах
Теперь не только старики.

Другое время на восходе,
Но беды в памяти свежи...
Не дай, Господь, такие годы
Ещё кому-то пережить...

Стихи не пишутся, ну что ж...
Срывал кони, теперь без коня...
А может, правда мысль — ложь,
Своим подвластная законам,
Когда пытаешься увлечь
Себя заезженной темой,
Тогда игра не стоит свеч,
А лишь становится дилеммой...

Язык порою — острый меч.
Разит направо и налево.
Убить любого может речь,
Будь ты король, будь королева...
Об этом помнить каждый миг
Любой из нас, конечно, должен —
Зря не высовывать язык,
Как будто лезвие из ножен!

Мой ответ на вопрос — не прост,
Может, он не понравится всем:
Самый лучший на свете гость —
Не приходит который совсем.
Из пришедших же в гости двух,
Или даже друзей — пяти:
Самый лучший на свете друг,
Кто спешит поскорее уйти.

На скалистые отроги
Льётся лавою закат.
Ощущение тревоги
Краски красные таят.

Уловив тапира запах,
Леопард к земле приник.
Чуть прополз. Прыжок! И в лапах
Затихает звонкий крик.

Заблудившимся и слабым
Этой ночью не помочь.
Из саванны к баобабам
Бабуины мчатся прочь.

Кровь почуяли шакалы,
Съесть тапира не дадут.
Морды страшные оскалив,
Две гиены тут как тут!

Осторожные губаны
Отступают в камыши.
Свет и тьма смыкают грани,
Звуки явственной в тиши.

В одиночку или скопом
Всем охотиться пора.
Снова бегать антилопам
По равнине до утра.

Жёлтый месяц в чёрном небе.
Затаились где-то львы.
Долетает к чутким зебрам
Каждый шорох из травы.

Вой, урчание и рыки,
До рассвета длится пир.
... Он ночами только дикий —
Днём прекрасен этот мир!

Боль и грусть от сердца отлетела.
Уползла тревога из души.
За день натрудившееся тело
Пребывает в благодной тиши.

Выхожу на лунную дорожку,
Поднимаюсь к Млечному Пути.

Это сон глубокий и короткий
Повалил в душистую траву.
По речному зеркалу на лодке
Вот уже я медленно плыву.

Серебром усыпанные ёлки,
Тополя стеклянные на льду,
Звёздные звенящие осколки
В голубом заоблачном саду.

Берега ночные понемножку
Обретают прежние черты...

Звук шагов отчётливо и гулко
Эхом отдаётся в тишине...
Странная, не правда ли, прогулка
Мне приснилась только что во сне.

г. Павлодар.

Николай КОЛИНКО

За многие годы работы в журналистике, пожалуй, впервые нахожусь в ситуации, когда герой моего художественно-документального повествования вот уже который месяц «не отпускает»... Настолько глубоко запала в душу его Судьба, его яркая, во многом поучительная, но, к сожалению, короткая по нынешним временам Жизнь (всего 49 лет) и трагическая, неожиданная, совершенно несправедливая смерть (а разве она бывает справедливой?.. Помните у Поэта: «Смерть самых лучших выбирает и дёргает

по одному...»). Дело ещё и в том, что лично знать героя книги «Берега памяти» (алматинская типография ТОО «Exlibris») Серика Кумекбаевича Торгаутова мне не довелось. Она написана по воспоминаниям его товарищей по работе на промышленных предприятиях Чимкента и в бывшем Чимкентском обкоме партии, ЦК Компартии Казахстана, в Комитете госгортехнадзора, по рассказам известных учёных, его благодарных земляков, родных и самых близких ему людей, сыновей Асхата и Нурлана, любимой жены и друга Турсунай Хурматовны; всех тех, кому жизнь подарила встречи и общение с таким незаурядным, солнечным человеком, как Серик Кумекбаевич. Для многих из них он стал другом, учителем, наставником, работа с

ним стала настоящей вехой в жизни, навсегда определившей верность выбранному пути.

Помногу часов беседуя с людьми, знавшими его, не раз убеждался в справедливости истины, что память бессмертна, а пожелтевшие документы, альбомы с фотографиями и надпись на вечном граните лишь дополняют светлую, святую тень человека, о котором шёл разговор. Личности...

Он родился 2 октября 1945 года в бывшем селе Китаевка, ныне аул Байдибек Южно-Казахстанской области – в благословенном краю, на священной земле уйсун. Как утверждает «Национальная энциклопедия Казахстана» (том 2), «Байдибек-би Караша-улы – историческая личность, сыгравшая значительную роль при формировании территориальной и этнической целостности племён, образовавших казахскую нацию. Согласно генеалогии казахов, Байдибек-би – легендарный предок племён Албан, Суан, Дулат, Сарыуйсун, Шапырашты, Ысты, Ошакты, входивших в уйсунское объединение Старшего жуза. И хотя имя Байдибек-би редко встречается в письменных источниках, оно хорошо сохранилось в народной памяти. Он был известен как мудрый правитель и весьма состоятельный человек, правил племенами, населявшими земли Жетысу, долину реки Арысь, Ташкентского региона и Каратауских гор. Известный казахский

историк и летописец Мухаммед Хайдар Дулати (1499–1551) в своём историческом труде «Тарих-Рашиди» пишет, что его двенадцатый прадед Майкыби (XII–XIII век) был верховным судьёй при дворе Чингисхана и управлял многочисленными племенами, населявшими южные и юго-восточные регионы современного Казахстана, а первым правителем этих краёв был Байдибек-би. Сведения о его отце Карашаулы (530–604 гг.) и время его правления точно указаны в китайских летописях. Данные эти доказывают, что Байдибек-би жил в VI–VII веках».

В том же томе энциклопедии сообщается, что Байдибек был трижды женат. От первой жены Сары-байбише родился старший сын Байтоқты. Его сын Тургеш (Сарыуйсун) – внук Байдибека считается родоначальником племени Сарыуйсун. От второй жены Байдибека Зерип родился Жалмамбет, от него ведут свою генеалогию племена Шапырашты, Ысты, Ошакты. Третья жена Байдибека – известная всем казахам Домалак-ана, причислена к лику святых (подлинное её имя Нурила), на месте её захоронения, в ущелье неподалёку от аула, высится мавзолей «Домалак-ана». От сына Нурилы Тлеуберды, которого в народе называли Жарыкшак, родились Албан, Суан и Дулат. Эти внуки Байдибек-би и стали родоначальниками одноимённых родов. Шесть сыновей его от первой жены Сары погибли в бою с захватчиками на берегу реки Кошкар-ата в Восточном Каратау. Это место называется «Могилой шести сыновей Сары». Сам Байдибек-би скончался в возрасте 63 лет и был похоронен на берегу реки Балабоген. На его могиле был поставлен мавзолей в караханидском стиле. В 1998 году на месте старого мавзолея возведён новый архитектурный комплекс «Байдибек» и мемориал «Касиетті бес ана» («Пять святых матерей»). На их открытие приезжал Президент республики Нурсултан Назарбаев.

«Когда находишься в тех местах – у подножья Каратау, где стоит аул, у комплекса Байдибек-би, у мавзолея «Домалак-ана» и мемориала Матерям, где собрана земля с могил жён и снох Байдибека, – рассказывал близкий друг Серика Торгаутова доктор технических наук, профессор Алмабек Нурушев, – прошлое словно оживает вновь, а безмолвное пространство наполняется жизнью. Не покидает ощущение истины на серебристых метёлках ковыля и степных тюльпанах, как жемчуга, светятся капли не успевшего просохнуть дождя, и дух времён проносится ветром по этой былинной, сказочной старине. Её чувствуешь сердцем и понимаешь, что только в этом благодатном краю, на этой земле мог родиться такой светлый, удивительной доброты, обаяния и сильной положительной энергетики человек, как Серик Кумекбаевич. Другой такой земли не найти».

«С Комекбаем Торгаутовым, отцом Серикжана, мы родились от одной матери Багимбалы, – вспоминала бывшая учительница и завуч средней школы, затем более пятнадцати лет секретарь Кировского (позже – Мактааральского) райкома партии, а ныне почётный гражданин района и персональный пенсионер Айша Анарбекова. – Он учился у муллы и свободно владел арабским языком и письмом. А уже позже совершенствовался в образовании на курсах по ликвидации неграмотности. Вскоре его,

как знающего и русскую грамоту, назначили секретарём сельсовета. Когда началась Великая Отечественная война, Комекбая направили начальником НКВД Келесского района. Тогда ему было всего 25 лет и поначалу приходилось работать одному. Через какое-то время в Узбекистан и в ряд районов юга Казахстана, в том числе в Келес, были высланы из Крыма крымские татары (так сталинский режим чуть раньше поступил с корейцами из Дальнего Востока, а потом с поволжскими немцами, народами Кавказа – чеченцами, ингушами, карачаевцами, балкарами, калмыками...). Среди приехавших в Келес татар была и 21-летняя девушка, красавица София Ахметкызы. Выяснилось по документам, в том числе по партийному билету, что она работала в Симферопольском горкоме партии, поэтому её вскоре взяли на работу в райком партии. «Спецпереселенцы» обязаны были становиться на учёт в НКВД, и Кумекбай, увидев белолицую, голубоглазую красавицу, влюбился в неё с первого взгляда. И хотя он к тому времени уже был женат на Акманаш, имел с ней сына Амангельды, всё же уговорил Софию стать его женой, а потом, уже беременную, привёз её в свой аул. В любви и согласии они прожили долгую жизнь, родили и воспитали шестерых сыновей и двух дочерей. После смерти Кумекбая Торгаутова самую большую улицу в ауле Байдибек благодарные аульчане называли его именем».

*София Ахметкызы – мама
С.К. Торгаутова, 1942 г.*

*Кумекбай Торгаутов – отец
С.К. Торгаутова, 1942 г.*

«Серик был старшим среди братьев. Он с детства обладал пытливым умом, ещё в школе поднял для себя планку на такую высоту, которую мог взять не каждый. Освоил русский язык, много читал и, сколько помню,

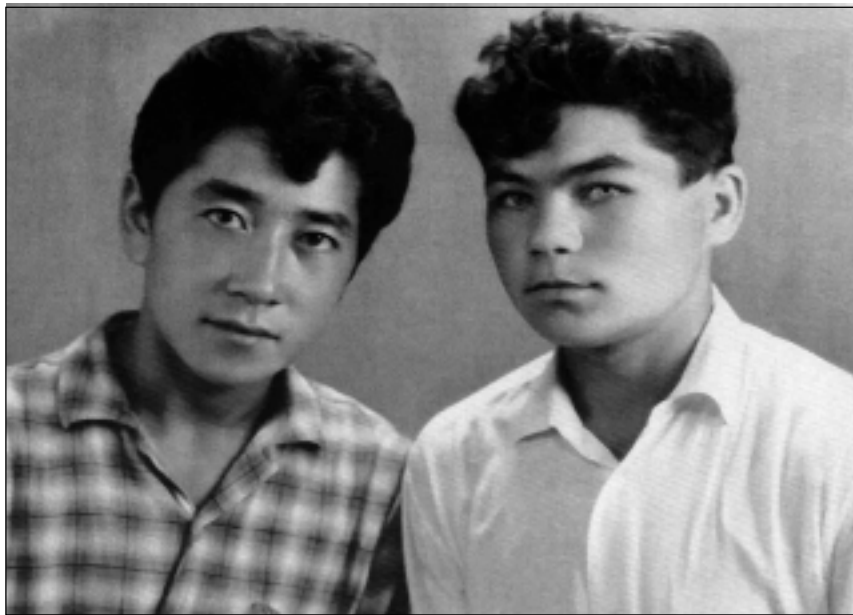
всегда принимал нестандартные решения. К нему как нельзя лучше подходит замечательное казахское определение «сегіз қырлы, бір сырлы», то есть человек восьми граней и единой сути, – написал в своих воспоминаниях почётный гражданин Байдибекского района, ныне уже покойный Турсынбек Садыков. – С пятого класса мы сидели с ним за одной партой. Помнится, уже в шестом, на уроке русской литературы обсуждали произведение о Крестьянской войне 1773-75 годов под предводительством Емельяна Пугачёва. Атаман рассказывает сказку о вороне и орле. Орёл завидует ворону, что тот живёт триста лет, а сам он только тридцать три года. Ворон ответил, что «он питается мертвечиной, а орёл пьёт живую кровь». Орёл как бы и согласился ради долголетия перейти на падалю, но потом клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: «Нет, брат-ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой крови, а там что Бог даст». Так и я не хочу прожить жизнь, как ворон, сказал Емельян Пугачёв своим сторонникам. Учительница задала нам вопрос: «Скажите, дети, прав ли был Пугачёв? Что лучше – прожить долго, питаюсь падалью, как ворон, или хотя бы один день прожить орлом, высоко поднимаясь в небо?». Я поднял руку первым и ответил, что Пугачёв был прав, лучше быть Орлом, чем Вороном. Учительница одобрила мой ответ и обратилась к остальным. «У кого ещё есть мнение по этому вопросу?». В классе установилась тишина, словно все были со мной солидарны. И тут руку поднял Серик: «Я не одобряю ни ворона, ни орла, – сказал он. – Жизнь ворона, триста лет питающегося падалью, презренна. А жизнь орла изо дня в день отбирающего чью-то жизнь, чтобы напиться свежей крови, очень жестока». Необычный ответ друга удивил всех – и учительницу, и одноклассников. Ведь даже в комментариях в учебнике мой ответ находит поддержку».

Серик Кумекбаевич прекрасно пел, ни один концерт школьной самодеятельности без него и старшей сестры, Тамары, не проходил. Как рассказывала родственница Торғаутовых Ултай Жаксыбаева, сам классик казахской литературы Мухтар Ауэзов при посещении в 1960 году школы в ауле Байдибек слушал песни в его исполнении. Он сравнил голос Серика с голосом Рашида Абдуллина и пригласил его с Тамарой, с которой они пели казахские песни, учиться в Алма-Атинскую консерваторию. К сожалению, поехать в столицу в то время они не могли. К тому же Серика ждала иная, далёкая от искусства судьба.

Он с детства мечтал стать военным, быть лётчиком – все мальчишки грезили о небе... После окончания средней школы (в первый класс Серик пошёл в шесть лет и уже в 15 получил аттестат) поехал в Москву, в училище. Сдал все экзамены, в том числе испытания по физической подготовке. Но ... в начале сентября вернулся домой. «Со справкой, в ней указывалось, что в училище он не прошёл «из-за низкого роста»... Я же думаю, причина здесь в другом, ведь мама наша была крымской татаркой». Это мнение младшего брата Серика Кумекбаевича Берика, известного в Южном Казахстане человека – он директор областного департамента санитарно-эпидемиологического контроля, удостоен почётного звания «Заслуженный деятель Казахстана».

Поскольку приём в вузы к осени уже был закончен, Серик Кумекбаевч поступил в Шаянское профтехучилище, освоил профессию механизатора, начал работать. А через год подал документы в Казахский химикотехнологический институт. «Тогда это был один из ведущих вузов страны, в нём ещё сохранился высокий образовательный уровень, традиции, заложенные преподавательско-педагогическим коллективом Ленинградского технологического института – в самом начале войны вуз в полном составе был передислоцирован в Чимкент, – рассказывал студенческий друг Торгаутова, сегодня начальник службы охраны труда и техники безопасности АО «Нурсат» Даутбек Сатвалдиев. – В «хрущёвскую эпоху» абитуриенту вуза надо было иметь два года трудового стажа или отслужить в армии. Выпускникам школ отводилось 20 процентов от числа всего потока. Мы с Сериком в их число и попали – у обоих в аттестатах были одни пятёрки. Поселились в общежитии в одной, 205-й комнате, неделю проучились, и всех студентов на два месяца отправили на уборку хлопка. Вернулись в институт только 2 декабря, но занятия проходили с 7 часов до 11 вечера – по две пары ежедневно, а с 8 утра до 5 часов дня все мы работали на предприятиях. Там проходила производственная практика по выбранной специальности. Поскольку мы с Сериком выбрали факультет «Машины и аппараты химических производств», нас закрепили за управлением «Казмеханомонтаж». Работали в одной бригаде и уже к концу первой сессии получили второй разряд слесаря-монтажника. Не скрою, было трудно, не высыпались, уставали, но первый курс закончили успешно. И получили направление в комплексную бригаду, которая восстанавливала Джамбулский сахарный завод. Сегодняшним студентам такую нагрузку даже трудно себе представить...».

С лучшим другом Женисом Кынатбековым, 1963 г.

На втором курсе Торгаутов был призван в армию, служил в десантных войсках. А вернувшись, восстановился в институте, перевёлся на вечернее отделение и устроился на Чимкентский фосфорный завод старшим аппаратчиком печного цеха. Там, на заводе, он прошёл все ступеньки карьерной лестницы, ни одной не пропустил. Там и встретил свою первую и единственную любовь – Турсунай Хурматовну – девушка работала лаборанткой в центральной заводской лаборатории и одновременно училась на вечернем отделении химико-технологического института. О их «пионерской дружбе» вспоминали многие, с кем пришлось беседовать. Оба жили в заводском общежитии и их трудно было увидеть порознь. Когда в 1970-м они решили пожениться, у Турсунай умер папа. Во время его болезни Серик приезжал к её родителям в Янгиюль – это в Узбекистане, в Ташкентской области, познакомился с ними. Он очень им понравился, и Хурмат Ахмедович с Майшакар Галляутдиновной благословили молодых. Но Турсунай не могла в то время думать о себе, переступить через болезнь отца, его страдания, через мучения мамы и братьев. И Серик её понимал, поддерживал. Когда папа Турсунай скончался, они с Сериком отложили свадьбу на год. Он стал для них временем испытания своих чувств, они оба проявляли почтение и сдержанность, ничем не запятнали своей любви.

«Я помню, как мы 1 мая на вертолёте летали в аул Серика (это была его инициатива), познакомили Турсунай с его родителями, а потом ездили в Янгиюль сватать её. Я был у них на свадьбе дружкой, – делился воспоминаниями также студенческий друг Серика Кумекбаевича Асан Шарафиев – член-корреспондент Национальной инженерной академии, доктор технических наук, профессор. – Турсунай Хурматовна оказалась женщиной всепонимающей, человеком редкой деликатности и доброжелательности, высокого чувства собственного достоинства и житейской мудрости. Если по большому счёту, она совершила маленький материнский подвиг, после трагического ухода мужа воспитав двух прекрасных сыновей – Асхата и Нурлана. Часто думаю: эта удивительно стойкая женщина пережила своих родителей, родителей мужа и его самого, младшего брата... Откуда столько сил?».

«Свою семейную жизнь мы начинали с Сериком на частной квартире. Прожили около года, пока, наконец, он получил двухкомнатную. Квартира эта, кстати, была второй, дело в том, что в очередь на жильё он встал ещё до женитьбы, и когда она подошла, в цехе, где работал Серик Кумекбаевич, случилась авария, пострадал механик Рафхат Латыпов – его обожгло лавой раскалённого металла, он лежал в больнице. Его семья – жена и ребёнок – тоже снимала частную квартиру. И Серик Кумекбаевич уступил ему свою очередь. Потом мы получили эту «двушку» где-то через шесть месяцев. Вот таким человеком оказался мой муж...».

Начало семейной жизни, 1971 г.

В декабре 1975 года Торгаутова избирают председателем профсоюзного комитета фосфорного завода, через два года – секретарём парткома производственного объединения «Фосфор», затем его приглашают в промышленный отдел Чимкентского обкома партии, а 12 июня 1981 года Серик Кумекбаевич был избран секретарём партийного комитета производственного объединения «Чимкентшина».

*Выступление С.К. Торгаутова на активе парткома
ПО «Чимкентшина» с участием первого секретаря
Чимкентского обкома Компартии Казахстана А.А. Аскарова.*

«Завод строился на средства союзного бюджета, и перед его почти 10-тысячным коллективом стояли поистине грандиозные задачи – предстояло построить и освоить мощности этого шинного гиганта, – написала в своих воспоминаниях бывшая комплектовщица цеха вулканизации, член парткома предприятия Ольга Шклярская. – Здесь создавались производства по выпуску автошин для легковых и грузовых автомобилей, для сельхозмашин, в том числе и комбайна «Дон-1500». С.К. Торгаутов во всё вникал, на заседании парткома обсуждались самые жгучие вопросы производства, трудовой дисциплины, сохранности продукции, социально-бытовых условий рабочих. Он был человеком, у которого внутри постоянно работал датчик на что-то хорошее, на добро, поэтому к нему тянулись люди. И когда в 1987 году он был приглашён на работу в ЦК Компартии Казахстана, жизненные уроки, которые он преподавал, ещё долго служили нам».

«Работая бок о бок с Сериком Кумекбаевичем, – вспоминал бывший секретарь комитета комсомола производственного объединения «Чимкентшина», а в настоящее время доктор технических наук, профессор Нурлан Айтымбетов, – я старался почерпнуть для себя многие из его качеств, главным из которых он всегда считал порядочность. И ещё интеллигентность. Не только в смысле образованности, нет, в это понятие Серик Кумекбаевич помимо общей культуры, помимо тонкости душевной, вкладывал ещё

и общественную активность, и, конечно, благородство. По-человечески счастлив, что в самые важные и судьбоносные периоды моей жизни мой старший товарищ всегда был рядом. Даже когда ушёл на повышение в ЦК, а я в том же 1987-м поступил в очную аспирантуру, Серик Кумекбаевич постоянно интересовался моими делами, давал добрые советы. Этот человек с удовольствием жил и работал, доставляя своей жизнью и работой удовольствие всем, кто был с ним, общался с ним».

В годы работы на ПО «Чимкентшина» Серик Торгаутов неоднократно встречался с членом Политбюро ЦК КПСС, первым секретарём ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаевым, секретарём ЦК Компартии Казахстана по промышленности, а затем председателем Совета Министров республики Н.А. Назарбаевым, первыми секретарями обкома А. Аскарковым и Р. Мырзашевым, выполнял их поручения.

Первые встречи с будущим Президентом Республики Казахстан, 1985 г.

зывался на военные сборы. Последний раз в 1980-м году, 180 дней находился в Демократической республике Афганистан с целью оказания интернациональной помощи... Поинтересовался в «компетентных органах». Да, сказали там, «внешняя разведка». Наверное, Серик Торгаутов был хорошим агентом, если спецорганы регулярно посылали его в загранкомандировки – так на их «языке» называется выполнение заданий. А в военном билете его стоит лишь отметка: «ВУС 1002. Состав политический». И список «командировок»: 1972 год – 60 дней, 1975-й – 45 дней, 1979-й – 45 дней, 1980-й – 180 дней. Ничего удивительного в этом я не усматривал. Так работали и работают спецслужбы всех стран. Гордость нашего народа Чокан

«Приглашая Торгаутова на ответственную работу в ЦК партии, – рассказывал упоминавшийся в самом начале этой статьи профессор Алмабек Нурушев, работавший там в те годы заведующим отделом химической промышленности, – я, конечно же, внимательно изучил его «послужной список». Да, он четыре года служил в армии, там же стал членом КПСС, участвовал в операции «Голубой Дунай», вернулся домой младшим лейтенантом, награждён медалью. Производственная деятельность, партийная работа – всё безупречно. Бросилось в глаза – четырежды при-

Чингисович Валиханов, который в Большой Советской энциклопедии значится как «казахский просветитель-демократ, путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь истории и культуры народов Средней Азии, Казахстана и Западного Китая («Киргизы», 1858; «Очерки Джунгарии», 1861)» на самом деле ведь российский разведчик. По российским документам он никогда не был Чоканом Валихановым, хотя и числился сразу в двух ведомствах – Генеральном штабе и Азиатском департаменте МИДа...».

Афганская война – особая метка в биографии Торгаутова. Иногда эту войну называют чужой и бессмысленной, но Серик Кумекбаевич всегда подчёркивал, что воспоминания о ней – это сохранение памяти о тех, кто погиб в боях в афганских горах и песках, с честью выполнив свой воинский долг.

О службе в Афгане полка особого назначения «Каскад», сформированного Первым управлением КГБ СССР, куда входили четыре разведывательно-диверсионных отряда «Карпаты» – Украина, «Кавказ», «Урал» и «Алтай» (последний формировался из кадровых офицеров и спецрезервистов Казахстана, Киргизии и Таджикистана), рассказал в книге полковник госбезопасности в отставке, член Ассоциации ветеранов войны в Афганистане Виктор Фёдорович Шиян.

«Приказ о выступлении поступил 24 июля 1980 года, и за сутки полк уже был собран в полевом учебном центре под Алма-Атой. И тут же переброшен в Фергану. А 13 августа мы пересекли государственную границу Афганистана. Все 12 бортов, вся наша команда – с вооружением, БТРами, радиостанциями, запасом продовольствия. Первую группу, которой командовал Юрий Ермакович Коржумбаев, замполитом у него был Серик Торгаутов, и мою поначалу разместили в Газни, где шли жестокие бои, а 9 сентября перебросили на Сардебант – там в 1967 году узбекскими специалистами была построена плотина, это было очень крупное водохранилище, и если бы плотину взорвали, погибло бы много кишлаков. Мы её охраняли. Но главная задача у нас была – это разведывательно-диверсионная работа. Отслеживали караваны, которые уходили в Пакистан за оружием. Для этого нужно было внедриться в среду душманов, либо завербовать кого-то из членов банды, знать время и маршрут передвижения каравана, чтобы затем его уничтожить. Серик Кумекбаевич, кстати, бывал «на той стороне», как тогда говорили, – от нашей базы до пакистанской границы было всего 28 километров. Это были очень опасные рейды, но Серик был разведчиком-профессионалом. Сталкивали лбами руководителей душманов – за среду влияния, за территорию, за власть. Здесь требовалась тонкая ювелирная работа. Однажды буквально спасли губернатора провинции... Гибли ли люди? К сожалению, это случалось. На Сардебанте базировался и 391-й афганский гаубичный полк. Когда он был сформирован, в нём числилось более восьмисот человек, а потом осталось 360, все остальные ушли с оружием к душманам. Взгляды у них какие были? «А, шурави (от арабского «шура» – «совет»), вас резать надо!» и резали. Вы видели фильм Фёдора Бондарчука «9 рота»? Там всё правда. Афганец мечтал на нас заработать – голова офицера оценивалась в 250 тысяч долларов, старшего офицера – в полмиллиона. И мы это знали!...».

В семье Торгаутовых бережно хранят и перечитывают письма Серика Кумекбаевича «из-за речки», сохраняют вырезки из газет и журналов с воспоминаниями участников афганских боёв, оставшихся в живых, о журналистских расследованиях, материалы о чествовании тех, чьи сыновья и мужья прошли через горнило необъявленной войны. Сыновья Серика Кумекбаевича Асхат и Нурлан вместе с мамой и детьми часто бывают у памятника воинам-интернационалистам в парке 28-ми героев-панфиловцев, обязательно приходят сюда с цветами в День Победы – 9 мая.

Все, с кем довелось беседовать, отмечали работу Торгаутова в качестве заместителя председателя Комитета госгортехнадзора республики, ведомства в те годы могущественного. Именно здесь наиболее ярко раскрылись его организаторские способности и лучшие человеческие качества – высокая гражданская ответственность и чувство долга за свои поступки и за их возможные последствия. А ещё поиск новых, нестандартных решений. Как зампреда комитета, он курировал вопросы безопасности труда в металлургической промышленности, машиностроении, урановом и химическом производствах. Именно по его предложению при только что организованном в Шымкенте научно-исследовательском институте химической технологии и промышленной экологии был создан первый в Казахстане научный центр, в задачу которого входило отслеживание безопасности труда в химической промышленности. Центр действует и сегодня, им с первого дня руководит друг Торгаутова профессор Асан Шарафиев. В те времена это был совершенно новый подход в работе, поскольку Госкомитет не мог заниматься научным обоснованием своей деятельности из-за ограниченности бюджетных средств.

Серик Кумекбаевич одним из первых в стране изучил и обосновал необходимость создания в республике холдинга, объединяющего ряд родственных предприятий, осмелился изложить свою идею Президенту Н.А. Назарбаеву. Был поддержан, и в сентябре 1993 года возглавил государственную холдинговую компанию по производству шин и резинотехнических изделий. Сам предложил её название – «Куат» («Мощь»).

«Холдинг – это абсолютно новое дело, – рассказывал в своих воспоминаниях ныне генеральный директор ТОО «Проектно-строительное объединение «Шымкентжилстрой» Валерий Жерельев, которого Торгаутов, став президентом холдинговой компании, пригласил своим заместителем. – Планов и дел было «громадье», ведь на тот момент правовых и нормативных актов не было, всё приходилось разрабатывать самим, часто в спорах, все были в поиске. Учитывая, что в задачу компании ставилось содействие Госкомимуществу в реформировании предприятий, их акционировании, смене собственников с учётом интересов государства, особое внимание при этом должно было уделяться обеспечению их текущей деятельности, сохранению управляемости, стабильности трудовых коллективов, вопросам кадрового обеспечения. Ведь понятно же, что создание холдинга, его

деятельность серьёзно затронули интересы всех участников этой реформы – от министерства, областных администраций, теркомов по госимуществу до руководителей предприятий. Понятно, что особого восторга от этого они не испытывали, особенно если учесть, что финансирование компании предусматривалось за счёт её участников. Здесь сыграл свою роль огромный авторитет Серика Кумекбаевича, и дело, хотя и со скрипом, сдвинулось. Мало-помалу решались вопросы финансирования холдинга, приватизации новых производств, заключались новые хозяйственные договоры по продвижению продукции. Словом, как говорится, процесс пошёл. Пока не наступил тот трагический день 19 мая 1995 года...

«Накануне, 18 мая, – продолжила рассказ Турсунай Хурматовна, – Серик Кумекбаевич был на приёме у нашего Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева. Доложил ему о работе, получил новое назначение, теперь его должность, как он сказал, называлась бы «президент государственной холдинговой компании «Куат» – директор ПО «Чимкентшина». По дороге в Шымкент, в районе посёлка Мерке, его автомобиль попал в аварию. И моего любимого не стало... В те скорбные дни, когда казалось, что опрокинулся мир, с нами рядом оказались друзья Серика Кумекбаевича – искренние, душевные, готовые подставить своё плечо. Он прекрасно осознавал, что наступило время перемен, и всегда стремился быть рядом с людьми, понимающими друг друга, дружить с ними, работать, сопереживать – такова была его философия жизни. Лишь 49 лет отмерила Судьба нашему папе. Светлая и никогда не остывающая память о Нём вновь и вновь возвращает меня, моих сыновей Асхата и Нурлана, всю нашу семью к его Земному Кругу, по которому мы мысленно идём не только с печальным чувством невозвратной потери, но и согревающим сердце и душу осознанием того, что вся его Жизнь была без остатка отдана нам, близким ему людям. И делу, которому он служил».

Нарисовать образ идеальной семьи – такая цель перед авторами книги не стояла. Речь шла о том, чтобы лишь достоверно поведать о простом человеке из южной казахстанской глубинки, ставшем благодаря способностям, стойкости и таланту Личностью, рассказать о его жизни со всеми её радостями и невзгодами, поисками, ошибками, счастливыми обретениями, неожиданно оборвавшейся на самом взлёте... Но уже в ходе работы над книгой стало понятно, что в ней должна быть отражена не просто биография одного человека, а, по сути, создан своеобразный портрет целого поколения, эпохи, в которой жили он и окружавшие его люди. Так появились «Берега памяти»...

Каждый год ажека устраивает новогодний праздник для детей и внуков.

На презентации книги 1 октября прошлого года прозвучали стихи близкого родственника Торгаутовых Марата Ливазова. Эти незамысловатые, может, не всегда в рифму, но идущие от души строчки, думается, как нельзя лучше дополняют то, что недосказано авторами книги.

Юбилейные даты – подведение итогов,
Пусть кому-то дано долгих 100 лет прожить.
Но иным по реке от рожденья – истоков,
Не судьба к морю старости медленно плыть.
Их река не течёт плавно – отмель за мелью...
Она – бурный поток с ледниковых вершин.
Слишком быстро лёд тает весенней каплей,
Слишком много успеть хочется им.
Не судьба им пристать к юбилейным причалам,
На коленях качать внуков им не успеть.
Но так хочется к их вернуться началам
И о жизни их песни хочется петь.
И веслом ударяя по волнам бурлящим,
Жизни темп ускоряя, выравнивая крен.
Остаются всегда и для всех настоящими,
Ничего не прося, кроме чести, взамен.

г. Алматы.

Иван НЕЧИПОРУК

“Без Родины не мыслится поэт!”

Марии Судиловской

И снова вижу эти сны я:
К Днепру спешащий юркий Сож,
Мстиславльские края лесные
И золотая в поле рожь.

Бреду сквозь травы-бездорожье,
Прислушиваясь к тишине.
О, белорусское Присожье,
Ты снова юность даришь мне!

А за рекой горит Россия,
В багряно-розовых огнях...
Я просыпаюсь от бессилья:
Нет больше тех, кто ждал меня.

Елене Н.

Растает туман за продрогшим окном,
Бессонная ночь на дворе растворится,
Вдруг счастье неожиданно ко мне постучится
И вместе с зарёю вольётся в мой дом.

И я вдруг пойму, что печаль и беда —
Болезненный бред, мне навеянный ночью...
Я ставлю в своём дневнике многоточье,
И верю, ты будешь со мною всегда.

**Иван
Иванович
НЕЧИПОРУК**

родился в 1975 году в городе Горловка Донецкой области Украины, где проживает и ныне. Шахтёр с филологическим образованием. Член Межрегионального союза писателей Украины (МСПС) и Международного клуба православных литераторов «Омилия». Публиковался в коллективных сборниках, международных альманахах, литературных журналах России и Украины. Смотритель сетевого литобъединения «Стражи Весны». Автор нескольких поэтических сборников, составитель тематических коллективных сборников и альманахов. В «Ниве» выступает впервые.

И. Ш.

Вы думали, что нет меня —
Я снова здесь.
Вы думали, что умер я,
Так я воскрес!

Вы видели, как я упал
Среди травы,
Но в полный рост я снова встал —
Иду на вы!!!

О, как же я устал
С безмолвием бороться
И иступлённо рвать
Пустынные листы.
Мне кажется, что я
Лечу на дно колодца
И растворяюсь в замкнутом
Пространстве темноты.

Мне кажется, что я
Тону в бескрайнем море
Невыраженных дум,
Невысказанных фраз...
А за окном мой сад
Застыл в немом укоре,
Роняя позолоту
В расхлябанную грязь.

Вновь какой-то беззлобной тоской
наливаются вежды,
Улетают минуты из жизни
опавшей листвой.
У меня недостаточно сил
жить одною надеждой,
Но ещё не потеряна цель —
оставаться собой,

И смотреть изумлённо зиме
в её звёздные очи,
Осторожно решая загадки
истёкшего дня...
Улетают минуты из жизни,
а вечер не хочет
Оградить тишиной
от реальности мира
меня.

Снежная ночь

М. Михалёву

Эта снежная ночь,
Ах, какие огромные хлопья,
Словно это не снег,
Будто птицы на землю летят.
И, сутулясь, стоят фонари,
И глядят исподлобья
На такой нереальный
Безумствующий снегопад.

Этот город всю зиму провёл
Без метелей и стужи,
И теперь он не верит себе,
Утопая в снегу...
Эта снежная ночь
Красотою своей ранит душу.
Я на город смотрю —
И свой взгляд оторвать не могу!

Небо, как скомканный шёлк,
Травы с проседью.
Тихо на землю сошёл
Запах осени.

Холод предутренний встал
Над туманами,

Падает с неба листва
В травы пряные.

Ночи теряется след
Над зарницами,
В небо взмывает рассвет
Красной птицею.

Зверёныш

Вот маленький хищник
С затравленным взглядом,
Подставил ладошку
Свою снегопаду.
От этого взгляда
Сжимается сердце:
Ребёнок — лишившийся
Радости детства...

Мне страшно: как этот
Зверёныш невзрачный

Живёт в круге ада
Подвально-чердачном,
И в мире жестоком
Всё больше звереет,
Вдыхая пары
Нитроокраски и клея...

И сколько ж их в мире
Потерянных чад —
Таких вот ободранных
Серых волчат?!!

Без Родины не мыслится поэт!
Смотря на мир сквозь родословья призму,
С высот промчавшихся безумных лет
Отыщется израненный ответ,
Что не могу я разорвать Отчизну.

Я Господа о Родине молю,
В своей тоске от муки обессилев.
Меж двух огней застыл я на краю.
Я Украину искренне люблю!
Но как могу я не любить Россию?

Недоигранная роль

В моей жизни твоя
недоиграна роль,
Потому-то судьба
нас повторно свела,
И заранее сердцем
предчувствуя боль,
Ничего я не жду
от тебя,
кроме зла.

Ты — дешёвый герой
из забытых годов,
Я уже позабыл
все повадки твои...
Жизнь послала тебя —
отделить явь от снов,
Чтоб расставить все точки
над буквами «і».

Сон

Ты спишь и пока что не знаешь,
Что муж не вернётся домой.
Ещё длится смена ночная,
Мобильник безмолвствует твой.
Но где-то в глубинах сознания
Невольно тревога растёт.
И снится тебе ожиданье
У шахтных закрытых ворот.
И снится тебе вереница
Сиреной кричащих машин,
И женщин заплаканных лица,
И хмурые взгляды мужчин...

Субботняя смена шальная
 Для сотен предстала судьбой...
 Пока же ты спишь и не знаешь,
 Что стала сегодня вдовой.
 18.11.07 г.

В час предутренне-зябкий,
 в объятиях зыбких туманов,
 Возвышаются — хмурые
 словно осенние сны —
 Терриконы, сродни погребальным
 сарматским курганам —
 Монументы шахтёрам,
 погибшим в глубинах земных.

С отсечённых вершин
 на проспекты сползает тоска.
 Невесёлые думы
 терзают седых великанов.
 Терриконы на теле степи —
 воспалённые раны,
 Их земле исцелить
 не помогут шаманы-века.

В понедельник

В понедельник в соборе
 так мало людей,
 В понедельник в соборе
 просторно молитве.
 И душа, утомившись
 от суетной битвы,
 Жаждет пару часов
 отдохнуть от страстей.

И под купол «взлететь»,
 позабыв о стихах,
 Позабыв о шахтёрской
 суровости буден.
 В понедельник путь к Богу
 в молитве не труден...
 ... Если сердце не вязнет
 в рутине греха.

В предчувствии

Был быт избит,
 залапан и замызган,
 Залитой скатертью
 была душа,
 Суровый год
 слюной голодной брызгал,
 И день слонялся
 в поисках гроша.

Сквозь мрак, невзгоды —
 я тянулся к свету,
 И пусть мой мир
 был нищетой объят,
 Я верил в светлую свою
 планету...
 А жизнь текла —
 в предчувствии тебя.

Растворяется боль,
 словно в кофе добавленный сахар.
 Оплавает, как воск,
 в жарком небе полночном луна.
 Я увлёкся, плывя по течению,
 забыв чувство страха,
 И теперь получаю
 по старому счёту сполна.

Ночь июля душна,
 от жары ли? А может, от боли?
 Лишь молитва способна
 ночную хандру превозмочь.

Только вера — вериги обиды,
как чашу, расколет,
И устанет душа
в ступе времени воду толочь.

Падение

Я падаю,
 падаю,
 падаю.
Я мерзок в паденье своём.
Тревога багряною раною
Зияет. Вот-вот грянет гром,
И рухнет строение зыбкое,
Что я возводил на песке.
Я жизнь насыщаю ошибками
В какой-то беспечной тоске.

Но прочь страхи все и сомнения,
Мне хочется громко кричать:
«Скорее свершайся падение,
Чтоб вновь восхождение начать!»

Детский городок

Скрипят качели	Где малыши,
в детском городке,	игрушки разложив,
И стонут,	Пасут цветных
как испуганные звери.	животных из бетона,
Устало август	И детский смех
сквер шагами мерит,	с листвою окрылённой
С букетом	В лучах
пряных запахов в руке,	ультрамаринových кружит.

Покров

Пройдя бульвар Димитрова,
 вливаюсь в желтокрылую
Осеннюю республику
 берёз и тополей,
Где города окраина
 с безумно-дикой силою
Влюбляет человечество
 в янтарь своих аллей.
Ах, осень милосердная —
 какое время славное!
Стоят золотогривые
 кленовники, как львы.
А речка Скотоватая
 сквозь кудри разнотравные
Несёт к прудам кораблики
 подхваченной листвы.

Здесь запахи октябрьские
дымами не разбавлены,
Здесь осень, нераспятая
голгофами костров.
Горит и заливается
багрянцем присноправильным,
На царство солнцем венчанный
сияющий Покров.

Шаг

Сделан шаг —
Отступать и сдаваться
бессмысленно.
Страх в глазах,
А душа, как рубаха,
расхристана.

На краю:
Между словом
и страхом безмолвия,
Я стою,
Ожидая, когда
грянут молнии.

Начав свой новый день за здравие,
Я к вечеру свой миф разрушу,
Пустые приступы тщеславия
Смываются контрастным душем.

И дней шальные многоточия
Мне дарят новые ответы.
Растратив все запасы прочности,
Душа моя взывает к Свету.

Опять, блуждая от отчаянья,
Шепчу свои обиды ветру...
А мне до Храма расстояние —
Всего-то пара сотен метров.

Светлым мёдом молитв я наполню свой вечер,
На душе для тоски не найдётся причин.
Мне опустится лёгким покровом на плечи
Ощущенье покоя.
Мерцаньем свечи
Отпугнёт налетевшие мерзкие тени,
И растает бредовых сомнений туман.
Станет светлой звездой момент вдохновенья.
И отступит навязчиво-жгучая тьма.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ,
академик Международной
академии информатизации,
писатель

Имя учёного Фарита Камаловича Низаметдинова широко известно в республике. Он – крупный специалист геомеханики открытых разработок месторождений полезных ископаемых и маркшейдерии, лауреат премии Совета Министров Казахстана в области науки и техники. Вся его жизнь теснейшим образом связана с Карагандинским техническим университетом, и он благодарен судьбе за это.

– Жизнь меня не очень баловала, но и не обижала, – говорил мне Фарит Камалович. – Я просто был уверен, что надо изо всех сил трудиться, и тебе воздастся сторицей. Так оно и происходило в моей жизни. Свою докторскую диссертацию я, например, писал более десяти лет. Но я её написал! И выдал в ней разумные рекомендации по обеспечению устойчивости карьерных откосов при разработке сложно-структурных месторождений. И, надо сказать, ими до сих пор пользуются строители карьеров и горняки открытых разработок.

Видимо, я задел любимую струнку в душе Фарита Камаловича, ибо он принялся чертить карьеры и объяснять мне, как надо строить в них устойчивые откосы уступов и бортов, чтобы безопасно добывать руду или уголь. И я понял: это его жизнь, сама соль её и смысл её. А навёл Низаметдинова на животрепещущую и вечную тему доктор технических наук, профессор Иван Иннокентьевич Попов, основатель научной школы по проблемам управления карьерными откосами и предупреждения оползней в карьерах. Его школа была признана не только в Казахстане, но и в странах СНГ образцовой. О ней высоко отзывался ныне покойный учёный-геолог, друг Каныша Имантаевича Сатпаева, заведующий кафедрой маркшейдерского дела Казахского политехнического института А. Ж. Машанов. На праздновании 100-летия со дня рождения этого учёного-геолога Фариту Камаловичу вручили коврик с изображением академика, и сейчас этот уникальный портрет висит в кабинете Низаметдинова. Он как бы символизирует любовь старших, учителей к своему достойному ученику, каковым в действительности и является Фарит Камалович.

Ни разу я не услышал из его уст плохого слова о своём наставнике Иване Иннокентьевиче Попове. Да и может ли быть иначе? Советские русские учёные, приехавшие в Казахстан, принесли сюда огромный поток знаний, самую прогрессивную методологию обучения студентов, вырвали из глухих аульных мест одарённых ребят и воспитали в них тягу к науке, сделали их профессорами и академиками. Жаль, что кое-кто из местных воротил и неучей стал забывать об этом, жируя на государственных бюджетах и дотациях.

Фарит Камалович – из благодарных наследников учения И.И.Попова. В лаборатории при кафедре он открыл уголок, в котором собраны основные труды Ивана Иннокентьевича. Здесь представлены его учебники «Маркшейдерия при подземной разработке», «Маркшейдерские работы при рекультивации нарушенных земель». А вот и его работа в соавторстве со своими приверженцами – учёными Р.П. Окатовым, В.М. Долгоновым «Природные и техногенные основы управления устойчивостью уступов и бортов карьеров», выпущенная отдельной книгой в 1997 году. Рецензентом этой научной работы был член-корреспондент Академии наук республики, профессор М.А. Ермаков, ответственным редактором – доктор технических наук Н.А. Дрижд.

– Почти пятнадцать лет прошло после издания этой книги, давно уже нет Ивана Иннокентьевича Попова, а, кажется, это было только вчера, – тяжело вздыхает Фарит Камалович. – Книга памятна мне тем, что её высоко оценил тогдашний ректор вуза Геннадий Георгиевич Пивень. Не потому ли он назначил меня в 1998 году заведующим кафедрой маркшейдерского дела и геодезии? Кто знает...

Действительно, лучшей кандидатуры на должность заведующего кафедрой не было. Ф.К. Низаметдинов к тому времени уже защитил докторскую диссертацию, опубликовал около 70 научных трудов, включая две монографии и три брошюры. Вслед за И.И. Поповым и Р.П. Окатовым он стал признанным экспертом в области маркшейдерии и геомеханики открытых разработок.

Основоположником кафедры маркшейдерского дела и геодезии Фарит Камалович считает, конечно же, бывшего ректора института, Героя Социалистического Труда Абылкаса Сагиновича Сагинова. Судя по изданным приказам, ректор много внимания уделял её развитию. Он не раз в своих выступлениях отмечал, что Казахстан – это большая стройка, ей всегда будут нужны геодезисты, картографы и маркшейдеры. Поэтому кафедру по маркшейдерскому делу и геодезии он расположил в лучшем корпусе института – горном, всячески содействовал созданию её научных и учебных лабораторий, аудиторий, старался подобрать достойные кадры преподавателей.

Долгое время кафедрой руководил доктор технических наук, профессор Михаил Лазаревич Рудаков. Он был видным учёным в области охраны недр, учёта потерь и разубоживания полезных ископаемых, устойчивости бортов карьеров при разработке месторождений открытым способом. При нём в 1957 году был осуществлён первый набор студентов на специальность горный инженер-маркшейдер. Затем кафедру возглавлял тридцать лет крупный учёный Иван Иннокентьевич Попов, который приехал в Караганду в политехнический институт по приглашению Сагинова из Свердловска. Он также, как и Абылкас Сагинович, начинал свою трудовую биографию на угольных предприятиях, работал главным инженером-маркшейдером шахт, трестов Урала.

Возглавляя кафедру, Иван Иннокентьевич опубликовал 8 монографий, четыре учебника и более 120 научных статей. Он подготовил

5 докторов и 25 кандидатов технических наук, являясь научным руководителем диссертантов. Научная разработка кафедры по управлению устойчивостью бортов карьеров в Казахстане была отмечена премией Совета Министров Казахской ССР в 1989 году. Для улучшения качества обучения Иван Иннокентьевич разработал и внедрил в учебный процесс программно-управляемую систему с игровым моделированием проблемных ситуаций по основополагающим дисциплинам. Эта система была отмечена дипломом Минвуза СССР в 1988 году.

Если вы начнёте расспрашивать Фарита Камаловича о помощи кафедре со стороны Сагинова, то он скажет вам, что пик оснащения её новой техникой, оборудованием пришёлся как раз на те времена, когда Абылкас Сагинович был ректором института. Именно по его инициативе и настоянию кафедра была оснащена новейшими для того времени маркшейдерско-геодезическими приборами, угломерами, буссолью, теодолитами и нивелирами различной точности, гирокомпасами и так далее. На базе спортивно-оздоровительного лагеря «Политехник» в Каркаралинске был открыт геодезический полигон для прохождения практики студентами.

– Я хорошо помню Абылкаса Сагиновича, – говорил мне Фарит Камалович. – Яркая самобытная личность, человек, стойкий во всех смыслах, не идущий на сделку со своей совестью, умело подбирающий кадры, отличный организатор, он непременно станет маяком для нового поколения людей. Ведь никак нельзя забыть его созидательные устремления по переустройству института с тем, чтобы вуз всегда был востребован.

Кроме всего прочего, Абылкас Сагинович был доступный всем человек, очень обаятельный. Он подписал мне документы на получение новой квартиры в микрорайоне «Гульдер», пожелал доброго новоселья. Я до сих пор живу в этой квартире и часто с благодарностью вспоминаю его тёплое рукопожатие.

Фарит Камалович считает, что давно пора приступить к увековечению памяти А.С. Сагинова. Уже прошло пять лет, как его не стало. И надо в честь Абылкаса Сагиновича назвать улицу, поставить на площади перед вузом ему памятник... А.С. Сагинов не менее легендарная личность, чем Букетов, и потому его имя требует особого внимания общественности и правительства.

С назначением Фарита Камаловича заведующим кафедрой она получает своё второе дыхание.

– Сейчас в республике много спорят о путях трансформации классических университетов в инновационные, как это сделано в США, – говорит Фарит Камалович. – Такие университеты имеют прочные связи с производством, промышленностью. В пример учёные всегда ставят Массачусетский технологический институт, который активно сотрудничает с 300-ми промышленными корпорациями. А я вам скажу: ещё Абылкас Сагинович дал нашему вузу инновационное направление, создал научные лаборатории и центры, соединил их с производством. Именно по его инициативе при нашей кафедре была создана научно-исследовательская лаборатория «Маркшейдерия, геомеханика и геометризация недр». Она ежегодно выполняет по договорам разных услуг на сумму не менее пяти миллионов тенге.

У нас давно установились прочные связи на договорной основе с корпорацией «Казахмыс», Балхашским горно-металлургическим комбинатом, угольным департаментом «Борлы», Карагандинской ГРЭС-2 в Топаре, угольным разрезом «Богатырь» в Экибастузе, Васильковским ГОКом в Кокчетаве, «Востокказмедью» в Усть-Каменогорске, Шубаркольским разрезом... И сотрудники кафедры выполняют немалый объём научно-исследовательских работ по заказу этих предприятий. Созданные нами новые технологии внедрены на ряде предприятий республики. Немало уже сделано, например, по договорам, связанным с обеспечением устойчивости откосов уступов и бортов карьеров и угольных разрезов, инструментальным контролем состояния прибортовых массивов открытых разработок, автоматизацией маркшейдерских и геодезических измерений, осуществлением высокоточных геодезических измерений состояния крепости зданий и сооружений.

В последнее время заключены новые договоры с рядом горнодобывающих предприятий по созданию оптимальных параметров откосов в карьерах для получения значительного экономического эффекта за счёт сокращения объёмов вскрыши, применению новой техники и технологий во время проведения маркшейдерских и геодезических работ.

Немало сделал в последние годы созданный при кафедре учебный научно-производственный центр «Маркшейдерия и геодезия», в котором повысили свою квалификацию сотни маркшейдеров и геодезистов горнодобывающих и строительных предприятий, шахт угольного департамента АО «АрселорМиттал Темиртау». Лекции для них читали лучшие преподаватели кафедры.

Низаметдинов перечисляет с десятков фамилий, забывая сказать о себе. Между тем, Фарит Камалович является обладателем гранта Министерства образования и науки «Лучший преподаватель вузов республики 2007 года». И это звание он получил справедливо за то, что современен, постоянно пополняет свои знания, усиливает научный престиж кафедры и качество преподавания на ней.

– Инновационная кафедра всегда должна иметь хорошую репутацию, укреплять свои связи с ведущими университетами мира, перенимать международный опыт обучения и воспитания специалистов нового времени, – делился со мной мыслями Низаметдинов. – Для хандры, уныния у меня просто нет времени, я – оптимист... И это спасает меня в новых условиях развития науки и образования. Боюсь отстать. Сажу в библиотеке, рвусь за рубеж, интересуюсь, как у них, что нового можно перенять.

Действительно, только в последнее время Фарит Камалович побывал в ряде вузов Германии, Италии, Швейцарии и России. Результатом этих поездок стало мощное оснащение кафедры новейшей зарубежной маркшейдерско-геодезической техникой и оборудованием, программными продуктами. Более того – кафедра заключила договоры со швейцарской компанией «Leica» на внедрение в Казахстане инновационной продукции зарубежных фирм. Все знают, что «Leica» является мировым лидером по выпуску геодезического оборудования и уже с помощью Низаметдинова и его коллег поставляет на казахстанский рынок самые современные геодезические, измерительные приборы и технологии.

Ф.К. Низаметдинов создал при кафедре инновационную фирму «ЕАТС – Караганда», которая занимается внедрением маркшейдерско-геодезических приборов и ГИС-технологий на предприятиях республики. Я побывал на этой фирме и убедился в огромной эффективности новой техники и технологий. Все электронные тахеометры, лазерные дальнометры, рулетки, навигационные приёмники оснащены мини-компьютерами, автоматическим управлением. Они могут определить координаты точек через спутниковую систему навигации. Кафедре под силу сегодня внедрение таких инноваций, как программа слежения за движением объектов (мосты, здания, уступы, оползни, борта карьера и т.д.) в режиме реального времени с системой оповещения об опасных деформациях. Она может помочь освоить новейшие системы поиска подземных коммуникаций, лазерных уровней для укладки труб и так далее.

Фариту Камаловичу в этих важных делах помогает его сын Наиль Низаметдинов, который решил идти дорогой исканий, повторяя путь отца. Наиль окончил технический университет по специальности горный инженер-маркшейдер и сейчас работает менеджером фирмы «ЕАТС – Караганда».

Ф.К. Низаметдинов считает, что учёные Казахстана должны получать доход от своей интеллектуальной деятельности, как это делается за рубежом. И поэтому, на его взгляд, технический университет должен быть не государственным казённым предприятием, а акционерным обществом. Это позволит преподавателям-учёным получать больше моральных и материальных поощрений по результатам своей работы. И не будет больше настроений типа «как бы сбежать, уехать за рубеж».

Фарит Камалович также считает, что технические университеты должны стать зонами высоких технологий и инноваций, наукоградами, комплексами локальной интеграции науки, высокопроизводительного производства и образования. Много в этом отношении делается, но не всё... Слабо ещё вуз привлекается к созданию индустриального парка в области, а ведь, по сути, этот парк должен быть детищем университета, конечно же, с помощью предпринимателей.

Фарит Камалович доволен уровнем подготовки специалистов, выпускаемых университетом. Тридцать лет он уже работает на кафедре маркшейдерского дела и геодезии и пока не слышал ни одного нарекания на выпускников. А их за годы существования кафедры было подготовлено около тысячи. И многие из них стали известными руководителями, учёными, специалистами. Можно назвать, к примеру, генерального директора угольного департамента «Борлы» корпорации «Казахмыс» Александра Васильевича Сергеева. После окончания политехнического он работал маркшейдером на угольных разрезах «Молодёжный» и «Шубаркольский». Ему выпала большая честь забить первый колышек на Шубаркольском угольном разрезе. Трудился Сергеев и на разрезе «Куучекинский» начальником смены, затем главным инженером. С марта 1998 года – технический директор АО «Борлы», затем – генеральный директор. Александр Васильевич немало сделал для развития угольного департамента, освоения нового Самарского месторождения меди, строительства рудника «Нурказган».

Таких выпускников, приносящих немало пользы республике, хватает. Горный инженер-маркшейдер Рустам Ходжаев был аспирантом

института горного дела имени А. Скочинского, успешно защитил кандидатскую и докторскую диссертации, работал заместителем директора Казахского НИИ безопасности работ в горной промышленности, а сейчас возглавляет ТОО «Геомар». Выпускник Кенес Темирханов после окончания вуза трудился участковым маркшейдером Акжальского рудника, старшим маркшейдером Кайрактинского рудника, главным маркшейдером ПО «Балхашмедь». Сейчас работает начальником управления охраны недр, энергетики и минеральных ресурсов республики.

В последние годы кафедра значительно расширила свои научные контакты с горнодобывающими предприятиями. К ним относится АО «ССГПО», где разрабатываются три крупных карьера «Сарбайский», «Соколовский» и «Качарский», достигшие глубины отработки 550 метров. Между КарГТУ и АО «ССГПО» в 2008 году была подписана программа создания геомеханического мониторинга состояния прибортовых массивов карьеров сроком на три года с финансированием 30 миллионов тенге, которая успешно реализуется. В перспективе планируется создание автоматизированной системы по контролю состояния бортов карьеров. В ходе выполнения намеченного вице-президент этого предприятия Р.А. Урдубаев подготовил и защитил кандидатскую диссертацию. Создана основа по составлению методического указания по обеспечению устойчивости бортов карьеров АО «ССГПО».

В АО «Шубарколь комир» увеличиваются объёмы добычи угля с применением современной бестранспортной технологии с созданием внутренних отвалов, где вопросы обеспечения устойчивости откосов рабочих уступов и отвалов весьма актуальны. Постоянно кафедра совместно с АО на контрактной основе решает эти проблемы. Вице-президент АО С.П. Ким, выпускник КарГТУ, в 2009 году защитил кандидатскую диссертацию на данную тему. Уже получены патенты на прогрессивную технологию добычи угля.

На карьере «Васильковский» АО «Алтынтау Кокчетау» кафедра обосновала параметры откосов уступов и бортов карьеров и сейчас осуществляет авторский надзор.

Подобные исследования коллектив кафедры выполнил на карьерах Восточный Камыс (АО «Казмарганец»), Абыз (ТОО «Корпорация Казахстан»), Куучек и Молодёжный УД «Борлы» и других. В последнее время кафедра широко внедряет на горнодобывающих предприятиях цифровые модели карьеров с помощью 3D сканеров.

Жизнь устроена так, что старшее поколение обязано передавать свой опыт и знания молодым. Переустройство общества обострило эту проблему, создавая рыночные катаклизмы, искусственные преграды на пути обучения юношей и девушек. Но Фарит Камалович, несмотря ни на что, остаётся оптимистом. Он уверен, что оптимизм – это половина успеха. И заверяет, что таланты всегда пробьют себе дорогу, вырастут, как саженцы, посаженные в его саду на даче. И он делает всё возможное, чтобы степень преподавания в «политехе» не падала, а отвечала мировым понятиям.

г. Караганда.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

Ключи и врата Петровы

Штрихи к великой истории Великой Степи

1. Так где же ты, город золота желанный?

В знаменитом романе «Пётр Первый» «красного графа», советского академика и классика мировой литературы Алексея Николаевича Толстого (1883–1945) ни сам российский властелин (младший сын царя Алексея Михайловича от второго брака – с Нарышкиной), ни его многочисленные приближённые, как это ни странно, но беллетристический казус: никто из них ни разу не глянул хотя бы промельком в сторону наших казахстанских краёв, откуда к Государю прибыла только лишь единожды упомянутая в романе очень понравившаяся царю «калмыцкая шапка», каковую он временами носил лихо сбитой на ухо – это в ней его нередко рисовали на Западе волчи злые на Россию шведские и британские карикатуристы.

Разумеется, не дело требовать от классика мировой литературы посписочного отображения гигантских деяний Государя Петра Алексеевича, как правых, так и не очень: недаром же в России вовсе не за выразительные глаза и высоченный рост, а именно за эти самые деяния его испокон веков называют Великим (с большой буквы), а, скажем, в бессчётно воевавшей с ней Турции – Сумасшедшим (тоже с большой).

Но всё-таки, ежели неуклонно следовать полной исторической правде, то за 36 лет своего самостоятельного правления – с 1689 по 1725 год – Пётр Первый никогда не забывал о сопредельных с Российским Государством юго-восточных и, прежде всего, казахстанских пространствах, отчётливо осознавая, что без благоприятственных отношений с населяющим их народом, как и без выхода на морские просторы, России ни за что не стать мировой державой.

Ну а вся Великая Степь являлась мысленному взору просвещённейшего и многознающего Государя необъятной полосой степей и лесостепей нынешнего Казахстана, Южного Урала, Западной Сибири и Алтая, степей Северного Кавказа, пустынь и полупустынь Средней Азии, степей украинских и венгерских степей, величаемых мадьярами поэтически звучным словом Хортобади.

На этой фантастически преогромной территории – что отменно знал Пётр – от Монголии до германских земель с древнейших времён жили, создавали свои государства и полугосударства, строили города, кочевали, воевали с другими народами, совершали немыслимо-дальние походы, торговали друг с другом, обменивались религиями, созидали своё искусство и свою культуру, чтиво и архитектуру наши общие предки – кочевники, и в это неопровержимое историческое обстоятельство тоже вникал Пётр вместе с созданной им Академией наук. В разные времена назывались они по-разному: скифы и саки, гунны (хунны), уйсун, канглы, древние тюрки,

кипчаки, киргиз-кайсаки, найманы, коньраты, тофалары, узбеки, кумыки – и ещё превеликое множество других названий у них было, в прочном запоминании коих, по правде говоря, Государь давал большую слабину, предоставляя полное право таких запоминаний своим академическим мужам, как талантливым, так и не очень.

Обладавший недюжинной физической силой и поразительной выносливостью, неисчислимыми добродетелями и столь же бессчётными пороками, Великий Преобразователь спал мало, но чаще всего ему в его коротких державных снах снились крупные слитки золота и – раздалёкая загадочная Индия. Золото позарез или, как говорится, кровь из носу нужно было российскому Государю для убедительных викторий в множественных затяжных и крайне разорительных войнах с Швецией и Турцией за свободные выходы России к морям. Индия же грезилась и наяву землёй, чрезвычайно полезной для России в том самом смысле, какой увидели в ней чуть позже вездесущие испанцы, португальцы, голландцы, французы и, конечно же, подданные Туманного Альбиона, чей Британский Лев российскому Двуглавному Орлу всегда и на всех земных широтах, не исключая даже самых крайних и отдалённых, был искони наиболее сильный, опасный и коварный соперник.

На тринадцатый год войны с шведским королём Карлом Двенадцатым, стремительно рванувшим после сокрушительного Полтавского погрома (1709) в Турцию, сибирский губернатор, дородный князь Матвей Петрович Гагарин (запомни, читатель, эту фигуру!) обстоятельно доложил Государю о том, что сам узнал от всеведавших казахских авторитетов, через чьи практически беспредельные владения проходили оживлённые торговые дороги на все стороны Света, в том числе и знаменитый Великий Шёлковый Путь.

Утверждали, если можно было поверить Гагарину, неколебимо: много чистопородного золота в песке и даже в крупных натуральных слитках, если захотеть, то можно обнаружить неподалёку от города, называемого в киргиз-кайсацком наречии Еркети на полноводной реке Дарье, каковая будто бы там звалась рекой Яркенд (ономастика и топонимика здесь и далее – описываемого времени. – **В.В.**).

Речь шла, скорее всего, о городе Яркенде на территории нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Есть и поныне такой город южнее знаменитого Кашгара, ещё в средние века ставшего одним из крупных центров торговли на Великом шёлковом пути.

И Государь всецело положился на уверенно изложенные князем Гагариным по тому времени сведения, твёрдо показавшиеся Петру Первому отнюдь не сказочно-гиперболическими, но реальными. А к тому же ещё о некоей золотоносной реке в Бухарии очень красочно рассказал Государю и знатный туркмен из рода Садыр Ходжа-Нефес, доставленный в Петербург из сопредельной с Казахстаном Астрахани, за добрую весть Петром несказанно обласканный.

С Каспия доносили о расторопном хивинском хане Ширази и его ирригаторах-чудодеях. Ничего ещё тогда не ведавшие о великих стройках

коммунизма и грандиозном Сталинском плане преобразования природы, проектах поворота северных могучих рек в пользу сибирских и казахских земель, ушлые хивинцы, никого из соседей на то не испрашивая (вдумайтесь только!), отвели от Каспийского моря реку Амударью в ту пору более чем полноводное и дивно рыбоносное море Аральское! Для чего же? А всё для того, чтобы прибрать к своим рукам обнаруженное в русле Амударьи золото в неисчислимых его количествах.

Не отрицал этого совершенно фантастического ирригационного невероятия и хитрый хивинский посол Ашурбек. Но Российскому Государю он явно чего-то недоговаривал, однако по его масляным глазкам проницательный Пётр Алексеевич прочитал неизречённое Ашурбеком: мол, мы, хивинцы, не чета вам, нечестивой, преступно забывшей Всевышнего и по горло и выше погрязшей в разврате и остальных смертных грехах Европе, ещё и не то (с)можем.

Впрочем, разгаданная Петром посольско-хивинская похвальба была абсолютно зряшной.

Во-первых, пусть на минуту-другую-третью, но Ашурбек напрасно подзабыл, что Российский Государь всегда считал сам себя и всех своих подданных, даже тех, кого из европейских стран охотно привечал под свою мощную руку, прежде всего азиатцами, а потом уже европейцами.

И, во-вторых, но, быть может, и во-первых, сам Пётр Алексеевич никогда ворон зря не считал, ушами не хлопал и щип лаптем не хлебал – превеликим множеством самых полезных ремёсел владел мастерски, поворотами, доворотами, соединениями водных путей тоже ворочал умело.

Молодому российскому торговому и военному флоту крайне нужен был выход на морские просторы. Тридцать один каменный шлюз соединил через Шать Оку с Доном. Вышневолоцким каналом спаровали Каспий с Балтикой. Успешно прокопали Ладожский обводной путь. Спроектировали канал Москва – Волга. По уговору с Государем хваткий английский капитан Перри приступил к сооружению канала Волга – Дон...

Немало из того, что замыслил Пётр Преобразователь, волею кремлёвского Отца всех времён и народов полутора столетиями позже весьма результативно продолжили заключённые ГУЛАГа и комсомольцы-добровольцы. К примеру, тот же спроектированный и начатый капитаном Перри канал Волга – Дон был успешно сдан в эксплуатацию в 1952 году, незадолго до странной кончины Сталина (1953), и вошёл в число так называемых великих строек коммунизма.

Умные учёные головы во благо российских искателей золота и путей в далёкую Индию подсказали Петру Первому вариант маршрута туда посредством возвращения Амударьи в прежнее русло. В этом случае путь на Индию за её золотыми припасами должен был пролечь через Каспий по возвращённой Амударье и – далее на Юг.

В самой возможности поставить (вернуть) «Дарью-реку» на её прежнее место Пётр ничуть не сомневался. По правде говоря, мало заботила его и мысль о том, как отдадут своё золото индусы – добровольно или поделятся им каким-либо иным способом. В любом разе не в обычаях россиян было

хищничать, истязать и грабить другие народы. Его озадачивало вовсе не это, а сакраментальное и совершенно никем из соотечественников не изведенное далее, тем паче, что долгий-предолгий путь, коим хаживал и плыл с 1466 по 1472 год в Индию и обратно через Аравийское море и восточное побережье Африки тверской купец Афанасий Никитин, стратегически был абсолютно не приемлем, громоздок, опасен и обходился бы многократно дороже самого золота.

Дабы иметь наиболее полные, не вилами по воде писанные представления о зело туманном, но (магически) магнетически соблазнительном маршруте, Государь изыскал из предельно за многие годы войн и лишений отощавшей державной казны средства и повелел снарядить на берега Каспия обстоятельно оснащённую экспедицию во главе с ясноглазым кабардинским князем Александром Бековичем-Черкасским.

Оба хорошо понимали: любые, даже столетние войны кончаются, а необоримой силе и безраздельной власти золота конца нет и в самые мирные времена, а ежели у государства его нет, то, стало быть, недолг век и самого такого государства.

И тут непременно надобно сказать вот что: в резкое отличие от многих других российских, европейских, восточных владык Пётр Алексеевич придворных льстецов и подхалимов, отпетых дураков и остолопов, прекрасно сам себе зная цену, возле себя и далече старался не держать. И правильно делал. Однако не только на святой Руси они как до него, так и после плодились в самых невероятных количествах по каким-то неведомым фатальным законам, неупраздняемым никакими умными указами, грозными декретами, постановлениями, решениями, директивами, программами, революциями и перестройками.

Очень образованный, храбрый и деятельный князь Александр Бекович-Черкасский в числе сладчайших придворных лицедеёв никогда не числился. До своей верной службы Петру Первому этого мусульманского красавца и умницу звали Девлет-Кезден-Мурзой.

Помимо восточных языков он превосходно знал европейские, пять лет кряду – с 1707 по 1711 год успешно выполнял самые деликатные поручения Государя на Западе, а после не менее удачливо – на Востоке.

Поначалу Петру был очень люб план Бековича по развитию всесторонних и взаимовыгодных связей с Персией. Со временем, когда Бековича уже не будет в живых, Государь поменяет свои воззрения на сей счёт. Но при жизни князя ещё более привлекательным виделся Петру Первому проект Бековича по объединению народов Кавказа под эгидой России, подробно разработанный князем в 1711 году после возвращения из Кабарды.

Бекович обстоятельно доложил этот план Государю, не без резону отнеив тот непреложный факт, что ежели умедлить с этим благополезным деянием, то его непременно перехватят и обратят в свою противоположность крепкие и цепкие лапы коварного Британского Льва. И это неизбежно аукнется неисчислимыми тяготами и бедами не только кавказским

народам, но и всем остальным южным и юго-восточным российским соседям, с которыми россияне издавна связаны не только успешной торговлей, но даже родством, никогда по своей нравственной силе не уступавшим кровному.

Однако, как и везде, не всегда и тут складывалось всё складно и ладно, гладко и сладко.

Хотя Великая Северная война России со шведами, длившаяся беспрерывно двадцать один год, клонилась к своему победоносному завершению, но в ней для беспрерывного пополнения российского войска, как сказали бы сейчас, живой силой и техникой, для подкорма адски истощённых российских тылов, вконец изголодавшегося рабочего люда, для строительства новых городов и судоверфей, умиротворения казацко-крестьянских и солдатских волнений, для проведения реформ государственного устройства, развития промышленности, торговли, просвещения, создания Академии наук, ликвидации патриаршества, для всех прочих державно-гражданских и военных дел по-прежнему ненасытно требовалось золото, золото, золото...

Не далее как на исходе 1716 года с ведома Государя для переговоров об интенсивном усилении торговли и даже возможного военного союза к хану Младшего жуза Кайыпу (Кайыпу) навещался с посольской миссией тобольский боярин Никита Белоусов – весь из себя расфуфыренный, очень важный, но не особо сметливый. Он пробыл у казахского владыки почти целый год, но прок от этой его миссии был не очень велик.

А ещё раньше – весной 1716 года – прибывшая к Российскому Государю из далёкой Казахии весть похлеще и вовсе удручила Петра Первого: посланный им со стороны Сибири на розыски загадочно-желанного золотого города Еркети и строго географического уточнения «куда своим руслом вышла Дарья-река», якобы фантастически золотоносная, многочисленный поисковый отряд под бездарным командованием раскормленного лейб-гвардии Преображенского полка подполковника Ивана Бухгольца подвергся в крепости Ямышевской самой злой джунгарской осаде.

Это сейчас иные «благородные» умники, особенно из числа западных и прозападных и заокеанских знатоков истории и современности Казахии, вероятно, из самых лучших своих «объективных» побуждений, а ещё и для того, чтобы эпатировать (ошарашить) свою и нашу публику, чересчур доверчивую к любому печатному, телевизионному, интернетскому слову, и тем самым, подобно древнему Герострату, оказаться в центре всеобщего внимания, утверждают чуть ли не о благодетельности набегов джунгар на Казахстан. Эти горе-Геродоты представляют их едва ли не тогдашним вариантом «гуманитарной помощи», а самих агрессоров – разнесчастными жертвами коварных китайцев.

А в ту пору и много позже не было никого из честных летописцев и литераторов, кто жаловал бы Джунгарию сердечным словом и доброй памятью. Джунгарские нашествия были не менее безжалостны и жестоки, нежели всем известные по суровому XX-му столетию палаческие злодеяния нациста № 1 Адольфа Шикльгрубера (Титлера) и его разноплеменной своры, камбоджийских владык Пол Пота и Иенг Сари, других чудовищных выроdkов и ублюдков рода человеческого.

Несомненно, трезво и дальновидно учитывая перманентную грозную опасность, какую всегда и во всём представляла собой обнаглевшая Джунгария, несравненно более могущественная Цинская империя не стала ставить Джунгарию на колени, а в точно преопределённое самим Провидением неотступное историческое одночасье огнём и мечом стёрло Джунгарию с лица планеты. Лишь кое-где остались от неё отдельные географические приметы давне-зверского бытования на Земле.

Есть одна из таких примет-топонимов и в нашем Жетысу – Семирежье. Это так называемые Джунгарские Ворота в горах Заилийского Алатау – место, скажу вам, совершенно неприятное, угрюмое и мистическое, во все времена года денно и нощно продуваемое сильными ветрами. Их нескончаемые замогильно-мрачные завывания и есть отнюдь не печальный реквием, а вполне закономерная отходная Джунгарии, не единожды проклятой в неумирающей памяти народной.

Но это – к слову, отнюдь не лишнему.

Ну а что же произошло с экспедицией подполковника Бухгольца?

А вот что.

Не успел её самовольный предводитель должным образом похудеть в джунгарской осаде, как очутился вместе со всеми своими подчинёнными в плену. Осенью ему удалось передать сибирскому губернатору Гагарину скорбную весточку об этом горчайшем событии.

Матвей Петрович Гагарин отмахнулся: а, ещё не то бывало, авось, и тут обойдётся.

Увы, не обошлось.

Сам-то подполковник Бухголец неким чудом (да каким там чудом – не чудом, а крупным подкупом) сумел добыть себе вызволение. Но большинство других пленённых россиян, испытав невероятные лишения и страдания, возвратились домой из захваченного джунгарами Семирежья и Восточного Туркестана – представьте себе – только лишь через долгих и мучительных 19 лет.

2. Позор Бухгольца, слава – Лихареву

Страшно разгневался на подполковника Бухгольца Пётр Первый за то, что тот и бесподобно нужного Государству Российскому золота толком в просторах Казахии не разведдал, и своих же людей, как распоследний раззява, проворонил, загнав в гнусный полон подлым джунгарам. Ладно, ещё сам раньше других из позорной ситуации выкарабкался, – громко побушевав, всё ж таки махнул рукой Государь на бесчестное вызволение Бухгольца, быстро умягчавшийся даже в самом непотребном гнев.

А причину сей спасительной для Бухгольца неожиданной отходчивости стало не скрываемое Петром Алексеевичем объявившее его всего самого душевное удовольствие от другой, на его державный взгляд, более важной вести. Эта экстренная новость поступила к нему из-под норвежской крепости Фредриксхаль – там наконец-то нашёл свою бесславную гибель самый главный супостат для России – шведский король Карл Двенадцатый, что вскоре несказанно облегчило достойное завершение всем опостылевшей Великой Северной войны.

Однако до этого «вскоре» ещё не было ни рукой, ни ногой подать, и золота для Государства Российского по-прежнему не хватало. И властно одержимый навязчивыми идеями о «золотом граде» и золотоносной «Дарье-реке», чуть ли не гипнотически внушённой ему князем Гагариным, знатным туркменом из рода Садыр Ходжа-Нефес, хивинским послом Ашурбеком, другими ближними и дальними «золотознатцами», преследовавшими среди прочего и свои собственные шкурные интересы, а также тайно желавшими и на этом значительно растрепать силы и потенциал России, Пётр Первый вновь соорудил солидную экспедицию, дав ей задание «проведать пути от Зайсана к Амударье».

На этот раз экспедицию возглавил лейб-гвардии Семёновского полка майор Иван Михайлович Лихарев – в отличие от неудачливого подполковника Бухгольца человек многих ратных и научных достоинств, а также невероятного трудолюбия.

Государь Пётр Алексеевич отменно знал его по прежним боевым сражениям и походам и чувствовал – не подведёт его и Россию лейб-гвардии Семёновского полка майор Лихарев.

Напомню, что лейб-гвардии Семёновский полк вместе с Преображенским гвардейским были с малых лет («потешные полки») самыми любимыми у Петра, его личной ратной колыбелью и превеликой гордостью всего российского воинства.

Государь самолично благословил Лихарева в долгий путь. Дюжие и умелые его люди с полного одобрения казахских ханов Тауке, Каипа (Кайыпа) и Абулхаира, чьи полномочные послы накануне побывали в резиденциях сибирских губернаторов, построили с активной помощью местных жителей в 1718 году Семипалатинскую крепость, а через год, поднаждась, и – славную крепость Убинскую, вписавшиеся в единую Верхнеиртышскую линию военных укреплений с целью защиты казахских земель от окончательно распоясавшихся джунгарских захватчиков.

Помимо людей Лихарева Государь повелел направить в Казахстан ещё и своего полномочного представителя Бориса Брянова, которому вменил в обязанность деликатно прощупать действительные настроения влиятельного хана Каипа (Кайыпа) и авторитетного султана Абулхаира.

С зимы и всё лето 1718 года Брянов пребывал в их владениях.

Оба владыки с принятием российского подданства особенно не поспешали, но в должных заверениях нехватки не было. Причём в подлинной их искренности Брянову сомневаться не приходилось – он знал, как очень тяжело у них на душе после того, как нечестивые джунгары годом раньше наголову разбили сборное казахское ополчение.

А в декабре 1718 года, убедившись (джунгарские лазутчики мало когда ошибались, потому как за самый ничтожный промах платили собственной головой), что Брянов отбыл на родину, захватчики снова допекли Кайыпа, а затем и Абулхаира донельзя. Кайып срочно апеллировал к «благочестивому и великому монарху» с просьбой прислать войска для совместного выступления против вторженцев. В тот же день казанский губернатор Салтыков получил на имя Государя письмо султана Абулхаира, экстренно пожелавшего «царю служить без всякого отлагательства».

Но на этот раз переданный Салтыковым царский ответ был весьма прохладен и в нём даже чувствовалось немалое раздражение, на что тогда у Петра основания были более чем весомые.

Прежде всего, его крайне ожесточали нескончаемые злые заговоры боярства и духовенства против него. Он не остановился перед смертным приговором даже своему сыну – царевичу Алексею, которого охотунали, завели в свои липкие сети ярые противники Петровских реформ. Разгневанный отец достал своего 28-летнего сына из Вены и отдал под суд Военной коллегии (генералитета), Сената и Синода. 24 июня 1718 года был приговор, а задушили царевича в тюрьме в ночь на 26 июня того же года. Круто обошёлся Пётр и с остальными единомышленниками Алексея. А мать его – Екатерину Лопухину – царь заточил в Новодевичий монастырь ещё в 1698-м, затем перевёл в Шлиссельбургскую крепость, откуда она была высвобождена своим внуком – краткосрочным императором Петром Вторым (он пробыл на престоле с 1727 года по свой смертный год 1730-й). Для суетливых и гуттаперчевых обожателей исторических параллелей и кривых аналогий (вроде Эд. Радзинского и Роя Медведева) промельком замечу: матери и жёны членов Сталинского Политбюро по 30 лет не сидели.

Не доставляли никакого душевного покою Петру и мерзкое лихоимство и казнокрадство сибирского губернатора Гагарина. Но самым большим, горячим и горючим камнем-валуном на сердце Государя была распроклятая Великая Северная война со шведами – она, повторяю, длилась двадцать один год и на неё шли все доходы и поборы – государственные, военные, монастырские и прочие. Дошло до того, что царь повелел снимать со всех православных церквей медные колокола и перелить их на артиллерийские орудия.

Такого невиданного разору и нечеловеческого напряжения Россия ещё никогда не знала – ни до, ни после. Словом, в столь зыбкий трагический для России момент никак не мог суровый Государь отозваться на просьбу хана Кайыпа, но жёстко потребовал от него укорота тогдашним экстремистам, вопреки ханской воле разорявшим мирные сёла в приграничье, и трезво напомнил ему о том, что казахская сторона напрасно не поспешает с выгодным и для неё расширением торговли, да ещё и глубоко завязла в никому не нужных междоусобицах.

Тем временем пытливые геодезисты и топографы лейб-гвардии майора Лихарева день за днём, неделя за неделей, советуясь с мудрыми аксакалами казахских кочёвок и стоянок, подробно исследовали местные озёра, составили совершенно достоверную карту Иртыша и его притоков, а его умелые рудознатцы тщательно изучили все до единого, подробно указанные в Государевой инструкции якобы золотоносные места.

Однако желанное золото, ни местное, ни дальнее, в руки экспедиции Лихареву не давалось.

Но терпеливый Лихарев и его братва – именно так он по-свойски называл свою слаженную команду в челобитных Петру – были очень трудолюбивы и несказанно упорны.

Не в обиду кому-либо, замечу совершенно очевидное и уже не раз отмеченное объективными исследователями времён минувших: в Петровские годы любой россиянин, будь он татарин, башкир, якут или русский, особенно ежели носил военный мундир, был намного любознательней и прилежней, веротерпимей и уважительней ко всем иным народам и народностям и, вступая в социальные или какие иные контакты с ними, старался глубоко постичь их душу и сердце, прежде всего остального с помощью овладения их речевой культурой.

Да и сам Государь Российский свободно изъяснялся не только на языке матерном, но и на главных европейских и не считал настоящими офицерами тех, кто не следовал его примеру. Своим губернаторам Государь, провозгласивший себя Императором в 1721 году, строжайше и неукоснительно вменял в обязанность непременно знание местных языков и наречий, а также лингвы народов всех сопредельных с Россией пространств, будь то на западе или востоке, на севере или юге.

В этом смысле Лихареву своих подчинённых тоже уговаривать долго не пришлось. Ни он, ни его братва в большом штате толмачей-переводчиков не нуждались. Оценены по праву были и преимущества местной одежды. Но главным обретением команды Лихарева стали благорасположенность и дружелюбие местных жителей, сразу же увидевших в россиянах своих самых надёжных, верных и бескорыстных защитников.

Однако ранним утром 1 августа 1720 года поисковые и топографические работы всем лихаревцам и добровольным их помощникам из числа местных жителей пришлось прервать. Незадолго до рассвета, когда сон у любого человека, славно потрудившегося до позднего вечера, особенно сладок и крепок, на экспедицию внезапно напали давние старые знакомые, до того тщательно следившие за всеми маршрутами российской экспедиции.

Теперь их тайно подкравшимися, вооружёнными до зубов отрядами командовал плосколицый и кряжистый Галдан-Церен, старший сын верховного джунгарского владетеля Цеван-Раптана – полководец небесталаный, чрезвычайно расчётливый и невероятно жестокий.

Для тех, кто забыл, напомним: это при Галдан-Церене военное могущество, пожалуй самого агрессивного в XVIII-м столетии государственного образования, именуемого в анналах истории Джунгарским ханством, достигло своего апогея. В злую пору правления Галдан-Церена (1727-1745) джунгарам удалось захватить большую часть Семиречья, территории от хребта Иле Алатау до Балхаша.

В 1722 году казахские проводники провели надёжными дорогами в Джунгарию посольство Петра Первого во главе с капитаном Унковским. Унковскому вменялось склонить тогдашнего её правителя контайши Цеван-Раптана в российское подданство и тем самым навсегда «забить болт» на все его кровавые художества и палаческие притязания к Казахскому ханству, а заодно по ходу продвижения в глубь Джунгарии и обратно основательно исследовать «те места, где удобно крепостям быть, а особливо в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникации с Сибирью, особливо же водным путём».

Военным разведчиком и научным изыскателем капитан Унковский был отменным, а вот дипломатом оказался совсем неважным – переговоры с хитрым контайши провалил. Но оставив Унковского ни с чем – вот она рука Провидения! – джунгарский контайши, сам того не ведая, подписал неотвратимый смертный приговор своему агрессивному ханству.

Поясню.

Все знают: история не признаёт сослагательного наклонения. Это трюизм. Но однако история всегда признаёт альтернативный ход событий. Так вот, в случае твёрдого согласия контайши на российское подданство, он не угробил бы в скором будущем своё огромное государство, но, возможно, дал бы шансы Джунгарии обрести хотя бы мало-мальски человеческий облик.

Однако же не захотел и оставил своему сменщику-сыну Галдан-Церену незавидную юдоль стать могильщиком осточертевшего всем криминального ханства, вскоре под самый корень, в пух и прах уничтоженного могущественными цинями.

Не успел капитан Унковский вернуться домой*, как полчища джунгарских насильников вторглись в долину реки Талас. Они опять ударились в бесподобные зверства. Особенно страшными стали 1723-1725-1727 годы – Актабан шубырынды, Алкакол сулама жылдары – Годами Великого Бедствия горестно назвал это чудовищное лихолетье многострадальный казахский народ. Джунгары захватили, разграбили и сожгли Сайрам, Туркестан, Ташкент, а казахи, по словам хана Аблая, из каждых десяти человек недосчитались четверых.

Но вместе с тем на период правления Галдан-Церена приходится великое Аныракайское сражение казахского ополчения трёх жузов с джунгарским войском, в результате чего значительная территория Младшего и Среднего жузов была полностью очищена от непрошенных пришельцев, а само место гигантского сражения – юго-восточнее озера Балхаш – в казахских народных преданиях получило название «места стонов и рыданий джунгар».

Знаменитая Буланты-Билеутинская битва и многие другие не менее значительные ожесточённые схватки с озверелым врагом тоже принесли доблестному казахскому воинству крупные победы над жестокими захватчиками и рабовладельцами.

Стальная, несгибаемая воля хана Аблая, стратегический талант и ратная одарённость таких батыров, как Букенбай, Кабанбай, Малайсары, Жанибек и многих других казахских полководцев и военачальников, отточенное ратное мастерство и массовый героизм возглавляемых ими сарбазов сыграли решающую роль в борьбе против очумелых вражеских полчищ.

*Итоги почти двухлетней экспедиции опубликованы были лишь спустя 163 года после возвращения капитана Унковского и его подробного доклада Петру Первому. – **В.В.**

См.: История Казахстана с древнейших времён до наших дней. Национальная академия наук Республики Казахстан, Институт истории и этнологии имени Чокана Валиханова, Институт археологии имени Алькея Маргулана, Фонд развития «Казахстан», Алматы, 1993, с.177-178; Абай Тасбулатов, Керейхан Аманжолов. Военная история Казахстана, «Рауан», Алматы, 1996, с.51-56; Казахстан. Национальная Энциклопедия, том 1. Алматы, 2004, с. 230; Казахстан. Национальная Энциклопедия, том 2, Алматы, 2005, с. 17, 85 и др.

Крепчайшую оборону военно-научной экспедиции Лихарева с налёту войску Галдан-Церена сломать не удалось.

Людские потери нападавшие понесли весьма чувствительные. Затем завязалась интенсивная позиционная перестрелка. Длилась она почти непрерывно три дня и три ночи. Ни один дружный и непременно точный залп, ни один одиночный выстрел лихаревцев не пропадал впустую.

И опять в результате столь беспримерной огневой дуэли захватчики не поймали никакого выигрыша. Напротив, потери их значительно приумножились. Такая катастрофическая арифметика отрезвила Галдан-Церена. Это про него можно сказать известной всем поговоркой: «Молодец против овец, а против молодца – и сам овца».

У джунгарского обер-захватчика, внутренне потрясённого мужеством и воинским умением оборонявшихся, хватило трезвого ума поладить своё вероломное нападение (и так и не начавшуюся, по его расчётам, длительную осаду) миром, точнее – довольно стойким перемирием.

К тому настойчиво и убедительно призывал его и сам Лихарев, уже повидавший на своём веку немецкие, шведские, финские, датские города и веси, побывавший в дьявольском пекле небывалого боя под Полтавой, не только ратным искусством владевший безукоризненно, но и дипломатическим – тоже.

Добытого Лихаревым у Галдан-Церена перемирия российской экспедиции вполне хватило, чтобы уже к середине августа 1720 года заложить Усть-Каменогорскую крепость. Она стала узловой стратегической позицией на границе с Цинской империей. Эта солидно, по всем правилам тогдашнего воинского искусства обустроенная фортификация была восьмой по счёту среди укреплений, основанных Лихаревым по личному поручению Государя.

Позже при Усть-Каменогорской крепости был устроен большой меновый двор для казахских, российских, бухарских, хивинских торговых людей. Разнообразнейшая торговля там развернулась на широкую ногу. Наведывались туда и старые знакомые – джунгары, но уже без оружия.

Вот так бы всегда.

Однако не тут-то было.

Как верно замечено, чёрного кобеля не отмоешь добела.

Так и наезжавшие на меновый двор коварные джунгары под торговым прикрытием всегда, говоря современным спецслогом, преследовали визуально-разведывательные, диверсионные и агентурно-вербовочные цели.

Да вот ещё что.

Даже если и не раздобыла в тот раз экспедиция Лихарева ни единой унции по тем временам самого драгоценного металла (понятия о платине,

как таковой, которая значительно дороже золота, в ту пору ещё никто не имел ни в Европе, ни в Азии), трудно переоценить огромное научно-исследовательское значение этой экспедиции.

Помимо всего, Лихарев привёз в Санкт-Петербург и предоставил на восхищённое обозрение лично самому Государю поимевшие немалый научный интерес изумительные образцы казахского прикладного творчества, а также различные рисунки, письма, изделия из Абылайкитского буддийского монастыря.

Необычайно сложную казахскую эпопею Лихарева царь оценил по достоинству. После заключения со шведами Ништадского мира Государь пожаловал ему воинский чин бригадира, то есть без пяти минут генерала, а заодно включил в состав своей высшей Военной коллегии. Это было не только превеликой честью, но и обязывало вкалывать по 24 часа в сутки. Что-то, а уж к этому Ивану Михайловичу Лихареву было не привыкать.

3. «Дабы путь через всю полуденную Азию отворить»

У князя Александра Бековича-Черкасского поначалу складывалось куда как удачнее, чем у горемыки Ивана Бухгольца. Княжеские люди сноровисто и обстоятельно обследовали восточное – казахское и туркменское – побережье Каспия. Море поражало неописуемой красотой. Но под его луной и солнцем они не видели ни одного паруса.

Зато множество парусов запестрело на «новом старом» месте Амударьи, которое невероятными трудами тысяч невольников определили ей ушлые хивинцы. Астраханские сведения о ней не оказались досужим вымыслом. Хивинцы действительно похитили могучую реку, заставив её протекать там, где им было нужно.

Однако ни золотиносного песка в её русле, ни даже самых малых золотых самородков вблизи его и далече так и не оказалось. Государь Пётр Алексеевич, всё ещё не потеряв навязчивую веру в досужие рассказы о несметном азиатском золоте (правда, не такие уже совсем безосновательные), призвал своего верного князя не отчаиваться и за старательно составленную Бековичем первую карту Каспия самолично произвёл его в 1715 году в капитаны своей Гвардии.

Пётр Великий, как никто другой, всегда умел не только властно жучить и строго наказывать нерадивых, но и по-доброму взбадривать дух и талант всех своих честных и старательных подданных.

Это и ему самому всегда и везде приносило истинное удовольствие и огромную душевную благодать.

Необузданная, почти брутальная гневливость, сумасбродная деспотичность уживались в его жестокосердной и мнительной, но и решительной натуре с подлинным бескорыстием, нежной сочувственностью и самым настоящим братолюбием. Именитые и простые россияне в большинстве своём почти всегда были готовы идти за него в огонь и в воду.

А он за них – тоже.

Причём не в каком-то переносном, метафорически-романтическом смысле, а в самом что ни на есть буквальном. Ведь так оно – скажу наперёд – и случилось муторной осенью 1724 года, причём произошло это совсем непредвиденно, однако же со всей закономерностью и логикой того личного устава, по которому Пётр Первый строил всю свою жизнь: по уставу пассионариев всех времён и народов всегда быть самим собой, даже если кто-то из ближних и дальних посчитает тебя за сумасшедшего – с прописной или строчной буквы – какая разница.

В Финском заливе на глазах Петра Первого и его свиты гибло судно. Государь бросился вместе с другими спасать тонущих солдат и матросов. Балтийская вода уже была по-зимнему очень холодна, и 52-летний Император сильно простудился.

Полагали, что могучий организм запросто переборет маятную хворь. Увы, не переборол.

Хотя чем только ни пытались изгнать распроклятую жуткую хворь прочь придворные и заморские лекари! Но не помогли мучительно страдавшему Государю ни всяческие расчудесные отечественные и закордонные снадобья, ни усердные христианские молитвы, ни даже весьма обожаемое им хлебное вино.

Так тогда называлась водка – замечу: крепостью она была всего-то не более 20-ти градусов, оттого-то на увеселительных ассамблеях непрошибаемо-стойкий Петровский люд угощался ею не какими-то малыми рюмками, а объёмистыми штофами; сорокоградусной же её, ставшей ныне народным напитком, сделал уже ближе к нашим временам знаменитый и чудаковатый химик Менделеев, любивший на досуге умело мастерить чемоданы и ничуть не страшившийся опасных полётов на воздушном шаре.

28 января 1725 года великий российский самодержец, полководец и дипломат скончался в Северной Пальмире на руках бессильных ему помочь врачей и приближённых.

Правители Хивы, Бухары, Джунгарии вздохнули с несказанным облегчением.

Ещё бы!

Им всем, а заодно и европейским монархам, повезло фантастически!

Воцарившейся на российском престоле с помощью любимца Петра – Меншикова и князей Долгоруковых Екатерине Первой, а затем и совершенно блёклому императору Петру Второму было не до походов за новыми для Российского государства землями и его дипломатических общений с Казахским ханством.

Пуще всего на свете обольстительная красуля Екатерина Первая, в прошлом литовская крестьяночка-лифляндка, до православного крещения звавшаяся Мартой Скавронской, любила роскошные наряды, Лукулловы пиршества и шумные фейерверочные представления. Не чурался их и Пётр Второй – прыщеватый и хилый сын задушенного по инициированному его суровым отцом приговору царевича Алексея Петровича и принцессы Софьи Шарлоты Бланкенбургской. Известно: процарствовал Пётр Второй, как и его предшественница, недолго – около трёх лет. Но все его

поступки и забавы были инфантильно-ребяческими, и умер он в 1730 году всего-то пятнадцати лет от роду, как было объявлено, якобы от оспы во время пышных приуготовлений к коронации. Поди разберись, так оно или не так.

Престол российский достался племяннице Петра Первого – вдовой курляндской герцогине, дочери Ивана Пятого, рослой и мужеподобной Анне Иоанновне, при которой отношения Государства Российского с Казахским ханством – скорее, не благодаря, а вопреки ей – поначалу более или менее уверенно и прочно вошли в канву дипломатических (и практических) традиций Петра Великого, а затем постепенно, но уже неотступно стали обретать качественно новый позитивный уровень, о чём ещё будет наш предельно правдивый сказ.

А пока вернёмся в Петровский год 1716-й, к коему силами экспедиции Александра Бековича-Черкасского на восточном (казахском) побережье Каспия одна за другой энергично и споро были построены три весьма значительных по своим ратным потенциям прибрежные крепости. Естественно, по душе хивинцам подобные, так сказать, стахановские темпы, не пришлось. Догадливый хан Ширази быстро смекнул: раз уж россияне, ещё не закончив своей Великой Северной войны на западе, выдвигают свои форпосты на юго-востоке, то постройкой крепостей на Каспии они не ограничатся, и, безусловно, двинут дальше.

В принципе Ширази в своих обоснованных предвидениях не ошибся.

После невероятно трудной – безусловно внушительной, но не такой уж блистательной, какой её лубочно изображают иные записные до- и постоктябрьские жрецы податливой музыки Клио – победы над шведами Пётр Первый в непрестанных заботах о восстановлении полного внутреннего экономического порядка в своей стране укрепил себя ещё и в заманчивой мысли о том, что ежели его держава в итоге виктории над шведами обретала новые земли на Западе, то отчего бы не попытаться того же и на Востоке?

На это же подвигали Государя и результаты успешного похода Русской Армии и Флота за Персидскими владениями в 1722-1723 годах. Тут неставший мелочиться Пётр Первый существенно опередил афганских и турецких феодалов, оттяпав у немощной Персии вместе с кабардинцами, калмыками, армянами её прикаспийские провинции, возвращённые Персии (Ирану) лишь через 100 лет.

Намёк для Хивы, Бухары, Джунгарии сделан был более чем понятный.

Наступала, казалось бы неотвратимо, их очередь ощутить, сколь цепки и крепки когти российского Двуглавого Орла. Но, как уже говорилось выше, внезапная кончина Петра Первого внесла в ход российской и всей мировой истории, которая всегда полна дивных парадоксов, поразительных случайностей и роковых неожиданностей, свои непредвиденные коррективы.

До самой своей страшной гибели князь Бекович-Черкасский соображал во многом сходно своему Государю и всё же несколько иначе.

Сегодня хивинцы увели могучую реку, – резонно полагал Бекович, – а завтра или же послезавтра в придачу к ней они позарятся и на соседние земли. Так не лучше ли заведомо взять хивинцев вместе с их землями и водами не в состав Российской империи, как полагал Пётр, но под её протекторат – под надёжную сень российского Двуглавого Орла. Причём по возможности добиться того без ненужной людской крови, а по доброму согласию, отчего государственная выгода станет для Хивы и России обоюдной, а вместе с ними и для всех трёх жузов обширнейшего и, надо полагать, безмерно богатого Казахского ханства?

И хотя княжеские соображения эти не вполне совпадали с Государевыми, Пётр Первый на то и был Великим, чтобы не пренебрегать ими в своей довольно-таки противоречивой (можно сказать, синусоидальной) восточной политике.

Пристально поразмыслив, к лету 1717 года Государь наделил своего любимца чрезвычайными посольскими полномочиями и повелел экспедиции князя идти из Астрахани через казахские пространства на Хиву, дабы, как чётко и собственноручно начертал он в своём рескрипте, «путь во всю полуденную Азию отворить».

Слово «полуденную» тогда обозначало «южную».

Государь предписывал Бековичу-Черкасскому подробно разведать обо «всех тамошних обстоятельствах, особливо о Восточной Индии и о тамошней коммерции сухим и водным путём». Очевидцы свидетельствовали: трогательно приобщал своего верного питомца на прощание Пётр Алексеевич и с высоты двухметрового роста попросил, как княжеского тёзку Меншикова:

«Не подведи, Сашка! Господь тебе в помощь!».

В новый, невероятных трудностей и лишений поход благородный князь опять взял с собой людей грамоты не ниже дворянской. Не забыл даже знающих корабелов. Среди мастеровых высшего класса были русские и татарские казаки, ногойцы, российские немцы с пленёнными шведами, коих царь научил работать на Россию намного усердней, чем на родного их короля.

Обаятельный красавец Бекович-Черкасский надеялся легко договориться с ханом Ширази. Оно-то, быть может, так и произошло, если бы вскоре всё не пошло кувырком. Не менее Петра Первого мнительный хивинский владыка посчитал посольскую миссию россиян военным вторжением. Вообще-то немудрено: экспедиция князя насчитывала, по одним данным, около 5 тысяч человек, по другим – более 6 тысяч. На марше, в походе, она с любой стороны своего размеренного движения на Юг являла зрелище более чем внушительное.

Но на всём долгом пути следования этот передвижной «ограниченный контингент» не обидел ни одного местного или встречного жителя, будь он кем угодно – кочевником-скотоводом, купцом или оседлым крестьянином-шаруа.

Знал ли об этом хан Ширази?

Да, прекрасно знал – от искусных своих лазутчиков и тех же купцов, в чьей опытной зоркости сомневаться не приходилось: за семь вёрст

различали они (в сильные подозрительные трубы тоже), кто ты есть на самом деле – мирный посол издалека со своими помощниками и дипломатической кладью, любознательный путешественник, торговый человек, беглый каторжанин или же государственный разбойник.

О твёрдом миролюбии россиян говорили и отосланные для Ширази их грамоты.

Но, опять-таки, самовнушение – великая сила!

Переубедить себя хан, снова вдосталь накачавшийся опиумом, уже никак не мог и, распалившись до белого каления, наслал на княжескую экспедицию преогромное войско.

Оно-то и напало на неё в 120 верстах от города Хивы.

Всадников и пеших у хивинцев было 24 тысячи.

И что же?

А то, что все они крепко получили по зубам и – откатились.

Тут бы отрезветь и успокоиться Ширази, повести выгодный дипломатический торг с князем Бековичем-Черкасским, настоятельно взывавшим хивинского хана к добродетельному здравомыслию.

Но жажда лютой мести, смешавшись с опиумной отравой, опять застила ум верховному хивинцу. Он многожды умножил своё жестокое войско, и в новой неравной сече отряд россиян был разбит вдребезги, а бедный посол зверски умерщвлён. Участь его разделили многие спутники князя.

Шведов же и российских немцев хан Ширази заставил трудиться на себя, туманно посулив им освобождение в обозримом будущем.

Такая вот печальная история.

О горькой трагедии миссии князя Бековича-Черкасского поведал чудом уцелевший после немыслимых передраг, тысячу раз смотревший смерти в лицо уральский есаул Бородин. Позже хивинцы всё-таки были вынуждены вернуть пленных, и один из них – многотерпеливый швед Таберт-Страленберг по возвращении в родную Швецию не встал из-за письменного стола, пока не поставил точку в своей подробной саге, подытожившей научные результаты экспедиции князя-мученика Александра Бековича-Черкасского.

А ещё через каких-то там 60 лет после сокрушительного разгрома экспедиционного отряда россиян под Хивой вышла об этом в Санкт-Петербурге книга малоизвестного, но предельно правдивого писателя Василия Могутова под названием: «Редкое и достопримечательное известие о бывшей из России в Великую Татарию экспедиции под именем посольства».

Тут надо заметить следующее: долгое время, растянувшееся не на одно десятилетие, как для россиянина Могутова, так и для большинства тогдашних зарубежных европейцев, каждый не-русский в России, близ и подальше её пределов, стойко виделся татарин, киргиз-кайсаком или же немцем.

В случае с «немцем», как уверенно объясняет мне наш всем известный лингвистический знаток, «немецкий сын казахского народа», свободно владеющий дюжиной тюркских и европейских языков, лауреат Президентской премии мира и духовного согласия Герольд Карлович Бельгер

сама лексема «немец» этимологирует (происходит) от таких простых понятий, как «немой», «неумеющий говорить по-русски».

Не стану спорить.

Очевидна сама суть этнической нивелировки, присущей Могутову, равно как и его современнику – знаменитому английскому мореплавателю и открывателю многих новых земель в Тихом океане Джеймсу Куку, кому все их обитатели смотрелись на одно лицо и одинаково звались туземцами.

Однако Могутов донёс до своих отечественных и зарубежных читателей главный вывод, сделанный Петром Первым из печального опыта экспедиции Бековича-Черкасского. Государь Пётр Алексеевич вновь понял, то, в чём не раз и не два заставлял его крепко сомневаться мироносный князь Бекович-Черкасский, а именно: не выказав силы, доброй каши с двулличными хивинскими правителями не сварить – силу уважали во все времена даже самые непонятливые и упёртые владыки.

А поэтому прочный общий язык поначалу надо было найти с Казахским ханством и его тремя жузами – Младшим, Средним и Старшим.

Причём в той самой последовательности, в какой они географически отстояли от крайних юго-восточных российских границ.

А уж потом постепенно и ненавязчиво, однако же и не черепашьями темпами, склонить (склонять) к российской стороне Бухару и Хиву, дабы путь на Индию был бы беспрепятственно свободен, и по нему можно было бы достичь её намного раньше алчных португальцев, голландцев, французов, а главное – британцев, коим Россия зрилась тоже не менее алчным немытым и нечёсаным чудищем обличья, как правило, дико-медвежьего.

4. Голосом Бориса Годунова, или Отчего Российский орёл двуглав

Навести мосты Государству Российскому с владыками Казахского ханства великих трудностей не представляло по той простой причине, что сколько бы столетий ни соседствовали Русь и Поле, этих мостов никто и никогда не сжигал.

Именно так было во времена «Слова о полку Игореве».

Именно так было и ещё раньше.

История полна тому самых убедительных свидетельств – даже самая древняя, когда ещё не было ни Киевской Руси; ни Белой Руси – Белоруссии, ни Малой Руси – Малороссии, то есть нынешней Украины, чья топонимическая лексема бесспорно и напрямую указывает на географическое местоположение земель малороссов-украинцев: у краины, то есть возле окраины, близ самого пограничья.

У нынешних казахов и русских, равно как у современных белорусов и малороссов, из столетия в столетие обретались по Северному Причерноморью и множеству других пространств общие предки. Недаром же легендарным потомком брата Иафета, сына библейского Ноя был не кто иной, а Скиф, чьё имя на века вечные стало символом нерасторжимых связей между древними славянами и скифами.

«Да, скифы – мы!» – без какого-либо сомнения утверждал Поэт.

Это, так сказать, походная версия неопровержимого и давнего тюрко-славянского родства, закреплённого также и в массе земных топонимов, нередко отстоящих один от другого, а точнее – друг от друга на громадных расстояниях. Кто из нас, например, не знает города Хабаровска в далёком от нашего Семиречья и всего Казахстана Приамурье, названного так в честь и память славного российского первопроходца допетровских времён, первооткрывателя соляных источников и пахотных земель Ерофея Павловича Хабарова, по прозвищу Святитского. Кстати, есть в Амурской области и симпатичный посёлок городского типа, тоже в честь и память отважного Хабарова поименованный названием его имени и отчества – посёлок Ерофей Павлович.

Как будто бы все знают о Хабарове и Хабаровске, не правда ли?

Но все ли видят как в названии этого города, так и в самой фамилии Хабарова их одинаковый семантический корень – «хабар»?

Нет, не все.

По стародавней привычке даже профессиональные русскоязычные филологи и лингвисты чаще всего не замечают (а иные так и намеренно в упор не видят) самого простого, лежащего, как говорится, на поверхности – ведь «хабар» по-казахски то же самое, что и «весть» или «новость» по-русски.

Я хорошо помню, как в журналистской молодости у нас в редакции старейшей семиреченской газеты «Огни Алатау» (в годы основавшего её первоустроителя Жетысуйского края Герасима Алексеевича Коллпаковского она называлась «Семиреченскими ведомостями») во время прохождения практики старшекурсниками отделения журналистики Казахского государственного университета, тогда имени Кирова (отдельного факультета журналистики в КазГУ ещё не было), наш всегда желанный гость и постоянный автор, первооткрыватель и верный друг многих светочей поэзии и науки братского казахского народа Сергей Николаевич Марков, сам поэт, прозаик, историк, экономист, географ от Бога, замечательный биограф Чокана Валиханова (сейчас нередко пишут – *Шокана Уалиханова*, хотя по всем казахским и российским гражданским и военным документам его и его именитых современников *Шоканом* да ещё и *Уалихановым* Чокан Чингисович Валиханов никогда не был и не собирался быть), с несколько загадочным видом раздал нашим практикантам по экземпляру компактного географического атласа СССР и тут же предложил, при условии ни в коем случае не заглядывать в алфавитный указатель атласа, за пару-тройку минут найти в этом атласе, а затем аккуратно обозначить карандашной точкой город под названием Большой Токмак.

Потом посмотрел на свой хронометр, как бы засекая счёт времени.

Вы можете спросить: но почему именно Большой Токмак?

Да потому, что в этот же день и час одновременно с Марковым другим таким же желанным гостем нашей редакции и её главного редактора – седого, как лунь, неизменного председателя государственной экзаменационной комиссии КазГУ Вениамина Ивановича Ларина (рубрика «Встречи в редакции» являлась у нас регулярной) был депутат Верховного Совета

республики, Герой Социалистического Труда Пётр Харитонович Резчик – директор литерного завода имени Кирова, выпускавшего для гражданского населения страны отменного качества стиральные машины, а для доблестного Военно-Морского флота СССР и боевых кораблей стран социалистического содружества – теперь это уже давным-давно не секрет – сверхточные убойные торпеды и другую подобного рода деликатную продукцию, равной которой по её боевым достоинствам тогда ни у кого в мире не было.

Так вот, если Сергей Николаевич Марков был уроженцем дальней российской Костромской глубинки, а второй его родиной ещё в Гражданскую войну пожизненно стал Акмолинск – будущий Целиноград, будущая Астана и весь горячо полюбившийся ему Казахстан со всей его богатейшей древней историей, то знаменитый на всё социалистическое содружество и весь капиталистический мир оборонщик Пётр Харитонович Резчик родился в городе под названием Большой Токмак, а казахстанцем стал в грозные годы Великой Отечественной войны, когда девять из десяти обычных винтовочных и автоматных пуль, а также трассирующих и крупнокалиберных пулемётных, выпущенных по лютomu врагу, были сделаны из казахстанского свинца с нужными примесями других обязательных компонентов, латуни, висмута, фосфора, пироксилина в том числе.

И что же? Как действовали по заданию Маркова наши без пяти минут журналисты?

Они почти все поголовно, не теряя ни секунды – каждому и каждой хотелось отличиться перед Марковым, Резчиком, Лариным и всей нашей редакцией, ринулись отыскивать в атласе те страницы, где были размещены подробные карты соседней с Казахстаном Киргизской ССР (к слову, при Колпаковском и много позже вся её территория целиком и полностью входила в Семиреченскую область) и почти до рези в глазах принялись всматриваться в кругляшочки киргизских городов.

«О-о! Вот он, город Токмак, здесь, в Киргизии, в Чуйской долине, на реке Чу!» – восторженно воскликнул первый студенческий «Колумб» и от радости даже встал из-за стола.

За ним громко посыпались «колумбовы» подтверждения других его ровесников и ровесниц.

«Правильно! – с доброй улыбкой сказал Марков, глянув на тоже широко разулыбавшегося Резчика. – Однако же я, дорогие мои молодые коллеги, просил всех вас найти не просто город Токмак, а, подчёркиваю, – город Большой Токмак. Молчите? Ну тогда, Пётр Харитонович, может быть, Вы нам поможете?».

«С превеликим желанием, – ответил Резчик и моментально открыл атлас совершенно на других страницах, там, где никто не ожидал – в разделе «Украинская ССР», развернул их: – Так вот он, дорогие друзья, смотрите, вот это город моего рождения Большой Токмак, так сказать, малая родина. Расположен он на реке Молочная. Но её чаще там украинцы и русские называют по-тюркски – рекою Токмак. Это, как видите, на Украине, в Запорожской области... О чём это говорит? Да всё о том же – о нашем давнем-предавнем, ещё задолго до моего рождения, крепком родстве!».

Все дружно заплодировали.

И вот таких примечательных топонимических и ономастических сближений у нас превеликая масса не только на необозримых постсоветских пространствах. Так, любой мадьяр, более или менее знающий славянскую мову, переведёт вам на русский язык искони своё родное слово «алма» с венгерского языка не иначе как – «яблоко».

Первые в этом я и сам убедился ещё в теперь уже от нас раздалёком 1962 году вместе с известным журналистом из прекрасной газеты «Молодой целинник» Анатолием Франковским во время посещения нами будапештской газеты «Мадьяр ифьюшаг» («Венгерская молодёжь»), чем-то напоминавшей московскую «Комсомольскую правду», но со своим куда как более независимым творческим уставом. Её ведущий обозреватель, выпускник Московского государственного университета имени Ломоносова Ференц Коморник подарил нам свою так и до сих пор не переведённую ни на казахский, ни на русский языки замечательную книгу о Казахстанской Целине и знатных людях Семиречья под титулом, тоже не нуждающимся ни в каком перетолмачивании. Книга Ференца Коморника называется «Расскажи, аксакал!».

Есть – и опять же в немалом количестве – доказательства и поосновательнее. Разумеется, даже самое кровное братство далеко не всегда идиллично. Трагичный сюжет братьев Каина и Авеля тому не единственная иллюстрация. И промеж Русью и Подем, между Государством Российским и Казахским ханством тоже бывало всякое. Конечно же, и это учитывалось российскими правителями, как Рюриковичами с Романовыми, так и Керенскими с Ульяновыми и Ельциными. Бумажных свидетельств тому изрядно, а подкрепления действием, а иной раз и бездействием – тем паче.

Примечательно, например, то конкретное обстоятельство, что грамоту о принятии казахов в подданство Московского государства впервые пожаловала отнюдь не императрица Анна Иоанновна в 1731 году, а – последний из династии Рюриковичей царь Фёдор, сын Ивана Грозного, в марте 1595 года – не без настойчивого влияния сменившего его на царском троне в том же 1595-м Бориса Годунова.

Собственно, грамота была не одна.

Их царь Фёдор препроводил с давним переводчиком Ивана Грозного Вельямином Степановым целых три – хану Тевеккелю и его сыновьям султанам Шахмухаммеду и Кучуку. Голосом Бориса Годунова царь Фёдор в этих грамотах призывал казахских владык «непослушников наших бухарского царя и сибирского Кучума-хана воевати и под нашу царскую руку повести».

Чувствуете жаркое царёво желание и целеустремлённую державную волю царя Бориса Годунова – не пушкинского, а всамделишного?

У французов это называлось – таскать каштаны из огня чужими руками.

Правда, есть и более простой славянский эквивалент – чужими руками жар загребать.

Но таковы неопровержимые реалии Истории – их ни в какой потайной карман не упрятать, как бы того ни хотелось разномастным её «улучшателям», подтасовщикам и фальсификаторам.

Одновременно царь Фёдор, тем же голосом Бориса Годунова, сообщал о «великом царском жаловании» при своём Дворе казахскому царевичу Уразмагмету. Тот и ещё несколько молодых ханских родственников состояли в Москве на роскошном царском пансионе ради самого тесного приобщения их к наукам, российским и европейским искусствам, а ещё и как, простите, заложники – на случай возможных эксцессов в Степи. Юный царевич Уразмагмет в своём подробном письме, аккуратно приложенном к этим грамотам, радостно напоминал любимому дяде хану Тевеккелю о своём безбедном московском существовании, о немалых успехах в учёбе, исправном здоровье, а заодно щедро насылал дяде и его окружению высокоценные подарки – чёрных соболей, шитые золотом сапоги, золотые перстни.

Дары эти были приняты безотказно, однако царский призыв идти «воевати» поначалу остался без ответа. Но даже при всём при этом ни один волос не упал с головы юного казахского заложника-аманата и голов его обретавшихся в Москве степных соотечественников.

А что же было дальше?

А дальше и прежде, уже с 1586 года, когда он стал ханом, умело руководивший многолетней борьбой за независимость с Бухарой и Монголистаном, убеждённый сторонник сближения с Россией отважный хан Тевекель погиб в жестоком бою при попытке овладеть Бухарой (1598).

Пётр же Первый не усложнял отношений с Казахским ханством, но и никогда не упрощал их. Тем паче, что – в резкое отличие от несчастного князя Бековича-Черкасского – из Бухары (а Хива неподалёку от неё) вполне благополучно возвратился личный полномочный посланец Государя «секретарь Ориентальной (читай: Восточной. – **В.В.**) экспедиции Посольского приказа».

Это была очень важная научная (и военно-политическая) птица, подолгу гнездившаяся на службе у Петра и глубоко уважаемая им – итальянец знатных родов по имени Флорио Беневини. Он утвердительно сообщал для Государя особенно приятное и вновь очень обнадёживавшее, а именно: оказывается, по Сырдарье (дословно) «золото везде можно сыскать».

Государь от восторга всплеснул руками: вот радость-то прямо-таки архиважная!

Надо полагать, что достопочтенный Флорио Беневини не путал Сырдарью с Амударьёй и не мог вот так запросто втирать очки Государю, который никаких обманщиков обычно не жаловал, хотя и тут, как знаем, тоже случались превеликие исключения – царь, он ведь тоже раб Божий и как человек может быть излишне слаб и жалостлив даже к самым отпетым мошенникам.

Или всё-таки мог Флорио Беневини пойти на обман?

Толкового ответа на сей щекотливый вопрос История покамест не дала.

Как бы то ни было, а Пётр Алексеевич после многообещающих реляций Беневини вновь пристально задумался над снаряжением очередных экспедиций, на сей раз курсом на Сырдарью. По этому и другому поводу (а их было множество) особенно обильной получилась переписка у него с ханом Младшего жуза уже знакомым нам Каипом (Кайыпом). От лица Российского Государя непосредственные переговоры с казахским ханом вёл тоже нам знакомый сибирский губернатор князь Матвей Петрович Гагарин. Он сыто и властно прономенклатурствовал в своей столице – главном городе Тобольске целых семь лет, но в очень тароватом на сногшибательные события 1718 году по непрекаемому приказанию разгневанного Государя был заключён под стражу за безбрежное лихоимство и самое злостное казнокрадство, отдан под суд, правый и скорый, а затем и лишён палачом своей уж чересчур грешной жизни.

Возможно, хан Кайып и его предшественник, отец хана Абулмамбета, проницательный хан Тауке, называемый в некоторых исторических источниках ещё и ханом Тевкеем, в душе завидовали той зачастую очень долговременной и затяжной юридической процессуальности, с какой строили свои отношения российские монархи со своими же подданными, прежде чем предать их тому или иному наказанию или же, напротив, великодушному помилованию.

В Великой Степи всё было гораздо сложнее и в то же время проще. Казахский хан, как бы он ни был силен и влиятелен, ложась вечером спать, точно не знал, проснётся ли он утром живым. Впрочем, и многих не только российских, а и европейских коронованных (и некоронованных) особ, не говоря уже об азиатских владыках, тоже никогда не покидало это сопутствующее всю их жизнь тягостное чувство, точнее, роковое предчувствие досрочного ухода в Мир Иной.

Не очень был уверен в своём «светлом завтра» и хан Тауке, когда отсылал осенью 1694 года своё послание в Москву «многочисленному великому Ак-Патше – Белому Царю», восседавшему, как явствует из пространной дипломатической эпистолы Тауке, «под Чёрным Орлом».

Обратите внимание: казахский хан обращался к Белому Царю в единственном числе и в таком же числе видел из своего степного далека самый главный герб тогдашней царёвой державы – Чёрного Орла.

Но российский Орёл не оттого ли был двуглав, что иной не столь уж и краткий раз на царском престоле оказывалось сразу по два царя-государя? Объяснение, конечно же, не исчерпывающее. Но в момент обращения хана Тауке в далёкую от Поля Москву там на державном престоле вот уже как пять лет не было вместе с Петром Первым такого же умственно равноценного ему царя, каким значился в глазах толпы (по слогу Пушкина, черни) его старший сводный братец Иван Пятый Алексеевич.

Пётр Первый и Иван Пятый вместе процарствовали на едином престоле целую семилетку – с 1682 по 1689 год. Но всеми конкретными державными делами тогда круто заправляла их величественная сестрица Софья Алексеевна, ибо Ивану Пятому было всего шестнадцать лет, а Петру Первому и того меньше – десять. К державной власти её привёл её же до

поры до времени всемогущий фаворит, светлейший князь и знатный боярин Василий Васильевич Голицын. Софье Алексеевне страсть как желалось остаться на троне одной-единственной и, разумеется, неповторимой. Словно хотела она, чтобы именно с неё началась нескончаемая феминизация царского престола Государства Российского. Но, как говорится, бодливой корове Бог рог не даёт. Возмужавший Пётр решительно сверг дорогую сестрицу и заточил в Новодевичий монастырь, откуда Всевышний забрал её к себе в 1704 году, чему Пётр нисколько не препятствовал, наоборот, был тихо доволен. Не забыл Государь и про князя Голицына. Но не казнил его, а, учитывая его былые боевые заслуги в Чигиринских и Крымских походах, сослал к Белому морю – в Архангельскую крепость. Там фаворит Софьи Алексеевны благополучно почил в бозе в 1714 году.

Да, умел всё-таки быть незлобивым и милостивым Государь – после учинённой им в 1696 году на Красной площади и по другим погибелым местам Москвы великой стрелецкой казни (вспомните знаменитую картину Сурикова) предпочитал не проливать без особой на то нужды внутри страны российской кровушки, будь она нежно-голубой или же простолудинной.

Послание хана Тауке с предложением возобновить дружественные отношения Пётр Первый дал прочитать своему сводному брату, который царствовал по решению Земского собора, но по своей непоправимой никакими искусными лекарями болезненности мало что смыслил в государственных проблемах, а, точнее, не смыслил ничего. Иван Пятый и умер в 30 лет от роду, довольно быстро забытый всеми на святой Руси.

Хотя и обращался казахский хан Тауке в своём письме к Белому Царю в единственном числе, но неспроста присовокупил к посланию в качестве подарка – заметьте! – не одного, а двух бобров – по штуке на каждого из российских монархов.

О том, что о российском двоецарствии знали в Казахском ханстве и по-своему учитывали это деликатное обстоятельство, свидетельствовали ещё и тобольские «допросные речи» (читай: дипломатические диалоги. – **В.В.**), которые сибирские россияне уважительно вели с distinguished казахским послом – могучим батыром Тайкомуром Култабаем. Тот от имени мудрого хана Тауке прямо говорил, «чтобы великие государи указали мурзу Кельдея отдать ему, Тауке-хану». Вышеозначенный мурза, по всей вероятности, сотворил нечто совершенно непотребное для российских властей, коль держали они его надёжно и крепко при себе, но вовсе не на воле.

Вскоре к хану Тауке из Москвы в древний город Туркестан из Тобольска пожаловало с богатыми дарами и дельными предложениями российское посольство во главе со знатными казаками Фёдором Скибиным и Матвеем Трошиным. Однако затем приключился тяжкий для обеих дипломатических сторон казус: российских посланников неожиданно пленили. Ни дать ни взять, но кто-то весьма влиятельный постоянно чинил хану Тауке и такие вот более чем крупные подлости, дабы в корне подсесть его интенсивное сближение с Московским государством. Хорошо ещё, что эта до конца всё ещё не распознанная нами даже в Третьем тысячелетии история завершилась для Скибина с Трошиным вполне благополучно: им

удалось вернуться домой через Бухару, пусть если и стоило это немалых трудов и прочих затрат.

За четыре года до завершения двоецарствия через необъятные земли Казахского ханства степенно прошествовал огромный караван в сопровождении местных проводников и ханской охраны. Его вельможный предводитель довольно-таки неважно говорил по-русски, а по-казахски тем более, но тем не менее по следам своей ответственной акции оставил всем евразийским потомкам солидный фолиант под таким длинным названием: «Путешествие и журнал по Указу Великих Государей и Великих Князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича отправленного из Москвы в Китай господина Эбергарда Избраннедеса, посланного в 1692 году».

Ужель геополитические интересы двух братцев-царей и регентши их царевны Софьи Алексеевны уже тогда простирались и на Поднебесную империю?

Нет, конечно.

Но в залог будущих ладных отношений с дружественным Казахским ханством России, кто бы ею ни правил, надобно было своевременно сбивать агрессивные аппетиты китайские и джунгарские.

И делать это было лучше вовсе не с помощью пушек и ружей.

Однако неприятный осадок после пленения Скибина и Трошина у Петра Первого остался и не проходил довольно долго, но с их благополучным возвращением исчез, похоже, навсегда.

5. Хотя бы и миллион золотом

Менялись на троне Российском владычицы и владыки, наступала затяжная пора его феминизации, но гигантский, по-прежнему пугающий всю Европу и Азию, государственный корабль Империи худо-бедно однако шёл более или менее уверенным курсом, хотя в огромной его команде на всех ярусах происходили немалые перемены, далеко не всегда благоприятные для отношений России с Казахским ханством и другими сопредельными с ней государственными и полугосударственными образованиями, подчас, как говаривал на своих семиреченских встречах с нами великий евразиец Лев Николаевич Гумилёв, «злобными и аморфными до неприличия».

При Петре Первом и благодаря ему (и только ему и никому больше!) на авансцену вседержавной российской внутренней и внешней политики выдвинулась целая плеяда богато одарённых умом, словом и делом государственных мужей, оказавших на восточную дипломатию страны самое существенное влияние.

Само собой разумеется, первым тут был сын придворного конюха, светлейший князь и генералиссимус, талантливый воитель в Великую Северную войну и завсегда умевший сухим выходить из воды, отменный хитрец и непревзойдённый пройдоха Александр Данилович Меншиков (его известная всем фамилия и тогда писалась без мягкого знака). Он дважды возглавлял Военную коллегию, являясь при Екатерине Первой фактическим правителем Российского государства. Но при малость дефективном

царе Петре Втором его упекли в жестокую ссылку – в суровейший и давным-давно забытый Богом Берёзов.

Там и закатилась в 1729 году его ярчайшая звезда.

А незакатная звезда другого любимца и выдвигенца Петра Великого – Остермана, названного на русский манер Андреем Ивановичем, продолжала блистать и при Екатерине Первой, и при Петре Втором, и при Анне Иоанновне все её десять лет правления, и при сменившей её Анне Леопольдовне, поцарствовавшей на Руси с гулькин нос за малолетнего императора – Ивана Шестого Антоновича.

Но после дворцового переворота 1741 года Генрих Иоганн Фридрих Остерман, первый кабинет-министр, был арестован и предан жестокому суду.

За что же?

А всего лишь за тщательное, но с помощью дворцовых шпионов всё-таки обнаружившееся сокрытие политического завещания Екатерины Первой. Хотя и была эта непутёвая императрица изрядно, скажем так, легкомысленна (а потому излишне расточительна как в своих чувственных проделках, так и в весьма раскованных отношениях с государственной казной), но не настолько, чтобы совсем не понимать, что и где почём на вседержавных торгах и вне их издревле рискового и скользкого круга.

Младшая дочь Петра Первого Елизавета Петровна, завладев престолом, закатала, казалось бы, бессменного обер-творца российской внешней политики в тот же Берёзов, где он и умер спустя шесть лет, вспомнив перед печальной кончиной, как верой и правдой служил он российскому престолу с 1703 года, оставив навсегда по настойчивой просьбе Петра Первого свою родную Вестфалию.

Без арестов, следствий, судов и судилищ размеренно, однако же неотступно, шёл в гору по державной службе личный денщик Петра Первого Александр Борисович Бутурлин, знаменитый своей громоподобной глоткой, тяжёлыми, как чугун, кулаками и богатым, всегда остро заточенным соображением буквально почти по всем векторам дворцовой политики. Пожалованный Петром Первым в генералы, а позже ставший генерал-фельдмаршалом, главнокомандующим Русской армией, действовавшей против Пруссии в Семилетнюю войну, он, как не без язвительности говорили его же современники, был хорошим, без никаких мужеских осечек, фаворитом у младшей дочери Петра, ладным администратором на должности Уфимского воеводы и очень неважным полководцем.

Карамзина и Пушкина очаровал Василий Никитич Татищев, здраво управлявший казёнными заводами на Урале, заботливый строитель Оренбурга – будущей второй столицы Казахстана (первой фактически был достославный город Омск), а затем деятельный губернатор в Астрахани, удивительный многостаночник в своих безустальных державных и литературно-исторических занятиях, автор множества работ по этнографии и географии, творец поразительного и если не по сугубой достоверности, то по неохватному объёму многотомного творения под названием: «История Российская с самых древнейших времён неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная...».

Правой рукой Остермана в Коллегии иностранных дел всегда являлся исключительный умница, переводчик с многих восточных языков Мамет Тевкелев, прозывавшийся на русский лад Алексеем Ивановичем...

Волею державных обстоятельств этим «птенцам гнезда Петрова» было суждено, как, пожалуй, никому другому из окружения Петра, оказаться причастными к историческим судьбам Казахстана и даже определять их в самой значительной степени.

Кому в благодетельной роли добрых гениев, а кому и наоборот.

Есть смысл сказать далее и об этом.

Но сейчас пока ограничусь зафиксированной Маметом Тевкелевым частью записи из его подробной и откровеннейшей беседы с Петром Первым, сделанной будущим главой российского посольства в Казахию при Анне Иоанновне. Этот примечательный фрагмент документально подтверждает твёрдое намерение Императора привязать Казахское ханство к российской государственной колеснице.

«По возвращении из Персидского похода Пётр Великий изволил иметь желание для всего Отечества Российской Империи полезное намерение в приведение издревле слышимых и в тогдашнее время почти неизвестных обширных Киргиз-Кайсацких Орд в Российское подданство», – писал Мамет Тевкелев каллиграфическим почерком, тоже участвовавший в лихом завоевательном Персидском походе Петра Первого.

... Два полных штофа осушил до дна в память несчастного гордого князя Александра Бековича-Черкасского и его работающей братвы Пётр Алексеевич. Закусил квашеной капустой и крепко просоленным огурцом. Поправил усы свои кошачьи и выкатил сам же себе законный, тщательно записанный Маметом Тевкелевым вопрос.

Откуда, скажут, подробности?

Да всё оттуда – из оставленных потомкам дежурных путевых и дворцовых журналов Тевкелева, которые он вёл беспрестанно и особым шифром, дабы надёжно уберечь их от чужих глаз. Читаешь ныне раскодированные эти красочные секретные записи и сквозь, казалось бы, непроницаемую завесу минувших столетий воочию убеждаешься в том, что в их авторе с его необычайно точной и скрупулёзной, почти фотографической памятьливостью никогда не пропадал ярчайший дар наблюдательнейшего дипломата, разведчика, учёного, литератора, мемуариста – и всё это, представьте себе, в одном лице.

А вопрос у Петра Алексеевича был вовсе не праздным, но предельно серьёзным и встревоженным:

«Ну а буде оная Киргиз-Кайсацкая Орда в такое подданство не пожелает?».

Притопнул золотом шитым сапогом, встряхнулся, старательно пригладил на голове стриженные волосы – парика Пётр почти не носил, разве что иногда в увеселительную ассамблею, на бал, где танцевал отменнейше сам и от других того же требовал.

Представил Пётр во всей степной красе картину, колоритно рисованную ему Маметом Тевкелевым: по центру широкогрудый казахский хан на

прямых парчовых подушках, а за его спиной возле большой белой многостворчатой юрты гордые могучие батыры-телохранители, рядом и поодаль женщины-красавицы с милыми, открытыми лицами (ах, этот Мамет, Мамет, Алексей Иванович – ни в чём и ни в ком не промах, своего не упустит!), яркая толпа громкоорых султанов и старшин, людей сильных и независимых, далеко не всегда справедливых, не у каждого острый нож-пышак за пазухой, но через одного-другого-третьего – о! как всё это знакомо ему, Петру Алексеевичу, правда, в других одеждах и речах.

И сказал Пётр Мамету, что несмотря на «усушку и бедность державы», проистекающих от бесконечной войны со шведами и прочими супостатами Государства Российского, готов он, Царь и Вседержавный Император, пойти на великие издержки. Вдохнул самодержец глубоко и молвил далее, как записал старательно и не спутав ни слова Тевкелев.

Вот тихо, но со всей решимостью сказанное это:

«Хотя бы до мелиона держать, но токмо чтоб только одним листом киргиз-кайсаки под протекциею Российской Империи быть обязались».

Как видите и понимаете, Петру Алексеевичу, помимо мелиона, то есть миллиона полновесных золотых российских рублей, равных коим по стоимости не было ни в Европе, ни в Азии, ни в обеих Америках, очень важен ещё и лист, то есть официальный документ, который бы с самой наивысшей степенью (благо)надёжности обеспечивал всамделишное политическое единение Казахского ханства с Россией.

Прозорливый царь не жалел ни казны, ни времени на подкуп степных авторитетов, лишь бы склонить их в лоно российского влияния.

А склонялся, как знаем, далеко не всякий большой или малый владыка в бескрайней Великой Степи.

Но Пётр Алексеевич и тут, равно и в остальном, был очень упорен и настойчив. Ибо казахские просторы он полагал «ключом и вратами» буквально ко всем азиатским странам и землям.

Уже после кончины Петра Великого хивинский хан прислал к Екатерине Первой своего посла с повинною за беспрецедентный и сокрушительный разгром экспедиции князя Александра Бековича-Черкасского.

«Что же, – писал шифром Мамет Тевкелев спустя пять лет в своём путевом журнале, который он с обязательной привычкой для него тщательностью вёл всю долгую поездку 1731-1733 годов в Малый жуз для переговоров о подданстве казахов, – несмотря на такие их учинённые предерзости, милостиво оные посланцы приняты и из России в Хиву отпущены возвратно, а никакого им, посланцам, вредительного случая, кроме высказанной им в лицо досады, не показано, понеже (поскольку) во всём свете над посланниками реванжу (мести) не отыскивают и такого обычая (правила) нигде нет. А ежели Российская Империя от какого-либо государства востребует реванж отыскать, то есть у неё полное право и возможность пойти на него явным образом открытой войною, ибо над посланцами чинят обиду только плуты и мерзавцы, но не добрые люди, чему есть и давняя присловица – «послов не рубят».

Правая рука хана Младшего жуза казахский побратим российского посла могучий Бугенбай-батыр, потерявший в боях с джунгарами четырёх родных братьев, был того же мнения, что и Тевкелев.

«Хивинцы, – говорил Бугенбай (в записи Тевкелева), – с князем Бековичем и его людьми поступили бесчестно, по-варварски, такого обычая под солнцем нигде на белом свете не обретается, чтобы посланников умерщвлять, и то, что хивинцы учинили, есть не человеческое, а – зверское».

И всё-таки сам Тевкелев, видимо, готов был поквитаться с хивинцами за их неописуемые злодеяния, коль нашёл в своём путевом журнале-дневнике место и таким строкам о неосуществлённом возмездии-реванше:

«А что реванж до сего времени не отыскан, так тому есть множество причин, понеже тогда блаженный и вечнодостойный памяти Пётр Великий продолжал небывалую войну со Швециею, потом имел длительный поход в Персию, а по возвращении из того походу Его Императорское Величество отошёл в вечное блаженство, и за таким случаем оное возмездие укоснело».

«Укоснеть», по Далю, означает «не сделать чего-либо в срок».

Замышленный Петром поход в Индию не состоялся.

Мало кто помнит о том, что такой поход затевался при императоре Павле Первом (и последнем).

В 1800 году Павел заключил договор с первым консулом Французской республики Наполеоном Бонапартом: объединённой русско-французской армии предстояло высадиться в Астрабаде и двинуть оттуда – через Хорасан и Афганистан – в Индию. Артиллерия должна была проследовать через Омск – на Юг – ладно изведанными торговыми маршрутами. Путь от Санкт-Петербурга до Омска изрядно длиннее, чем от Омска до Дели. В северные, кустанайские степи Казахстана уже были доставлены орудия, которым надлежало действовать под стенами Дели и Калькутты. Сверили маршруты похода. Первыми через земли Младшего жуза для изгнания англичан из Индии ушли лихие казачьи сотни с Дона под начальством Василия Петровича Орлова. Они беспримерно намаялись в пути, который не одолел бы никакой Тухачевский и тем более Будённый. Орловцы же уверенно двигались и двигались далее, навстречу индийскому солнцу. Но увидеть его им помешал категорический приказ вернуться назад. Вернулась и артиллерия. Или Павел Первый оказался действительно намного умней, чем его потом оценили историки. Или же насильственная его смерть положила предел осуществлению более чем смелых планов.

При его сменщике Александре Первом, как известно, походные маршруты южные поменялись на западные. Наполеон Бонапарт из радушного союзника обратился в жестокого супостата.

Россияне ему сдали Москву.

Пожар её полыхал долго и кроваво.

Но Отечественная война 1812 года продолжилась победоносным походом на Париж.

Лихие донские казаки входили в него вместе с отважными казахскими кавалеристами.

И вместо делийского Красного Форта и Тадж-Махала восхищённо разглядывали величественную громаду Собора Парижской Богоматери.

г. Алматы.

Жамбыл КАМЕЛОВ,
директор общественного
благотворительного фонда
Х. Болганбаева

В ноябре 2009 года одна из улиц Астаны была названа в честь Хайретдина Болганбаева. В недавно вышедшем справочнике улиц столицы приведена небольшая биографическая справка: «Хайретдин Болганбаев (1894–1937) – деятель движения Алаш, публицист. Участник Первого и Второго всеказахского съездов. Принимал участие в образовании Туркестанской автономии. Содействовал созданию Алашского комитета в Акмолинске. В 1917–1918 годах вместе с М. Шокаем и С. Кожановым выпускал газету «Бирлик т ы». В 1921 году по поручению А. Бокейхана и А. Байтурсынова Болганбаев встретился с А.З. Валиди Тоганом. Написал ряд работ на тему национального самоопределения и духовности».

Хайретдин Абдрахманович Болганбаев – мой родной дед по материнской линии. И о нём впервые я услышал от моей мамы – Гульнар Хайретдиновны, что он был честным и справедливым человеком, истинным мусульманином, учителем географии, истории, литературы, родился в ауле Жосалы в 1894 году – находящемся поблизости от нынешнего районного центра посёлка Коргалжын Акмолинской области. Отец его Абдрахман был глубоко верующим, совершившим хадж в Мекку, что по тем временам было настоящим подвижничеством. Вот мой прадед и отправил своего сына-подростка после окончания аульной мусульманской школы в 1909 году в город Петропавловск учиться в медресе, чтобы он стал учителем общеобразовательных предметов и ислама в казахских школах. А в 1912 году способный к наукам Хайретдин стал получать дальнейшее образование в Оренбурге в медресе Хусаиновых. Там он и приобщился к революционной работе, к борьбе с царизмом за свободу своего народа.

Х. Болганбаев 1894–1937 гг.

Много рассказывала о деде Хайретдине его вдова, жившая с нами моя бабушка Рахима Акпаровна, на долю которой выпало немало жизненных испытаний.

Оружием молодого Хайретдина Болганбаева стало перо. Уже в 1913 году в газете «Казах», издаваемой в Оренбурге А. Байтурсыновым и М. Дулатовым, начали появляться зажигательные статьи Х. Болганбаева, отмеченные ярким публицистическим талантом. Кстати, познакомившись тогда с этими выдающимися деятелями казахской степи, мой дед до

конца своей жизни был их соратником, единомышленником и другом. Во время каникул с 1913 по 1916 годы он неоднократно ездил обучать казахских детей грамоте в святой для мусульман город Туркестан, где находится мавзолей А.Ясави, в аулы Буртинской волости Актюбинского уезда, Кентубекской волости Атбасарского уезда.

В 1916 году, в разгар Первой мировой войны, когда царским повелением казахское население мобилизовывалось на тыловые работы, мой дед одним из первых дважды ездил через Москву и Минск с гуманитарной миссией (доставляя продовольствие, тёплую одежду и обувь) на станцию Ганцевичи в 9-ю инженерно-строительную дружину. Делегировали его туда А.Байтурсынов и М.Дулатов, а в Минске при Западном комитете «Земгар» А.Букейханов заведовал инородческим отделом и руководил этой миссией.

Когда началась Февральская революция, Хайретдин Болганбаев с группой сподвижников в приподнятом настроении отправил 15 марта 1917 года из Минска в Казахстан историческую телеграмму с напутствием: «... никого не бойтесь, кроме бога. Мы – сторонники демократической республики, владельцы своей земли, нам необходимо единство, поддерживайте новое правительство, помогайте своим рабочим, находящимся на фронте (продуктами, тёплой одеждой, обувью)». Затем он сопровождал казахов с фронта до г. Уральска, потом снова по заданию движения «Алаш» вернулся в Минск, а оттуда вместе с Галимджановым через революционный Петроград и бурлящую Москву вернулся в Оренбург. Но уже через несколько дней его направили в Ташкент, где Хайретдин Болганбаев стал работать в редакции новой общественно-политической газеты «Бирлик туы», редактором которой сначала был М.Шокай, затем С.Ходжанов, а с седьмого номера её возглавил мой дед, принимавший самое активное участие в первом и втором всеказахском съездах, проходивших в 1917-1918 годах в Оренбурге, где решались вопросы создания Казахской автономной республики и было сформировано правительство Алаш-орды.

В декабре 1917 года в г.Туркестане Хайретдин Болганбаев вместе с Дулатовым, Кулмановым и сыном Абая участвовал в Сырдарьинском областном съезде, на котором в острой борьбе им удалось отстоять эту исконно казахскую территорию в составе Казахской республики.

В период с 17 декабря 1917 года по 11 февраля 1918 года Х.Болганбаев вместе с М.Шокаем и М.Тынышпаевым активно участвовал в создании Туркестанской автономии в Коканде. Но категорически возражал против присоединения к ней Семиреченской и Сырдарьинской областей Казахстана, и его позиция была принята.

После разгрома Туркестанской автономии большевиками, когда погибли многие мирные жители Коканда, в том числе старики, женщины и дети, мой дед, как очевидец происходившего, подверг неправомерные действия большевиков острой критике в своих публичных выступлениях и публицистических статьях в прессе.

В декабре 1919 года Х. Болганбаев вместе с С. Ходжановым принимал участие во Всеказахской конференции, проходившей в Актюбинске.

В советское время при Сибирском реввоенсовете в г. Омске он добился с группой единомышленников присоединения Акмолинской области к Казахстану.

В феврале 1921 года в Бухаре от имени Алаш-орды мой дед, М. Ауэзов и Д. Адилов участвовали в переговорах с лидерами передовой интеллигенции и повстанческих движений (басмачества), представителями мусульманства, народов Средней Азии, Башкирии и Татарии против засилья большевиков. На этих переговорах была принята программа при поддержке Турции и лично Мустафы Кемаля-паши (его представлял Ануар-паша), Афганистана (посол Абдурасул-хан) и создан Комитет национальной федерации Туркестана, задачей которого являлось создание независимого Туркестана в составе Казахстана и Средней Азии. Председатель КНФТ Заки Валиди Тоган в своих научных трудах высоко оценил активную политическую и международную деятельность Хайретдина Болганбаева в борьбе за свободу и независимость тюркских народов.

Х. Болганбаев в 1919 году преподавал в педагогическом училище г. Ташкента, а впоследствии возвратился в родную Сары-Арку. Являлся председателем комитета движения «Алаш» г. Акмолинска, представлял Акмолинскую область в правительстве Алаш-орды. В конце концов приняв советскую власть после победы большевиков, он в разное время являлся заместителем председателя отдела просвещения Акмолинской области, ответственным работником ТурЦИКА, Народного комиссариата просвещения Казахстана, плодотворно трудился в сфере народного образования в Акмолинске, Петропавловске и затем в Южно-Казахстанской области.

В посёлке Коргалжын многие аксакалы помнят, что первый колышек в основание районного центра в 1926 году забил именно мой дед, он же выбрал место для строительства двух больниц, школы-интерната, конторы. До сих пор в центре посёлка сохранились построенные в тот период из красного кирпича здания больницы и бывшей конторы, в которой ныне размещается районный архив. И неслучайно в докладе в честь 80-летия образования Коргалжынского района 8 октября 2008 года аким района С.Р. Касенов отметил заслуги Хайретдина Болганбаева в основании района, до сих пор там сохраняется в народе добрая память об этом человеке. И не только в родных его местах, но и в Астане, а также в Целиноградском, Нурынском, Егиндыкольском, Тенгизском районах, где мне довелось побывать, люди слышали о моём деде только хорошее, старики отзывались о нём как о замечательном учителе, настоящем патриоте своей Родины.

Однако 17 декабря 1928 года Х. Болганбаев был арестован в Петропавловске как «член контрреволюционной организации, участник подготовки к покушению в 1927 г. на секретаря Казкрайкома партии Голощёкина».

В протоколе допроса Х.А. Болганбаева от 12 января 1929 года записано: «Я был недоволен советской властью, потому что не верил в строительство социализма, не верил в долговечность этой власти и смотрел на неё как на преходящее временное явление, коммунизма на территории России я себе не представлял. Мне казалось, не сегодня-завтра должна быть какая-то другая власть». (Вёл допрос начальник Восточного отдела ПП ОГПУ Петров. Архив ДКНБ по г. Алматы).

Сегодня трудно судить, добровольно ли дал мой дед признательные показания, или же они были выбиты из него под силовым давлением. Под

следствием он находился вместе с 14-ю соратниками в тюрьмах Алматы и Москвы (Бутырка). Был приговорён к расстрелу, но 4 апреля 1930 года (реабилитирован 04.11.1988 г.) осуждён на 5 лет лишения свободы, срок отбывал в лагерях под Архангельском, на Соловках, и затем в Сыктывкаре. После освобождения в 1934 году работал в Алма-Ате преподавателем зооветеринарного института, однако впоследствии как политически неблагонадёжный элемент был отправлен в село Сары-Агаш Южно-Казахстанской области преподавателем Капланбекского зооветтехникума. 21 апреля 1937 года Хайретдин Болганбаев был арестован вторично и 23 ноября того же года расстрелян по приговору «тройки» УНКВД Алма-Атинской области...

Такой трагичной оказалась судьба моего деда.

*Рахима Акпаровна
Болганбаева-Хальфина
1903–1986 гг. – супруга
Х. Болганбаева,
г. Целиноград, 1979 г.*

А теперь – о моей бабушке Рахиме Акпаровне Хальфиной. Я всегда, когда думаю о ней, поражаюсь её мужеству, чувству собственного достоинства, уму, смелости, душевной красоте и чуткости, твёрдости духа и гордости. Она была из богатой семьи, племянница Чокана Валиханова, Кенесары-хана, а вышла замуж по любви за вроде бы простого учителя, но в то же время активного общественного деятеля, наделённого харизматической натурой, разнообразными талантами, борца за счастье своего народа, – и тем самым обрекла себя впоследствии на невероятные муки и страдания. После того как её муж Хайретдин Болганбаев был незаконно репрессирован первый раз и отправлен в лагерь, Рахима-апа поехала к нему на Соловки с тремя маленькими детьми (старшему Ерику пять лет, моей будущей маме было тогда три года, а самому младшему полтора), чтобы быть рядом с любимым,

быть ему надёжной опорой в течение долгих четырёх лет в далёком суровом краю. Разве это не подвиг? А став вдовой после расстрела мужа в 1937 году, Рахима-апа, пережив невосполнимое горе, нашла в себе силы и мужество выстоять, вырастить, поднять на ноги и воспитать троих детей, которые впоследствии стали достойными наследниками, уважаемыми в Казахстане людьми.

Так, например, её сын, а мой дядя Ерик Хайретдинович Болганбаев был участником Великой Отечественной войны в 1943–1945 годах, за боевые заслуги награждён орденом Отечественной войны II степени и медалями, а за трудовые достижения удостоился двух орденов «Знак Почёта», орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов. Он стал видным учёным на сельскохозяйственном поприще – кандидатом ветеринарных наук, получил

*Мастура – племянница
Чокана Валиханова,
мама Рахимы-апы,
г. Акмола, 1916 г.*

звание заслуженного ветврача Казахской ССР, являлся ответственным работником ЦК Компартии Казахстана. Немаловажен и тот факт, что Ерик Болганбаев вместе с дважды Героем Советского Союза Талгатом Бегельдиновым был участником юбилейного парада Победы в Астане 9 мая 2005 года. Он воспитал четырёх дочерей, получивших высшее образование и ставших экономистами, врачами, педагогами. Ныне они с детьми и внуками живут и трудятся в Алматы.

*Х. Болганбаев с Ериком,
старшим сыном, г. Москва,
1934 г., после освобождения из
заключения.*

*Сыновья Х. Болганбаева
Ерик и Мурат,
г. Акмолинск, 1954 г.*

Второй дядя – Мурат Хайретдинович – был главным зоотехником районного управления сельского хозяйства, директором совхоза, находился на ответственной должности в Министерстве сельского хозяйства республики. У него тоже четверо детей – два сына и две дочери, после окончания вузов они стали специалистами аграрного комплекса – агрономом, зоотехником, экономистами.

Такими людьми нельзя не гордиться.

Добрый примером для подражания может служить яркая и одухотворённая высокими помыслами, благородными деяниями и замечательным трудолюбием жизнь нашей мамы – Гульнар Хайретдиновны Болганбаевой. Видимо, от родителей ей передались упорство в достижении цели, самоотверженность, принципиальность, честность, исключительная порядочность. Даже в трудные годы, когда на ней было клеймо дочери «врага народа», она свято хранила память о своём репрессированном отце. И выйдя впоследствии замуж за нашего отца – Туяка Баяндыевича Камелова – она не взяла себе фамилию мужа, а так и осталась Болганбаевой.

Но если говорить о маме, надо сказать и об отце, личности глубоко уважаемой и почитаемой в нашем родном краю. Кстати, мама написала о нём так: «Туяка Баяндыевича Камелова отличали прекрасный организаторский талант и высокая квалификация, проницательный ум, целеустремлённость в достижении поставленной цели, гибкое и внимательное отношение к людям, это был умелый, эрудированный руководитель». Впрочем, эту характеристику можно отнести и к ней самой – настолько наши родители подходили друг к другу и дополняли один другого.

Камелов Туяк Баяндинович – командир отдельной танковой роты.

Доблестный защитник Родины, Туяк Камелов находился на фронтах Великой Отечественной с сентября 1941 года (был среди тех, кто отстоял Москву от немецко-фашистских захватчиков) и до 9 мая победного 1945 года, дойдя до Берлина. От Москвы до Берлина – таков его впечатляющий боевой путь. Он был командиром танка, старшиной танковой роты, потом окончил 1-е Краснознамённое танковое училище имени В.И. Ленина в Ульяновске, сражался на Западном и Украинском фронтах. Будучи старшим лейтенантом, как образованный боевой командир, технически грамотный офицер неоднократно в качестве военного государственного инспектора по контролю и приёмке боевой техники для фронта бывал в Челябинске на танковом заводе, выпускавшем бронированные тяжёлые

танки ИС-1 и ИС-2 (Иосиф Сталин). На этих грозных могучих машинах, которых панически боялись фашисты, воевали только достойнейшие из достойных, только офицеры и коммунисты. И одним из них был командир танковой роты Туяк Камелов, удостоенный ряда боевых наград.

Этот факт из биографии нашего отца военного периода установил в архивах мой старший брат Амангельды, проживающий в России со своей семьёй и внуками.

Кстати, по просьбе мамы он же в государственно-историческом архиве г. Казани изучил родословие её предков Хальфиных – Вали, Галиаскара, Сыздыка, Акпара – российских купцов первой гильдии, которые в г. Акмолинске укрепляли экономику, развивали торговые связи с Бухарой, Кокандом, Туркестаном, Россией.

После войны отец окончил Карагандинский педагогический институт, став историком и учителем казахского языка и литературы. Между прочим, тот же институт закончила и наша мама, тоже как историк и преподаватель русского языка и литературы в казахских школах.

В родном ауле Сабынды, где работали наши родители, отец добился

Камелов Т.Б. – директор Сабындынской СШ в 1949-1959 гг.

преобразования школы-четырёхлетки сначала в семилетнюю, а затем и в среднюю, директором которой, построенной под его руководством, он был до 1959 года. Сабындинские аксакалы до сих пор с благодарностью вспоминают, как их, детей-переростков, в те годы «затаскивал» в школу и учил грамоте наш отец.

Много лет – до 1979 года – той же школой руководила наша мама. Сорок два года составляет её преподавательский стаж. Плодотворная педагогическая деятельность Гульнар Болганбаевой высоко оценена, о чём красноречиво свидетельствуют высшая государственная награда СССР орден Ленина, юбилейные медали к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина и «50 лет освоения целинных земель Казахстана», звание «Заслуженный работник просвещения». Она неоднократно избиралась депутатом сельского, районного и областного Советов народных депутатов, делегатом съездов учителей Казахстана, XVI съезда профсоюзов страны (март 1972 года).

Маме было всего 37 лет, когда не стало нашего отца (его именем названа одна из центральных улиц в нашем большом селе Сабынды). Но она, как и её мужественная мать, не пала духом, а собрала все силы и волю, чтобы вырастить семерых детей, всем дать высшее образование. Орман-Керей стал врачом, Куралай проявила себя на госслужбе, Сауле – кандидат ветеринарных наук, я и Еркин – по образованию инженеры, Достык и Алмагуль – экономисты. Дети и внуки Гульнар Хайретдиновны живут и трудятся в Астане, Алматы, Актобе.

Свою будущую супругу – Клару Шайхидиновну – я познакомил с моей мамой, как сейчас помню, в Целинограде на концерте Вахтанга Кикабидзе во Дворце целинников. Они понравились друг другу, и мама посоветовала мне жениться на Кларе и от души благословила наш брак. А когда у нас родился сын, по казахской традиции мама нарекла его Мейрамом и пояснила: «Мой внук появился на свет в День учителя. Мейрам – праздник. Твой дед Хайретдин, твой отец, я, сёстры Куралай и Сауле по образованию – учителя. Так что это наш общий праздник. Символично, что старшим сыном основателя нашего рода Аргын был Мейрам».

Мама была энергичной, волевой, целеустремлённой, никогда не обижалась на судьбу, не боялась трудностей, всего в жизни добилась честным путём.

Выйдя на заслуженный отдых, она не могла спокойно сидеть дома, её снова тянуло в школу, в родной коллектив, к детям. Стала преподавать историю, заниматься активной общественной работой в школе и селе.

Дочь Х. Болганбаева – Гульнар, директор Сабындинской СШ в 1970-1979 гг.

И вполне закономерно, что по ходатайству педагогического коллектива, возглавляемого Сериком Едыгеевичем Абеевым, на стене большого трёхэтажного здания Сабындинской средней школы установлена в честь Гульнар Хайретдиновны Болганбаевой мемориальная доска с её барельефом. Значит, уважают, любят и помнят благодарные люди педагогов с большой буквы.

Несмотря на пошатнувшееся здоровье, в восьмидесятые годы мама стала активно добиваться полной реабилитации своего отца Хайретдина Болганбаева, возвращения его доброго имени народу. Она много раз ездила в Алма-Ату, где настойчиво обращалась в Верховный суд, прокуратуру республики, КГБ, МВД, преодолевала бюрократические барьеры по поводу реабилитации отца, чтобы ей дали возможность изучить его труды и документы, связанные с его биографией. И она сумела добиться своего. У неё была сокровенная мечта: на основании собранных материалов издать книгу об отце, чтобы народ знал правду о нём, о его неутомимой деятельности, направленной на благо родной земли. И ей удалось воплотить свою заветную мечту в жизнь – книга была выпущена в свет. Мама получила от читателей много тёплых отзывов, их продолжаем получать мы, её дети.

В 2009 году по линии Министерства культуры и информации РК книга была переиздана в увеличенном объёме с необходимыми дополнениями под редакцией профессора, доктора филологических наук Дихана Камзабекулы.

Кстати говоря, свою личную библиотеку Гульнар Болганбаева подарила своей родной Сабындинской школе, которой после папы и мамы продолжают руководить их бывшие ученики. Ныне директором школы является мамин воспитанник, молодой и энергичный Серик Абеев. Отрадно, что по доброй традиции коллектив школы занимает одно из первых мест в районе и области по учебно-воспитательной работе.

Уважаемый в народе Боранкул *Потомки Х. Болганбаева – Камеловы* Ракишев, папин свояк, каждый раз при встрече со мной повторял: «Великие предки у тебя, Жамбыл, и со стороны отца, и со стороны матери. Будь достоин их, впрочем, я уверен, что на тебя можно надеяться». А его супруга Макеш с гордостью сказала: «Многие известные люди ушли в небытие, а наша Гульнар увековечила имя своего отца, моего брата».

Приведу один случай, характеризующий деятельную натуру мамы. Мои друзья в Москве пригласили меня встретить Новый 1982 год в столице Советского Союза. Когда я сказал об этом маме, она решила поехать со

мной. До этого в Москве она бывала десять раз: по работе, на съездах, в гостях – там жил её дядя, ветеран Великой Отечественной войны, полковник Бименды Бикембаев – фронтовой друг нашего знаменитого земляка Рахимжана Кошкарбаева. Однажды мы с мамой вознамерились побывать в Большом театре на опере «Кармен». Увы, билетов нет, а у входа толпы желающих, не терявших надежды на «лишний билетик». Я сник при виде этой картины. Но мама проявила решительность: «Пойдём к директору». Проходим по кассовому залу мимо табличек «Билетов нет». И тут мама останавливается возле одного открытого окошечка, показывает кассирше свой орден Ленина и говорит: «Я из Казахстана, помогите нам попасть на спектакль». Та с испугом и почтением: «Сколько Вам нужно билетов, уважаемая?».

В последние годы жизни у мамы сильно болела нога, но мама, преодолевая боль, участвовала почти во всех конференциях и встречах, посвящённых жизни и деятельности Хайретдина Болганбаева, других видных представителей движения «Алаш». Это же надо иметь силу воли, мужество, стойкость, чтобы преодолевать физические страдания, – не каждый мужчина выдержит. Мама, если что-то новое узнавала о своём отце, других деятелях Алаша, сразу же звонила мне, радовалась, делилась мнениями, давала поручения, которые мы охотно выполняли во имя свершившейся справедливости.

Ныне имя нашего деда, как и других выдающихся представителей казахской интеллигенции, незаконно репрессированных в тридцатые годы XX столетия, возвращено народу. В селе Сабынды и районном центре Коргалжын торжественно отмечено 110-летие со дня рождения Хайретдина Болганбаева, его имя присвоено центральной улице посёлка, установлена мемориальная доска с барельефом Хайретдина Болганбаева на здании Коргалжынской средней школы-гимназии, которая также названа в его честь.

В Астане в Центральной юношеской библиотеке имени М. Ауэзова, в Президентском центре культуры, в Евразийском гуманитарном институте проведены научные конференции, посвящённые жизни и деятельности нашего деда. В музейно-мемориальном комплексе «АЛЖИР» посёлка Акмол, на стенде, посвящённом репрессированным деятелям партии «Алаш», выставлены портрет Хайретдина Болганбаева и книга мамы о нём. Двое выпускников Евразийского гуманитарного института в 2008 году защитили дипломные работы на тему: «Публицистическое наследие Хайретдина Болганбаева».

В учебном пособии для учащихся общеобразовательных школ «История Астаны», написанном З.Е. Кабульдиновым и изданном тиражом 3000 экземпляров, подчёркивается: «Одним из выдающихся деятелей казахского народа был акмолинец Хайретдин Болганбаев, один из основателей Туркестанской автономии, выдающийся сын казахского народа». В автобиографической книге «Школа жизни» писатель Сабит Муканов отметил: «Лидеры Алаш-орды: Х.Досмухамедов, Х.Болганбаев, М.Есболов, Ж.Аймауытов в г. Ташкенте в газетах «Акжол», «Шолпан», журнале «Сана» периодически печатали свои политические статьи, призывая народ к единству, свободе, равенству».

Ныне учёным-исследователям известно более трёхсот разножанровых произведений Хайретдина Болганбаева, в том числе и художественные творения «Золотое озеро», «Краткая сказка жизни», «Мельница» и другие. В 1934 году его статья о мусульманском просветителе тюркского мира Исмаиле Гаспринском (1851–1914) была издана в сборнике, вышедшем в Стамбуле (Турция). К сожалению, из всего творческого наследия Хайретдина Болганбаева изучено и переведено на казахский язык только тридцать его произведений. Так что работа по дальнейшей популяризации его творчества предстоит большая.

Современная молодёжь должна знать и чтить историю своих предков, тех замечательных сынов, чьи имена золотыми буквами вписаны в летопись казахской земли, ибо без прошлого нет будущего.

Казахи с древних времён дорожат священным духом предков – Аруахом. Я думаю, что и в сегодняшних деяниях Аруах помогает нам, придаёт силы, энергию, целеустремлённость. Сошлюсь на пример наших воспитанников в федерации кикбоксинга г. Астаны (в ней я веду общественную работу в качестве исполнительного директора). Так вот, наши кикбоксёры двенадцать раз становились чемпионами мира, с 2003 года выступая на соревнованиях в Греции, на Кипре, в Португалии, Хорватии, Македонии, пятеро обладателей Кубка Мира 2010–2011 годов в г. Анапе. Соответственно 17 раз в честь наших спортсменов исполнялся Государственный гимн РК и поднимался флаг Казахстана. Среди них двукратные чемпионы мира Н. Рысмагамбетов, А. Тасыбеков, А. Бекжолдасов – мои земляки из посёлка Коргалжын. Удивительна семья Боранбаевых: сёстры Алия, Назыгуль и Наргуль стали чемпионами мира среди девушек, их брат Бахтияр – тоже чемпион мира, их старшая сестра Ардак – чемпионка Азии. А блестящих успехов они добились благодаря своему отцу – заслуженному тренеру РК Серику Ериковичу Боранбаеву – моему сородичу из села Сабынды. Основоположником кикбоксинга в Казахстане тоже является наш земляк, заслуженный тренер РК Сабыржанкажы Галимжанулы, одним из первых в наше время совершивший священный хадж в Мекку.

Это ли не проявление духа предков – Аруаха – у подрастающего поколения, прославляющего свою Родину на весь мир?!

«В единстве мы сильны и непобедимы!» – так завещали нам мудрые предки.

А закончить свои размышления я хочу пожеланиями моей мамы из её книги: «Мои пожелания учёным-исследователям изучать, пропагандировать и использовать творческое наследие деятелей Алаша, в том числе наследие Х. Болганбаева, сделать его достоянием народа».

Это материнское напутствие я принимаю и на свой счёт, продолжая её благородное начинание, буду стараться и впредь популяризировать бесценное наследие Алаша, моего деда Х. Болганбаева, чтобы народ знал и почитал истинных патриотов Отечества, отдавших жизни за процветающее будущее родного Казахстана.

г. Астана.

Александр МАТВЕЕВ

Быстротечное время неумолимо отдаляет меня от незабвенных дней давно ушедшей юности в дорогом моему сердцу городе Барнауле. Всплохами памяти всплывают деревянные тротуары вдоль дощатых заборов и дисциплинированные пассажиры на конечной остановке у Дома культуры меланжевого комбината на Октябрьской площади. Немногочисленные маловместимые автобусы – «ПАЗики», не всегда могли забрать всех желающих ехать в посёлок Осипенко, бывший тогда почти окраиной города, где я, будучи учащимся ремесленного училища, снимал угол на улице Червонной. Солидарные пассажиры выстраивались цепочкой и спокойно ждали своей очереди до следующего автобуса. Больше такой культуры общения на городском транспорте не встречал нигде и никогда.

Всю жизнь остаюсь благодарным неизвестному мне, видимо, маменькиному сынку, который, будучи зачисленным на учёбу в ремесленное училище № 12, отказался ехать в совхоз «Кубанка» на сельхозработы. За такую вольность он был тут же отчислен, а мною, к моему неимоверному счастью, была доукомплектована группа слесарей. Дело в том, что занятия уже везде начались, а подлинники моих документов, отправленные по почте, всё лето пролежали в ремесленном училище Бобровского затона. Не дождавшись вызова, я приехал туда поступать, в чём мне, оказывается, было отказано, поскольку в этом училище принимают на учёбу только с шестнадцати лет, но никто не удосужился своевременно уведомить меня об этом. Нерадивая секретарша, уйдя в декретный отпуск, оставила их в ящике стола. Даже сам директор Яворович, запомнившийся мне своей странной фамилией, после долгих усилий едва отыскал их. Так я не стал судоводителем, куда влёк меня мой гороскоп Рыб. Правда, несколько позже мне всё-таки пришлось порулить, но уже подводной лодкой при прохождении срочной службы в качестве рулевого-сигнальщика на Тихоокеанском флоте.

После двухлетней учёбы в ремесленном училище в числе немногих мне был присвоен пятый повышенный разряд. И как записал в трудовой книжке кадровик Жариков – «считается мобилизованным на завод п/я № 13 (Трансмаш) в цех № 210 с бронированием до 1960 года, по специальности слесарь по ремонту промышленного оборудования».

Поскольку в наше время считалось большим позором «откосить» от службы в армии, несмотря на бронирование, добровольно пошёл заниматься в радиоклуб в свободные от работы часы, где через год

перекрывал на «морзянке» нормативы второго класса. Потом поступил и в морклуб, чтобы иметь преимущество на призывной комиссии в выборе рода войск. Хотелось осуществить мечту. Кстати, в те годы ДОСААФ в Барнауле действительно способствовал военно-патриотическому воспитанию молодёжи. Наши ребята пропадали на аэродроме, где прыгали с парашютом. Сами управляли планёрами и лёгкими самолётами, кто-то изучал матчасть танков и автодело.

В души детей войны, познавших военное лихолетье, и без идеологических призывов тогда глубоко проник не лозунговый патриотизм, а обострённое чувство любви к Родине, а через фильмы и книги о войне – ненависть к её врагам.

В августе 2005 года на праздновании 70-летия Усть-Калманского района, куда был приглашён земляками в качестве почётного гостя, я, как «иностранец», привлёк внимание корреспондента «Алтайской правды» Яны Прозоровой. Она взяла у меня интервью. Материал был опубликован, что и послужило своеобразным ключом для руководства технического лицея № 12. Прочитав заметку в газете, они признали меня своим ветераном, хотя так уж вышло, что за прошедшие 50 лет после его окончания мне не выпало случая поклониться его стенам и сказать спасибо за всё...

Воспользовавшись личным приглашением директора лицея Бориса Григорьевича Кривоносова, кстати, сына офицера и медицинской сестры военного госпиталя победного 1945 года, я побывал на юбилее училища в феврале 2006 года. То, что увидел, превзошло все мои ожидания, и до сих пор живу под впечатлением. Столько перемен во внутреннем и внешнем облике учебного заведения, оснащении и развитии его материальной базы.

Наряду с традиционными здесь профессиями слесарей, токарей, электромехаников и фрезеровщиков есть и более современные: оператор-программист. Даже, несмотря на вихри, порою враждебные, пронёсшиеся над системой профтехобразования, не смогли выбить из колеи этот замечательный коллектив. Это и многое другое отмечали в своих приветственных выступлениях коллеги и их высшее руководство. Как бы ни называлось это учебное заведение: ремесленное ли училище, профтехучилище или лицей, но номер его двенадцатый – дюжина, остаётся с его основания постоянным. Это счастливое число. Оно для многих из нас, как пароль, как визитная карточка... И это неслучайно. Эвакуированное в 1942 году из фронтowego Сталинграда вместе с заводом «Трансмаш» как базовое учебное заведение по подготовке молодых рабочих кадров, оно существует и теперь, благодаря людям, считавшим и считающим для себя святым долгом дать знания уже не одной подрастающей рабочей смене. Об этой преемственности напоминают портреты всякому входящему в кабинет директора уже ушедшие из жизни преподаватели.

Видно, правильно говорят, что без прошлого – нет будущего. В музее лица, чему я был удивлён и приятно ошарашен, по крупницам собрана история училища от его создания, эвакуации в Барнаул и до наших дней. Неслучайно дипломами и Почётными грамотами отмечены достижения в учёбе, производственной практике, спорте и художественной самодеятельности. Приятно было сознавать, что я постигал трудовые навыки в лучшем из лучших учебных заведений Алтайского края.

В этой поездке был и ещё один совсем немаловажный для меня факт. Однажды «Алтайская правда» опубликовала моё стихотворение «Барнаул транзитом», где упоминался завод «Трансмаш», над которым пролетал мой самолёт, и Пятый заводской проезд, где в бараках были наши общежития в комнатах на 10-12 койкомест. Подшефная заводу школа № 49, находящаяся в Западном посёлке, а точнее активисты её музея, неоднократно делали безуспешные попытки найти меня. Так совпало, что по этой же статье школьники теперь тоже решили свою проблему. Тогда буквально накануне моего отъезда в Барнаул от них пришло письмо с просьбой прислать книжки моих стихов и фотографии для оформления экспозиции школьного музея. В один из дней пребывания в Барнауле наконец-то состоялась наша встреча. До глубины души тронуло то, что уже внуки тех моих сверстников, рабочих завода, с которыми ежедневно вращал турникеты проходной, с удовольствием шпарили мои стихи, просили автограф. И как знать, может, кто-то из них был отпрыском моих незабвенных друзей и подруг такой теперь далёкой юности.

Тамара Андреевна Уженцева, директор музея, в заключение нашего знакомства вооружила меня необходимыми материалами об истории завода, чего я, естественно, не мог знать по тогдашнему уровню своей образованности. Припоминались люди, которых я знал когда-то и работал вместе с ними, рассказывавшие, как под огнём врага до 15 октября 1942 года ещё ремонтировали танки, которые прямо из цехов шли в бой, а к ноябрю прибыли с эшелонами оборудования и устанавливали станки на пустыре, не имея над головой крыши цехов. Между станками жгли костры, чтобы на какую-то малость обогреть негнущиеся пальцы рук. Мне всегда хотелось знать об этом подробнее, поскольку тогда на станинах некоторых агрегатов при их обслуживании приходилось видеть следы вмятин от осколков снарядов при бомбёжках поездов. Спасибо Тамаре Андреевне за подвижническую деятельность и за её человеческую активность. За сохранение памяти о людях, которые, не считаясь со временем, делали своё дело на благо страны, общества и обороноспособности государства.

Теперь, наконец-то побывав в Барнауле, хочется внести коррективы в стихи, вошедшие и не вошедшие в мою четвёртую книжку «... Не поле перейти».

Невероятно! – но прошло полвека...
Едва ли существует тот Проезд?
Где в жизнь входил рабочим человеком
И где влюблялся в заводских невест.

А на месте некогда снесённых бараков стоят такие же безликие «хрущёвки», не особо отличающиеся архитектурой, да и соответствующим времени комфортом. Пятый заводской проезд, к счастью, переименован в улицу Николая Григорьевича Чудненко – одного из лучших директоров завода. Директора моего времени, которого мне изредка приходилось видеть и которому в самом начале улицы теперь установлен памятный знак с его бюстом. Как ни горестно, но мне так и не пришлось:

Рвануть бы дверь в двести десятый цех...
Друзей там нет и люди все другие,
Мой чуб давно осыпал плотный снег
И гложет постоянно ностальгия.

*Александр Матвеев,
г. Барнаул, 1954 г.*

Слышал, что люди теперь там будто бы не просто другие, а совсем другие, поскольку ни одного хотя бы маломальского представителя от существующего ныне предприятия в цехах бывшего «Трансмаша» на этом юбилее не было. Такие времена. Таково свойство нашей памяти. Почему-то эта поездка вспомнилась мне накануне грядущего Великого праздника нашего народа, часть которого малолетками наравне со взрослыми работала в наспех построенных холодных цехах, не жалея сил для фронта, для грядущей победы. Да и нам тогда, идущим за ними, тоже кое-что досталось в трудовое наследство.

... Только-то и всего, что напоследок с разных ракурсов на «вечную память» сфотографировал заводскую проходную, что в люди вывела меня. Низкий ей поклон.

г. Алматы.

Юрий БОНДАРЕНКО

Еòî ì û ?

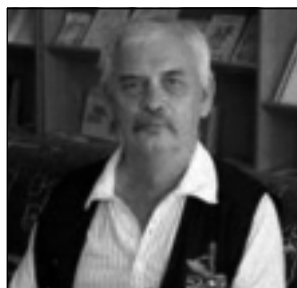
О поэзии Абдрахмана Досова

Эта статья – не юбилейная заздравица и не панегирик. Но и не то, что принято называть «критическим анализом». Я лично не против такого анализа. Более того, убеждён, что он совершенно необходим, как школа мысли, школа вкуса, школа творчества. Однако одно дело, когда ношу такого, пусть и не беспристрастного анализа, взваливают на себя мэтры либо товарищи в живой беседе за дружеским столом, и совсем другое, когда за это берутся культурологи, порой даже профессиональные критики и (не дай Бог!) люди с чинами. Тут всякий раз тенью начинает нависать ощущение того, что критик знает, чувствует и понимает глубже, тоньше и эпичальнее, чем автор, распластанный под скальпелем критической мысли. К тому же разностороннего анализа не допускает и скромный объём этой статьи. Так о чём же тогда речь? – О совместном проникновении в мир поэтических образов и строк, когда, перелистывая страницы, так и хочется воскликнуть: «Посмотрите, что я нашёл!». И в самом деле, вслушайтесь только, всмотритесь в образную ткань, казалось бы, так традиционно сложенных строк: «... я память ночи, словно скульптор, мну» или:

Кричи «тревога», бей в колокола,
Плачу́ за то, что долго был беспечен.
Сгорает день в костре золы дотла
И в ночь раздумий опускает вечер.
Разбит шатёр, и звёздная вуаль
струится на плечах цыганки-ночи,
И Млечный Путь, как вечности асфальт,
В колдобинах раздумий-многоточий» (1, сс. 121, 135)

А вот ещё находка – целая россыпь ненавязчивых, в чём-то традиционных, но входящих в тебя, словно запах леса, строк:

Храм земной любви построив,
На фундаменте из боли,
Ночь раздумьями покрыла
Тихо дремлющее поле.
Из страны глухонемой
Я попал в страну слепую...

**Юрий
Яковлевич
БОНДАРЕНКО**

родился в 1948 году. Профессор КГУ им. А. Байтурсынова, кандидат философских наук. Автор более 280 научных и научно-популярных работ. Публиковался в московских издательствах «Мысль», «Знание», «Школа-пресс», изд-во МГУ, в Тарту, Минске, Новосибирске, Екатеринбурге, Омске, а также в республиканских изданиях. Живёт в Костанае.

В «Ниве» выступает впервые.

И тут же «бархат чёрной ночи», взрезанный «острым лезвием рассвета». Или совсем неожиданное, где раздумья о собственной жизни и живописный образ слиты в единое целое:

К людям шёл, а вышел к одиночеству.
Чутко спит, качаясь, поплавок.
Месяц в воду, как ребёнок мочится,
серебро рассыпав между ног... (2, с. 46)

Ты – читатель, словно на лесной тропинке, и находок столько, что поначалу даже теряешься: как назвать ту статью-корзиночку, которую ты хотел бы донести другим, чтобы поделиться радостью своих микро-открытий. Может быть: «**Как хочется порою просто жить**» – «отринув прочь все догмы, постулаты», когда видишь, как «лохматый шмель над клумбою кружит, природы вольной флагман полосатый»? (1, с. 112)

Но... всплывают строки: «Мы – дети Солнца в царстве чёрной тьмы, бредём порой куда не знаем сами...» (1, с. 113). «Мы – дети Солнца...». Прикасаешься к строке, и сразу вспоминается «Мы дети Галактики. Но самое главное – мы дети твои, дорогая Земля» и куда более позднее, постперестроечное, выдохнутое А. Вознесенским: «Мы итоги распада. Наши боги распяты».

Перед нами три блика, три отсвета одной вековой проблемы: «Кто мы?». Есть и множество иных бликов и сполохов. Но именно эти три, всплывшие в памяти сами собой, удивительно рельефно высвечивают грани этой заковыристой, как загадка Сфинкса, проблемы нашего общего, человеческого бытия. Стихи Вознесенского потрясающе социальны той несиюминутной социальностью, в которой разорванная «нить времён» сплетается с надвременностью.

«Дети Галактики» – пронизанный светом и устремлённостью в космос – гимн человеческому духу и разуму, начала той эры, что была с искренней горделивостью и надеждой названа космической. Эры, когда рождались песни: «Утверждают космонавты и мечтатели: и на Марсе будут яблони цвести», песни, которые, словно эстафетную палочку, несли в будущее энергетику масштабных строек минувших десятилетий, громогласно возвещавших: «Я знаю: город будет. Я знаю: саду цвести, когда такие люди в стране советской есть».

В детях же Солнца «в царстве чёрной тьмы» – перед нами совершенно иная, вселенская грань проблемы. Причём грань, представленная очень просто и при этом зримо; и сколько бы раз на протяжении веков и тысячелетий человечество ни прикасалось к граням этой проблемы, она будет вставать перед ним как вечно новая и вечно насущная. И пусть вопросы выше наших сил – это вопросы Вселенной к Человеку, вопросы, от которых не уйти: «Задавать Всевышний хочет нам вопросы без ответов...» (1, 114).

Эти же мысли, неминуемые для каждого, кто сохранил детскую раздумчивость, мысли о нас и Вселенной, сами собой без натуги и искусственности сплетаются с размышлениями о том, а кто же такой я сам? И опять-таки, вероятно, миллиардный раз встаёт вопрос:

Если взвесить меня в моём собственном «я»
с обнажённостью чувств на пределе
от начал моего на земле бытия –
как же всё уместается в теле? (2, с.21)

И в самом деле, поэт, как и любой из нас, не только тело, но и помыслы, устремления, переливы чувств. Видимо, поэтому и рождаются строки, которые так и хочется привести здесь с максимально возможной полнотой:

За мыслями я вслед опять стремлюсь...
Я – каторжник, закованный за грусть,
и кандалы отлиты из печали.
Бреду один, котомка на плечах.
И дни мои, как конвоиры строги...

Но оригинальны ли такого рода строки? – Не берусь судить в масштабах всей поэзии, лишь хочется в ответ спросить: а оригинальны ли зелёные листочки, которые мириадами пробиваются из весенних почек? И, может быть, поэтические, да и иные строки так влекут нас потому, что в них блики нас самих и тех, кто веками жил до нас, нечто постоянно-изменчивое, но уловленное поэтом и перелитое им в слова? И не будь этой повторяемости болей, кружева чувств, раздумий, были ли бы мы вообще способны понимать друг друга?

Однако поэт – не просто аккумулятор личных, хотя и созвучных миллионам чувств, но и своего рода окно в мир, синтез внутреннего и внешнего, становящегося в груди автора поэтических строк частью его собственного внутреннего, но уже не сугубо индивидуального мира. Потому-то вслед за цитируемыми строками мы слышим:

Я научился слушать тишину,
глаза прикрыв, в себя вбирая звуки.
Вот чей-то плач, мольба простить вину
вплетается в протяжный вздох разлуки.
Вот тайный шёпот перешёл на крик,
суровый окрик в коридорах власти.
А вот бормочет нежности родник
и опускает миг в бездонность страсти...
Забит мой череп, в камере тесно,
пока мы живы – память наша с нами,
и через душу в мир земной окно
я прорубаю этими стихами.

Стихами, эпиграфом к которым стали строки нашего же местного поэта Ивана Данилова «Череп мой – это камера пыток, узники – мысли мои...» (1, с. 131). Заметьте, Абдрахман Досов не боится показать читателю истоки своих собственных размышлений. Да так оно и должно быть, так и бывает многократно – ведь творцы поэтических строк, как и всё живое – ворсинки и нити выходящего из бездны тысячелетий полотна жизни, полотна, которое нашу индивидуальную память расширяет до границ памяти народной и общечеловеческой.

Так стоит ли удивляться, что эта память способна сохранить кадры, оставленные детством, но обретающие глубинный, недетский, полный символизма смысл при всей своей внешней обыденности и простоте? –

... мы строим новый дом,
Я на коне топчу солому с глиной...
Хрустят войной надорванные спины...
Рос дом, как в сказке, прямо на глазах...
Трудились дружно русский и казах,
седой Петро с далёкой Украины... (1, с.118)

Но... наступает время, когда единый «отчий дом» оказывается разделённым, и рождаются строки, безыскусные, но напоённые болью тысяч и тысяч ещё недавних соотечественников, так и названные «Граница»:

Не диссидент, не тать, не вор,
чтоб подаваться за «бугор».
Осталось всё за рубежом:
мои родные, отчий дом
и дорогие мне могилы
стеной граница разделила,
прошла она через меня...
Что ни затрону – всё болит,
хоть с виду цел, но инвалид...
Я стал сочувствовать Христу –
Распят на карте на версту. (2, с.9)

Нет, эти строки вовсе не отменяют любви к Казахстану, где уже более 30 лет живёт рождённый в России поэт. Вслушайтесь только, каким беспафосным, но таким тёплым чувством дышат слова:

... раскрыв молитвенно ладони,
мазар минуя на бугре,
возница аруахов вспомнит...
И дым кизячный из аула
вдруг за версту обдаст теплом.
Увидишь – бабушка проснулась,
колдует вновь над казаном. (1, с.113)

Здесь нет ни полслова о любви к Родине, к своему народу. Да они, эти специальные слова, и не нужны, ведь любовь эта разлита в звуках, в самом воздухе стиха, очарованного краем, где «выюги мчатся по степи на тройках». Но эта зачарованность неотделима от грусти:

Пишу, и тихо защемила грусть –
я Степь пою, а сын – ржаную Русь. (1, с.117)

Такая раздвоенность – от самой жизни. Абдрахман Досов рождён в Челябинской области, в 1946 году. Среднюю же школу закончил в Ленинграде. Три года прослужил в Советской Армии, в железнодорожных войсках. 15 лет проработал на Крайнем Севере. Так что, вспоминая свою «внешнюю» биографию, Досов вполне мог бы сказать, что он из тех, «чей адрес – не дом и не улица», а «Советский Союз». Что, впрочем, отнюдь не помешало ему остаться казахом. И не только остаться, но и реально, без

словесной трескотни внести посильную лепту в дело превращения культуры этого народа из «культуры в себе» в «культуру для мира». Изданная тысячным тиражом книга «Гортанные мелодии степи» (Костанай, 2004) представляет собой переводы произведений казахских авторов на русский язык. (3, сс. 20-21). И это – лишь одна из целого ряда книг, изданных в самых разных городах. В числе последних – выпущенная в 2011 г. книга А. Шаяхмета «Гуси-лебеди», большая часть переводов в которой принадлежит А. Досову.

Здесь можно было бы добавить, что Абдрахман Досов – «лауреат литературной премии меценатов и многих литературных конкурсов нашей страны, дипломант московского международного конкурса детско-юношеской литературы им. А.Толстого». (3, с.21). На московский конкурс, по словам самого Абдрахмана Сергалиевича, было представлено 980 работ из различных стран мира. Из казахстанцев особо отмечены были двое, и одним из них стал костанаец Досов. Обо всех этих достижениях неслучайно упомянуто вскользь и в конце статьи. Представляется, что, когда речь заходит о творчестве, главное заметить и высветить живое слово того, с чьим миром мы соприкасаемся, тогда как награды, звания, хотя и значимы, но всё же вторичны. Сколько ещё в недавней (да и давней) истории осталось тех, кто был осыпан и званиями и наградами, но чьи творения можно было бы вспомнить лишь как грустные штрихи к портрету той или иной эпохи?

И тут мы, опять-таки неожиданно, ведь, как обронил ещё В. Маяковский, поэзия – вся «езда в незнаемое», соприкасаемся с ещё одним поворотом – с темой многоголосости уже не казахской, а русской литературы, которую, когда речь идёт именно о литературе, как-то язык не поворачивается приниженно назвать русскоязычной:

... поляки, немцы, как всегда, евреи,
в своей душе носили русский слог
и на лугах одной большой Расеи
поэзии растили вешний стог.
Не оттого ли так она пахуча,
Глаза закрыв, вдыхай в себя дурман!

И в самом деле, чем больше культура, литература, поэзия, язык вбирают в себя из безбрежного мира людей, тем богаче они и тем сочнее их национальный колорит. И, кто знает, может быть, и те или иные строки нашего земляка станут капельками, влившимися в океан русской поэзии, возвысив тем самым и поэзию казахскую.

Но сами стихи поэта об этническом многоголосье русской поэзии заканчиваются не бравурно, а грустно:

Поэзия – судьбы счастливый случай
был... дан оправиться от ран.
«Служить бы рад, прислуживаться тошно» –
один девиз приверженцев пера,
и в бурном море славы суматошной
горьки и одиноки вечера. (2, сс. 4-5)

Горечь эта отчасти и оттого, что старая истина «талантам надо помогать, бездарности пробьются сами» слишком уж часто стала забываться в наше непростое время. Сколько у нас различных центров, чиновников, конгрессов и прочего, и прочего. Но и Досов, и известная своими успехами за пределами Казахстана наша землячка Суслова, стали известны за пределами Костаная прежде всего благодаря своей личной инициативе, а не поддержке тех, кто, казалось бы, кровно заинтересован в развитии культуры и «пропаганде» (простите за это официозное слово) достижений собственных народов. Здесь остаётся добавить только маленький штрих. Абдрахман Досов из-за нехватки средств так и не смог выехать в Москву для того, чтобы там лично получить награду.

Но поддержка – поддержкой, награды – наградами, а стихи – стихами. Да, как всегда и всюду, не все из них совершенны. Что-то – звучит как отзвук былых десятилетий (и могут ли искусство, как таковое, поэзия, как таковая, рождаться и крепнуть без этой переклички образов и созвучий?) ... Что-то может быть спорным, а что-то – просто незамеченным теми, кто нас окружает. Но сквозь книжные страницы проступают досовские «Фуги Баха»:

Звучал орган...
Душа парила,
тело невесомо...

Звучал орган,
утратив чувство страха,
я заглянул за вечности порог –
к торжественно плывущим звукам Баха
задумчиво прислушивался Бог. (1, с.129)

Вдыхаешь это – и забываешь: что первозданно, а что навеяно, что будет взлелеяно людскою славой, а что, словно полевые цветы, останется на периферии истории культуры. Если в Звуке и Слове есть хотя бы капли Поэзии и Правды, то раньше или позже всегда появится Тот, кто к нему задумчиво прислушается.

Литература:

1. Гортанные мелодии степи. (Поэзия, проза, драматургия, переводы с казахского). – Костанай, 2004.
2. Метроном. Стихи последних лет. – с. Октябрьское, 2002.
3. «Алтын дала тарих айнасында». – Костанай, 2011.

Запечатлено бывшее кистью

Большой интерес любителей живописи вызвала юбилейная выставка Виктора Келя, прошедшая в Доме художников г. Астаны. Виктор Матвеевич родился в Тульской области Российской Федерации. Но вся его сознательная жизнь прошла в Акмолинске-Целинограде-Астане, куда он приехал с родителями в 1956 г.

После окончания художественно-графического факультета Смоленского педагогического института в 1973 году он возвратился в родной Казахстан. И с этой поры неразрывно связан с Союзом художников города на Ишиме. Работу живописца ныне совмещает с преподавательской деятельностью. Виктор Матвеевич – доцент кафедры «Архитектура» Агротехнического университета г. Астаны. Здесь он преподаёт цикл изобразительных дисциплин и читает лекции по истории искусства.

Виктор Матвеевич Кель известен в Казахстане и многих странах бывшего Союза как живописец-пейзажист, а также как мастер портрета и натюрморта. Художник с любовью и восхищением относится к окружающему нас миру. Большинство его пейзажей посвящены родному краю – это цветущие весной степи с их голубизной озёр и табунами лошадей, ярко-красочные закаты, неогляд-

ные дали, пронизанные нитями больших и малых рек, яркая радуга после дождя и ослепительно оранжевые крыши сельского пейзажа на закате.

Его также интересует пейзаж родного города, где он рос в акмолинской «слободке» и был свидетелем того, как менялся облик родного города в течение его жизни. Эта тема ему очень близка и особенно волнует.

На выставке много пейзажей нашего города – современного, многоэтажного, и особенно старого Целинограда и Акмолинска с его двориками, улочками и кинотеатрами, которые ярко живут в его памяти. Этому посвящены многие его работы. Художник любит рисовать и портреты, на которых предстают окружающие его современники – друзья, родственники, студенческая молодёжь. Использует живописец различные материалы – масло, пастель, акварель. Особенно любит акварель. Эта техника требует от художника исключительного мастерства, глубокого чувства и внимательности. Акварелью талантливый художник работает много и в различных жанрах.

Виктор Матвеевич отличается неиссякаемым трудолюбием. Несмотря на годы, он продолжает по-юношески восхищаться окружающим миром и радовать ценителей живописи всё новыми и новыми впечатляющими полотнами, раскрывающими яркие грани его самобытного дарования.

Это подтвердила и очередная персональная выставка Виктора Келя «Души прекрасные порывы...», открывшаяся 15 марта 2012 года в Российском центре науки культуры и ставшая важным событием в культурной жизни столицы.

Кстати, многие картины талантливого художника находятся в частных коллекциях любителей изобразительного искусства не только в Астане и других городах Казахстана, но и в России, на Украине, в Грузии, в странах Прибалтики, а также в Великобритании, Чехии, Турции, Германии.

Даметкен БЕКОВА,
искусствовед.

г. Астана.

Виктор КИЯНСКИЙ

Евразии лик в общих звуках

Казахско-русский ассоциативный словарь

В сентябре 2010 г. в очередную годовщину Дня языков народов Казахстана НДП «Нур Отан» и Президентский фонд развития государственного языка провели «круглый стол» по проекту Государственной программы функционирования и развития языков на 2011-2020 годы, разработанной Министерством культуры. Лейтмотивом обсуждения было то, что государство сегодня создаёт все возможности для постепенного овладения казахским языком всеми гражданами, а для развития языков этносов, проживающих в Казахстане, создаются все условия наибольшего благоприятствования.

Одним словом, условия есть, препятствий нет, но зачастую препятствием являемся мы сами, ибо изучение языка требует усилий, убеждённости и необходимости освоения новых технологий позитивного восприятия и настроения.

Наша республика формирует, культивирует, возвращает, лелеет комплиментарное отношение к языкам. Проводится мысль о том, что они – листья на одном древе жизни, у них есть много общего не только в звуках, смысле, но и в том, что они выполняют одну функцию – налаживания отношений, общения, обмена информацией, а не раздора. Даже язык противников никогда не был оружием, а наоборот – богатством, которым овладевали для повышения конкурентоспособности. Сегодня нет ни одного языка в мире, который бы не впитывал, как губка, живительную влагу мирового разума, а тем более языков соседей. И этот фактор может использоваться как позитивная мотивация для поиска общей методической основы в ориентации с детских лет на общее позитивное звуковое поле.

Народы Евразии, и не только казахи и русские, в недавнем прошлом жили, не имея пограничных столбов, и в языках тоже. Есть много убедительных фактов, что, в частности, казахский и русский языки – от одного алтайского корня, вышедшие из алтайского «детского сада» народов. Веками живя рядом, люди не могли не создавать рациональную среду общения, понятную без переводчика. Выступая недавно в Колумбийском университете, наш выдающийся поэт Олжас Сулейменов выразил очень точную мысль: «Постепенно мы узнаём о себе в прошлом, о том, что все мы вышли из одного корня: все народы, все люди».

После выхода книги «Аз и Я» для многих у нас в республике и далеко за её пределами поэт стал _стаз (учителем) евразийства и великим _ста (мастером) поэтического и философского смысла слов, и его уста уже не одно десятилетие глаголят истину, которая расшатывает устои ранее существовавших мифов и предубеждений. Более того, его ассоциативный метод в изучении казахских и русских слов в старинных литературных источниках перерос за рубежом в самостоятельное научное направление – «метод ментальных карт», когда

при изучении слова одного языка не противопоставляются другому, а наоборот отыскивается их звуковое и смысловое сходство для лучшего запоминания. Эта методика широко и эффективно используется в других странах.

Первые упоминания об эффективности применения метода фонетических (звуковых) ассоциаций (МФА) идут от профессора Стенфордского университета Р. Аткинсона. Он и его коллеги предлагали группе студентов, изучающих русский язык, запомнить слова, применяя «метод ключевых слов», в то время как контрольная группа запоминала те же слова традиционными методами. «Ключевые слова» у Аткинсона – это слова, являющиеся фонетическими (звуковыми) ассоциациями к запоминаемым словам, слова-созвучия.

Например, созвучным словом к английскому слову look (лук) «смотреть» будет русское слово «лук». Ассоциативный сюжет может звучать так: «Не могу **смотреть**, когда режу лук». Сюжет необходимо составлять для того, чтобы примерное звучание слова и его перевод оказались как бы в одной связке, а не были оторваны друг от друга, и появилась бы образность. Созвучное слово необязательно должно полностью совпадать с иностранным, достаточно созвучной части. Например: MESH (меш) – петля, ячейка. Созвучными могут считаться слова: «мешок» или «мешать», или «мешкать» – как больше нравится. В зависимости от выбранного созвучия сюжеты могут быть такими: «петля мешает выбраться», «замешкался в петле». Важно, чтобы остальные (вспомогательные) слова в сюжете были по возможности нейтральными, не вызывающими ярких образов. Таких слов должно быть как можно меньше для того, чтобы при воспоминании не перепутать их с ключевыми.

Метод фонетических ассоциаций как метод запоминания иностранных слов становится всё более и более популярным в мире, но, к сожалению, в изучении казахского языка пока применяется мало, хотя является благодатным полем для этого.

Российский исследователь Александр Драгункин не без веских оснований считает, что многие русские слова являются близкими «братьями» английских и немецких слов. Более того, он разработал методику изучения английского языка, основанную на звуковом и смысловом сходстве ряда английских и русских слов. В его методике используется около 3000 английских слов, имеющих совпадающее значение и практически одинаковое произношение с русскими словами. В качестве показательных примеров приводятся слова small (маленький) и skate (кататься), хорошо сочетающихся с русскими словами *мал, смала, кататься и скатиться*.

Поддерживая эту методику, хочу сказать, что в Казахстане уже перебросили более длинный мостик к казахским словам с этими корнями, которых не единицы, а вереницы. Целое поколение казахстанцев воспитывается на прекрасной книге немца Герольда Бельгера «Казахское слово», которая показывает неимоверное богатство казахских слов и их глубокие корни в мировой культуре. В прошлом году вышла великолепная книга сенатора Адила Ахметова «Т бі т ркі ркениет», где представлены целые тематические таблицы сходства звучания казахских слов со словами

коренных народов Америки, что может активно использоваться в преподавании.

Такие же однозначные ассоциации можно проследить в словах **ру** (род), **рух** (дух) и **рухнет**. Казахское слово **ру** (род) является важнейшим в мироощущениях степняков. С него часто начинается знакомство: «Вы из какого **ру**?». Это идёт от обычая, что нужно знать свою родословную минимум до седьмого колена, свято соблюдая принципы «жеті ата», уменьшающего генетические риски. Со звука «**ру**» начинается казахско-русско-украинское единение в слове **рух** (дух, настроение). Используя казахские и русские слова, можно сказать понятную для всех фразу: «Если люди не помнят **ру** (род), а у народа отсутствует **рух** (дух), то всё рухнет, будет рушиться, если **руха** нет». Это ценно помнить сегодня, когда идут интеграционные процессы, призванные на новом витке истории возродить **рух** (дух) единства вокруг великих целей, и делать это должны люди, у которых чистые руки и души. Чистые дела **рук** отражают светлый спокойный **рух** (дух)! Даже в Германии **ruhig** (руихь) – спокойный!

А сколь удивительна ассоциативная переключка на уровне архетипических образов в словах: мама, маматай, ана, апа, отец, папа, ата, тятя, ке, батя, баба, тётя, т те. Уже сколько веков при их использовании переводчики не нужны! В этом контексте, если вдуматься в строчку «**жили- были дед да баба**», можно предполагать заилённую историю наших общих звуковых корней: **жыл** (год), **биыл** (этот год), **да** (тоже, также), **баба** (дед, предок). Выстраивается тот же ассоциативный смысл, что и в современном русском звучании. Вспомним также слово **мыжылыу** (быть помятым, сдавленным). **Мы жили** и стали помятыми. Или **б ле-жала** (беды, несчастья) – **были-жили**. И таких фраз можно привести сотни, а слов – тысячи.

Мне так хочется в словах **ел** (страна) и **ель** (вечнозелёное дерево) услышать двойное эхо от названия алтайского «праздника дерева» 25 декабря, когда дерево, как стрела, указывало путь к свету, к Солнцу, что ночь будет убывать, а день прибавляться. И с тех пор вечнозелёная **ель** каждый год указывает путь к Солнцу, рождает веру и надежду для многих народов и стран в лучшее будущее. И неслучайно, что экологическое развитие страны мы видим через программу «Жасыл **ел**» (зелёная страна), а **йел** (женщина) – вечная основа красивой страны, а **уелгіде** (первоначально, прежде), **ауели**, где первоначально был Великий Эль у Алатау. А ещё мне очень по душе, что Герольд Бельгер находит эти корни в слове **Коктебель**: «Этимология этого слова просматривается ясно: «**К к т белі ел**» – «Страна (край) голубых холмов! Поэтично!».

Столь же символично слово «**ана**» (мама) звучит на русском во всём женском роде «**она**» и всех тех, кто составляет семью – он, она, оно (дитя), а у казахов «ана тілі» – язык матери (государственный язык) нуждается в многонациональной поддержке, чтобы многие могли с гордостью сказать: «аза тілі – мені! тілім» для представителей всех наций и народностей живущих на земле Казахстана, где наши и **Отан**, и **Отчизна**, и **Отечество**, которые от одной основы.

В последние годы наука существенно продвинулась в изучении вопросов работы мозга. Открытия, сделанные недавно, показали, что

человеческое мышление обладает тремя фундаментальными характеристиками: мышление по своей природе ассоциативное, радиантное, холистическое.

Ассоциации – это когда одно слово, образ, ощущение вызывают цепочки других слов, образов, ощущений. Ассоциации – это своеобразные «крючки», которые связывают между собой единицы информации.

Радиантное мышление – это природная склонность мозга мыслить ассоциативно от «центра к периферии». Подобно тому, как устроено дерево: от ствола отходят крупные ветви, которые в свою очередь разделяются на более мелкие, затем листья.

Холистическое мышление подразумевает стремление мозга к целостному восприятию информации.

В конце 60-х годов 20-го века англичанином Тони Бьюзенем была разработана новая методика мышления, получившая название «ментальные карты». Их начали широко использовать в самых разных сферах при «мозговом штурме» задач индивидуально или в составе творческих команд. Такого рода приёмы можно эффективно использовать и при изучении языков, а также для поиска ассоциативной звуковой близости слов из разных языков, которые оказываются очень близкими и по смысловому значению. Так могут пересекаться существительные одного языка с прилагательными или глаголами другого и, конечно, их попадание в одну ментальную карту не является научным утверждением о происхождении одного из другого. Просто появляется основа для более глубокого исследования. В ряде случаев – это просто любопытное звуковое совпадение, а в других – это действительно общие корни, заилённые временем. При изучении казахского языка с удовольствием применяю ассоциативную методику, которая позволяет быстрее и чётче запоминать казахские слова, если нахожу русский смысловой аналог. Так в процессе изучения рождались казахско-русские смысловые блоки, если хотите, «запоминалки», которые абсолютно не претендуют на «филологический продукт» и на утверждение, что из чего вышло. Однако для меня они важные элементы поиска общего звукового поля, в котором развивались евразийские языки. Причём такими упражнениями может заняться каждый и найти свои «открытия», поскольку радиантное мышление каждого человека неповторимо и каждый может проложить свою тропинку.

Для хорошо знающих казахский язык эти ассоциации в ряде мест могут показаться наивными, неуместными, фантастическими, ненаучными, абсурдными и не соответствующими глубинному, изначальному смыслу слов. Оправданием может служить лишь то, что эти сравнения казахских и русских слов сделаны для улучшения запоминания, а не для обоснования их происхождения. Подтверждением может быть то, что даже в 60-летнем возрасте за короткий период можно быстро выучить более тысячи слов.

Следует также иметь в виду, что языки следует изучать с позитивным настроением, с юмором и шутками, настроенными на комплиментарную волну, как с хорошими закадычными друзьями. Будем помнить, что там, где не пробиться с серьёзным видом, легко пройти

с доброжелательной улыбкой. С детства целесообразно не слишком «засушивать» и «занаучивать» методы, а делать это играючи, подталкивая раскрепощённое воображение казахстанских евразийцев. Итак, в путь за ассоциациями на благо изучения казахского и русского языков, взвешивая их на **безмене** словарей между **біз** (мы) и **мен** (я) или беря невидимый **кентарь** – безмен с точкой опоры, где **ке!** (широкий), а **тар** (узкий), и в этом вам поможет ассоциативный казахско-русский словарь – плод моего воображения.

Айналайын

Казахский язык, как и другие тюркские языки, отличается от европейских не только количеством гласных, но и законом сингармонизма – так называемой гармонией гласных. Если в русских словах сочетаются как твёрдые, так и мягкие звуки (гласные и согласные), то в казахском языке твёрдый или мягкий корневой звук определяет твёрдость или мягкость всего слова.

Однако мне хочется говорить не о звуковых различиях слов в разных языках, а об их общих звуковых сходствах, на которые косвенно указал, к сожалению, рано ушедший из жизни Владислав Маркович Иллич-Свитыч (1934–1966) – автор «ностратической» теории лингвистики. Согласно этой теории существовали древнейшие системы языков, давших основу развития всех современных языковых групп. Иллич-Свитыч выделял «ностратическую» семью языков, куда относил индоевропейские, тюркские, уйгурские и семитские языковые группы.

В соответствии с этой методикой для того, чтобы убедиться в родстве, к примеру, славянских языков, никакой реконструкции, в принципе, не нужно, ибо многие слова имеют близкое звучание и смысловое значение.

Когда хотят доказать родство языков, используют так называемую «базисную лексику» – слова, которые должны быть в любом языке, каков бы ни был уровень культуры говорившего на этом языке народа. Это местоимения, названия элементарных действий, частей тела, явлений природы, названия животных, тотемных слов, приветствий.

Если языки родственны, то слова из базисной лексики в них будут иметь общее происхождение. Для того, чтобы доказать, что слова в разных языках имеют общее происхождение, необходимо установить как выглядело в языке-предке то слово, от которого они произошли, и сформулировать правила тех звуковых изменений, которые произошли в языках-потомках. Одним словом, по чертам в характере и облике внука угадать черты деда. Ещё более интересная задача найти нечто общее от облика деда в двоюродных братьях в третьем или десятом колене.

При всей сложности этих задач наличие компьютеров и новых моделей радиантного мышления и ментальных карт позволяют подходить к их решению.

Конечно, звуковые изменения происходят регулярно, например, «ол» между согласными переходит в «оло» или даже с изменением букв. Однако, если в языках есть слова, унаследованные от языка-предка, то между

ними будут наблюдаться регулярные звуковые соответствия. Именно с этих звуковых соответствий романтически смотрю на казахский и русский языки. Хотя кое-кто говорит, не **береди** прошедшее, а я вспоминаю вдруг слово **береді** и **берді** (давал) – и это действительно даёт результат.

Таким образом, для того, чтобы доказать родство нескольких языков, необходимо показать, что между ними есть регулярные соответствия в базисной лексике. Незначительная реконструкция казахских и русских слов позволяет открывать их глубокую архетипичность и сходство.

При системном рассмотрении последовательности некоторых слов удаётся быстро устанавливать связь и запоминать их.

Айна (зеркало). **Ай, на** зеркало смотри, и оно всё расскажет.

Айналы (зеркальный). **Ай, на лик** зеркальный смотрю.

Айнам (милая, светик мой). **Ай, нам** милая мила.

Айнымау (быть похожим, быть вылитым). **Ай, не мой** ли такой вылитый?

Айнаш (милая). **Ай, наш** светик милая.

Я взял лишь пять слов из более чем двадцати, содержащих «айна», которые даже без существенной реконструкции чётко синхронизированы с русскими словами.

Но мне очень нравится ассоциативная близость слова **айналайын** в реконструкции «**ай, на лай он**», милый, отвечает. Почти как разбивка единой древней руны на смысловые кусочки, что в современной транскрипции может звучать «ай, на говор он милый и ласковый».

Да, с давних пор в казахском языке есть универсальное ласковое слово настроенности на комплиментарность – «айналайын». Вот как об этом сказал Герольд Бельгер:

«Богатое звучное казахское слово «айналайын». Сколько в нём оттенков, от умиления, ласки до лёгкого укора и даже до язвительной насмешки. Бесконечная гамма чувств! Переводят обычно: «милый (-ая), дорогой (-ая), хороший (-ая)» и т.д. Но всё это лишь бледная тень мягкого, звучного, нежного «айналайын».

Олжас Сулейменов своему известному стихотворению «Айналайын» предпослал объяснение: «Обращение к дорогому человеку – айналайын. «Кружусь вокруг тебя» – подстрочный перевод. «Принимаю твои болезни» и «Любовь моя» – смысловые переводы. Поистине: слово одного языка не покрывает слова другого языка».

А мне в этом слове слышатся звуки некогда единого алтайского языка, который стал основой для евразийского многообразия языков и диалектов.

На нём как на ниточке нанизаны ассоциативные «камешки», которые сверкают в слове оттенками умиления, ласки, укора и насмешки, о которых говорит Г. Бельгер. Беру из казахско-русского словаря последовательность слов:

. Ай, айна, айнала, айналайын.

. Ай (луна, месяц; окрик, которым обращаются к людям, чтобы привлечь их внимание, призвать к порядку; укор, упрёк; сомнение, неуверенность; э,эй, ей-ей).

. Айна (зеркало, чистый, ясный, ясно).

. Айнала: (1) в сочетании с именем – место вокруг кого или чего-либо, окрестности, 2) среда, окружение, кругом, вокруг, повсюду, круговой.

. Лай (грязь, глинистый раствор, грязь как лечебное средство).

. Айналайын (миленький, милый мой! голубчик!).

Из этих слов выстраиваются ассоциации, о которых говорят уважаемые писатели.

Однако и человек мыслящий по-русски может тоже увидеть разорванные ассоциации этого слова: «**Ай, на лай он** милый; **ай, не лай – на тебе**».

В древней степи трудно допустить, что могли не пониматься звуки этого фундаментального слова.

Есть ли в русском языке звуковые «кусочки», создающие аналогичные ассоциации? Возьмём по словарю Д.Н. Ушакова:

. Ай (выражение упрёка или укоризны, то же с оттенком иронии ай-ай-ай [аяй]); выражение боли или испуга.

. Ай на (ай, на это зеркало смотреть).

. Лай (ругань, брань людей; крик собаки, короткие отрывистые звуки).

. Ин (частица для выражения уступки, вынужденного согласия, в значении ну, пожалуй, ладно. «Ин, быть по-твоему»).

И получается, что длинное слово «айналайын» было понимаемо на подсознании, на уровне ассоциаций одинаково всеми:

Ай, на лай ин ласково реагируй, милый;

Ай, на лай ин быть по-твоему.

Ай, на лай он (ин) кружатся вокруг тебя.

При перебранке милых и любимых эти звуки есть и сегодня на всём евразийском пространстве, а особенно в России, на Украине, в Казахстане. Может быть, кто-то увидит отзвук этого слова и в современной евразийской конструкции:

Ай, не лай на меня, дорогая.

А слова приветствия, доверия и пожеланий!

С древних времён у казахов и русских слово «аманат» одинаково звучит и одинаково обозначает «доверенное на хранение, заклад, обязательство». И реконструкция тоже говорит об этом – «**а манит** этот заклад многих».

А слово «аман» (здоровый, благополучный, свободный) в лёгкой реконструкции может звучать – а маню это к себе и другим, приветствуя утром: «Амансы! ба!».

«**А мани сын** Божий» – здоровье, благополучие, что доверено на хранение Всевышнему. Может быть, отсюда и игровая русская конструкция: «**А мани сына** Божьего в свои **манки**».

Без перевода ясен русскому смысл дуплета «**аман-есен**» (благополучно), ибо реконструкция проста: «**А мани, ясен** и благополучен пусть будет день».

Лиричный Есенин на подсознании угадывал ассоциативную близость и красоту последовательности: **есен-ясен-яшень-я синь – осени**.

Думаю, что нет большой натянутости в реконструкции «**аман-сау**» (жив-здоров) в последовательность: «**А мани, сея** здоровье». Или «**аманшылы**» (благополучие, благоденствие, мир и спокойствие): «**а мани же лик** благополучия и мира». И, конечно, если **богат ты**, то наверняка **ба ытты** (счастливый) и **ба ыттау** (дать направление, указать путь).

Сколько лиричности и схожести в пожелании «**кем быть и кем быть ты должен**» – **ымбат** (дорогой, ценный, драгоценный) и **ымбатты** (дорогой). Эта одинаковость, наверно, ещё с Алтая... Впрочем, а что обозначает само слово «Алтай», которое в казахском и русском языках имеет близкое звучание?

Большинство исследователей связывают это слово с тюрко-монгольским **алтын, алтан**, что значит золото.

Академик Владимирцев считает, что это древняя монгольская форма того периода, когда у монголов употреблялся суффикс –и. Доктор Мурзаева предполагает, что **Алтай** – это изменённое **Алатау**, что значит пёстрые горы (Кузнецкий Алатау, Заилийский Алатау).

Выдающийся академик В. Радлов приводит возможный вариант: Ал-тай – высокие горы. А мне так и хочется увидеть в этом Алла-тай (Божья гора, Аллаха гора). Там, где Тенгри (небо) сливается с горой и во время восхода идёт алый свет, и живёт Алла, приносящий на землю свет. В древности слово «Алла» у алтайцев означало «дающий и забирающий». Поэтому люди подставляли ладони к Тенгри (небу), произнося: «Алла» от «ал» (рука). Всё это было за тысячи лет до ислама и арабов. Недаром ведь и сейчас на иконах алтарей Божество изображается с золотым нимбом. По мере того как солнце быстро восходит над горой в течение нескольких минут, **алое тает**, превращаясь в алтын – золотой шар. А то, что рядом добывали золото, подтверждало видимое. Так, над **Алатау алое тает** каждый день, но тайна не тает, растекаясь по тайге, напоминает о Всевышнем, отражающемся в голубизне Байкала – **Байк л** (Богатое озеро), напоминая о вечном и бренном. Говоря об Алатау-Алтае, не будем забывать красивое слово алау (пламя), которое тоже напоминает нам об алом свете. И неслучайно, что с Алтаем связывается духовный центр любви и света – Шамбала. Это место, где сфокусирована Воля Бога и откуда воплощается Его божественный Замысел. Отсюда с Шығыс (Востока) он делает первые шаги и уходит туда, где Батыс (Запад), опускаясь в Алатырское (Балтийское) море, где алое тырится.

А название нашей столицы Астана также пронизано евразийской символикой. Как доказали археологи и историки, здесь было одно из древнейших городищ – стан на оживлённом пути из Азии в Европу. **А, стана**

место проросло через века в прекрасный город **Астана**, где всех казахстанцев **стан** – **Казахстан**. **Астаницы** в России и на Украине – яркие свидетели нашей общей истории.

Ты богат, пока вокруг такая **табигат** (природа), где ты бегать можешь, только это надо уметь видеть, слышать и чувствовать. В такой природе рождались и жили бога туры – богатыри, могущие поднять алатырь у Тархана и взойти на алтарь...

Очень интересные ассоциации возникают в словах-дуплетах, если внимательно приглядеться.

Апыл- пыл (наспех, наскоро, торопливо, второпях, тяп-ляп). **Апыл купил** будто второпях.

Апыл-г пыл (наспех, тяп-ляп). **Апыл губил**, делая тяп-ляп.

Апыр-ай (междометие выражает удивление, радость, неудовольствие, отчаяние; о! да-а! ой! боже мой!). **А пёр ай** боже мой.

Апырап-тапырап (торопливо и неуклюже). **А пёр он, то пёр** он торопливо и неуклюже.

Апырау-ау (о! да-а! ой! Боже мой!). **А пыр ау, ау** сделал боже мой.

Апыр-топыр (все разом о торопливом и беспорядочном действии). **А пёр, то пёр** торопливо и беспорядочно. Если беспорядочно, то **топырится**.

Почему так разветвились два сегодняшних языка? Наверное, потому, что русский язык несколько раз в силу исторических причин и его близости к Европе существенно модифицировал свою алтайскую языковую традицию, а новая грамматика сильно заретушировала в словах их древние корни. Так слово «языгъ» стало язык. Наиболее системно литературный русский язык был представлен академиком В.К. Тредиаковским в 1735 году на заседании Российской академии наук, что должно было облегчить понимание друг друга народами, входившими в огромную империю, и сплотить её. Однако и до наших дней реально на обширных просторах существует фактическое двуязычие. Официально государственным языком «межнационального общения» в России является русский язык, а в семьях и на бытовом уровне используется мордовский, татарский, хакасский, башкирский, алтайский, казахский, угро-финский и многие другие языки. Это облегчалось тем, что русский язык, как губка, впитал всё лучшее, что было в алтайской языковой традиции, и многочисленные народы в его звуках слышали свои архетипические слова, употребляемые каждый день: аркан, арка, аршин, алтарь, армяк, алтын, арба, атаман, булат, барак, борик, баба, борщ, бор, баян, деньга, дума, дом, дар, дуда, епанча, ель, зипун, икона, кафтан, каша, колбаса, карандаш, кол, лыко, лапа, лань, монастырь, май, малахай, мама, нары, нерест, очаг, пай, папах, рух, сарай, суп, товарищ, товар, таможня, тюрьма, уют, урюк, урка, ура, устав, шалаш, ши, шуба, янтарь и сотни других слов, одинаково понимаемых на всём евразийском пространстве.

Кто-то сегодня возрождает Великий шёлковый путь, кто-то единое экономическое пространство, а я возрождаю для самого себя музыку общих звуков, завораживающих своей первозданностью и чистотой.

Это не случайность, а аукающаяся закономерность некогда единого звукового поля, и слова на букву «а» в моём ассоциативном словаре – чёткое

тому доказательство. В словаре Е.Н. Шиповой «Тюркизмы в русском языке» в качестве общих слов на букву «а» признаются:

Аба, абаз, абазы, абатур, абдраган, абыз, авдан-сыры, ага, агаш, адам, адрыс, аё, аёв, аю, азым, аир, айва, айда, айдате, айдаком, айдар, аймак, айран, айтыс, акжылан, аклей, аксакал, акын, алабор, алага, алам, аламанский, алань (елань), алап, алар, алафа, алача, алачуга, алаша, алашить, албатый, алдыром, аллах, алмаз, алпаут, алтабас, алтын, алый, алым, алыма, алыр, алырты, алыча, альник, альчик, аман, аманат, амбар, анаша, анга-сыры, ангич, андарак, анжиган, апайка, арай, арак, арба, арбуз, аргал, аргали, аргамак, аргасун, аргаш, аргыш, аргун, ардыш, аркалык, аркан, архар, армуд, армяк, арса, артачиться, артель, архалук, арца, арча, арчак, аршан, аршин, арык, арьян, аскер, ата, атай, атаман, атара, атлан, атлас, аул, аулык, ахун, ашаты, ашу, аяй. Но на самом деле их сотни.

Из Евразии пошли по свету прирученные и одомашненные кони. Лошадь понесла отсюда лихих всадников в другие края, и застучали колёса повозок, управляемых лихими амазонками. И, конечно, это не могло не найти отражения в языках, где слово ат (лошадь) обозначает одновременно имя. И более того, однокоренное производное слово атты (имеющий коня, человек на коне, конный) подчёркивает диалектическое единство имени степняка и коня, что в русском языке реконструируется в атты (от-ты) и **ад ты** для противника Атиллы на коне. В русском языке слова ат (лошадь), ата (предок), ату (стрелять, кидать), атаман (атаман), ата (слава) употребляются с незапамятных времён, что показывает не только единство происхождения слов, но и единство моделей мироустройства и приоритетов. Для подтверждения этого тезиса обратим внимание не только на прямое совпадение значений этих слов в казахском и русском языках, но и совпадение значений реконструкции казахских слов с корнем «ат» русскими одинаково звучащими кусочками.

Удивительное получается сходство:

Ата -абырой (хорошая репутация). **А так, а брой** голову и иди в бой за хорошей репутацией.

Ата-баба (предки). **Тата баба** – стали предками. **А та баба** – предок.

Ата-тек (происхождение, родовые корни). **Ата тэк** с Алтая, и там его родовые корни.

Атайы (знаменитый, известный). **А тай** знаменитого нашли. А утай знаменитого.

Ата (слава, имя, известность). **А так** достигается слава и известность через **атаку**.

Ата -да! (слава, известность). **А так дан к** славе. А та? Данко достиг славы.

Ата ты (прославленный, знатный, именитый). В **атаке ты, а так ты** прославленным станешь.

Ата тылы (известность, знаменитость, знатность). **Атака – ты лик** известности и знатности. **А так ты лик** известности и знатности получишь.

Атала (болтушка). **А талая** болтушка. **А толок** – и стала болтушка. **А таяла** и стала болтушка, когда её болтала.

Аталас (родственник, человек, имеющий одного предка). А то лаз, **ата лаз** родственников уже сделал, а ты не лазь от трёх до семи колен с кем-либо. **А телись** корова и для родственника. [Лаз – то же, что лазейка. Лазейка – узкое отверстие, через которое можно пролезть].

Аталасты (родство от третьего до седьмого колена). **Ата, лаз ты так** делал, до седьмого колена ты туда лаз не имей.

Аталау (твердить «ата-ата», звать на помощь деда). **А то лаю, ата лаю**, чтобы звать на помощь деда.

Аталгы (топор с вогнутым лезвием). **А то лги, ата, лги**, что лезвие есть у топора.

Атал-сатал (грязный). **А тал стал** грязный. **А тот ли стал** таким грязным?

Аталу (называться, именоваться). **А тали** так тебя именовать? **А стали** так называться.

Аталы (имеющий деда, благородный, имеющий хорошее начало, хорошую основу). **Ата ли** определил хорошую основу?

Аталы (отеческий, отцовский, мужской). **А то лик, ата лик** во всём отцовском.

Аталыну (называться, именоваться). Мой **ата, льну** к нему, чтобы именоваться сыном.

Атаман (атаман). **Атаман** был командиром, отцом мужчин и – **ата мне**.

Ат-арба (подвода, конь и телега). **А та арба** – это конь и телега.

Атастыру (помолвить детей с самых ранних лет, сговорить вдову за родственника). **Ата стыри** сказал, помолвив детей с самых ранних лет.

Ат-ата (слава и звание, имя и степень). **А та атака** принесёт славу и звание.

Ататыру (называть условным именем в знак уважения к родственникам мужа). **Ата тырю** имя, называя тату условным именем.

Атату (заставить, вынудить кого-либо, называть что-либо и как-либо). **Ата, а ту** сноху заставь называть тебя другим именем в знак уважения.

Атау (называть, именовать). **А той** называть тебя другим именем в знак уважения.

Атаушы (называющий, тот, кто называет что-либо). **Ата уши** – тот, кто сообщает тате вести.

Атауыз (рисунок казахского орнамента). **Ата узы и узоры** казахского орнамента.

Аташ (родной мой дедушка). **Аташка**, мой родной. А ты же дедушка, ай на лай на мою ласку.

Атбегі (специалист по тренировке лошадей). **А отбеги** от лошади, специалист. **А ты беги**, специалист.

Атбегілік (специальность по тренировке лошадей). **А от бега лик** специальности по тренировке лошадей.

Атеке (батюшка, тятенька). **А теки**, тятенька, по реке жизни дальше.

Атжал (огрех, гребень скирды). **А то жаль**, если огрех, где **ат жал**.

Ат-жара (доспехи, снаряжение воина-всадника). **А то жар как** даёт от снаряжения.

Ат-к лік (подвода; буквально конь и телега). **А то калекой** станешь, под подводу попал. **А то колики** начнутся на подводе.

Ат-к ші (лошадиная сила). **А ты кушай** – и тогда будет лошадиная сила.

Ат ару (исполнять, выполнять, приводить в исполнение). **Ад кару** исполнит. **А ту кару** приведут в исполнение.

Ат арушы (исполняющий, исполнитель). **А то каруши** в исполняющем кару.

Ат арылу (быть исполненным, выполненным, исполняться). **А открыли** исполнение кары. **Ад корили** за исполнение кары.

Ат у (выбрасываться с силой, бить фонтаном, хлынуть жидкости). **А току** жидкости не было преград.

Ат мар (любитель коней). **А ты кумир**, любитель коней.

Ат ылау (постреливать, бросаться камнями, бить фонтаном). **А откель лай**, где постреливают?

Ат ыш (метко стреляющий, стрелок). **Ад, кыш** – стрелок говорит. **А ты кыш** в ад – так делает метко стреляющий.

Атой (наступление, натиск, атака). **А той** за атакой той будет.

Атойлау (атаковать с кличем, криком). **А той лау** с кличем.

Атпал (сильный, крепкий). **А отпал** этот сильный. В **ад пал** крепкий.

Аттай (целый, полный, забилося сердце). **От той** забилося сердце.

Аттам (шаг – как мера длины). **А отдам**, хотя **ад там** в шаге. Очень символично, что **адам** – тоже шаг. Шаг – это шаг (адам) к Адаму и аттам (шаг), где **ад там**. Человек сам определит свой путь шагами и их **отдам**.

Аттамалы (неполный, нецельный, поверхностный). **Ат** (лошадь, стрела). **А та мала** и неполная.

Атгандау (бить тревогу, кричать «аттан»). **Ада тень дау** и бью тревогу.

Аттану (отправляться в путь, выступать в поход). Я не **оттяну** отправление в поход.

Аттау (шагать, перешагивать). **А от той** горы шагаем.

Аттеріс (запретные слова, табу). Поэтому женщины применяют иносказания. **Ототрись** иносказательными словами. **А ты трись** иносказаниями.

Ат-тон (всё необходимое для всадника – конь и одежда). **А ты тон** подбери в коне и одежде.

Атты (имеющий коня, человек на коне). Единство **ат и ты**, имеющий коня, стало атты. Конь – это твоё ты.

Аттылы (всадник). **А ты тылы** охраняй, всадник. Всадники **Аттылы** в **тылу** ждали команду на атаку после пехоты.

Ат-шана (санная подвода). **А те сани** в санную подводу с хорошей лошастью.

Ату (стрелять, расстреливать, кидать, бросать). **Ату** его и стреляйте.

Атылу (быть застреленным, расстрелянным, быть брошенным). **А тело** расстрелянного брошено в **тылу**.

Атылыс (извержение, взрыв). **А телись**, извергай телёнка.

Атымен (совсем, вовсе). **А ты меня** совсем не замечаешь. **Отменно** действуешь, совсем не замечаешь.

Атынды (выброшенное кверху или наружу). **А тын где**, выброшено наружу.

Атырап (окрестности, край, местность). **А ты раб** этой местности, и **оторопь** берёт.

Атыру (не смыкать глаз). **А тру** глаза, не смыкая глаз.

Атыс (перестрелка, пальба). **А, тыс**, тихо идёт перестрелка.

Атыс-шабыс (сражение). **А тысячи спшиблись** и друг друга ушибли.

Атыспа (перестрелка, поединок на луках). **А ты спокоен** будь в перестрелке.

А теперь приведу всего маленькую часть слов из более чем пятисот, которые есть в словаре, выходящем в издательстве «Дастан».

Аба (накидка из домотканой шерстяной ткани). **Аба** в русском языке – это толстое и редкое белое сукно, из которого делают накидки.

Абай (осторожный, осмотрительный). **А бай** богатый потому, что осмотрительный.

Абайлау (быть осторожным, осмотрительным, замечать, примечать что-либо). **А бай лай** слушает, и поэтому осмотрителен.

Абжылан (змея, чаще в образном значении). **Абы желанен** был я **желанной** змеюшке. В русском языке есть также слово акжилан – змея.

Абыз (жрец, власть, предсказатель, мудрец). **А без** власти нет управления.

Абыржу (растеряться, оторопеть, прийти в замешательство). **Абы ржал** и **ржу**, когда приходят в замешательство.

Абырой (авторитет). **А брой** голову для авторитета, как делали мудрецы. А бородой хвастайся.

Абырой-ата (доброе имя, почести и слава). **А брой** голову – и в **атаку**.

Ага (старший брат, старший по возрасту человек, старший). У русских **ага** – синоним **да**. Ага, я понял.

Ағыл (двигаться потоком, двигаться лавиной). **А гул** был, когда вода шла потоком.

Адай (адаевская лошадь). **А дай** эту лошадь мне или продай.

Адам (человек). **А дам** жизнь человеку, сказал Бог. **Адам** и Ева – первые люди сада Эдема.

Адамсыну (считать себя человеком, важничать). **Адама сыну** дано считать себя человеком.

Адастыру (ввести в заблуждение). **А да стырю** факты и введу в заблуждение.

Адыра (вытаращенный, выпученный). **А дурак** ты с вытаращенными глазами.

Адырлы (грубость, неотёсанность). **А дур лик** в грубости, **а дыр лик** тоже.

Ажал (смерть, смертный час). **А жаль**, что смерть пришла.

Ажар (цвет лица, вид, облик). **А жар** виден в хорошем цвете лица и облике.

Ажарлау (украшение, шлифовка). **А жара лай** в украшении. На шее это стало **ожерельем**.

Ажар-сымбат (красота). **А жар сам быть** должен в красоте. **А жар самобытен** в красоте души.

Азамат (гражданин, молодец). **А за мать** гражданин постоит.

Азгындау (вырождаться, деградировать, развратничать). **Асгинь даю** тому, кто развратничает.

Азгынды (распутство, распущенность, вырождение). **А сгинь, дик** ты в распущенности.

Азыра (маловато, совсем мало, немного). **Азыркаю**, если маловато. **А зырк** и зырк, если совсем мало. **А, зорок**, если маловато.

Ай (луна, месяц). **Айды-айынша** (каждый месяц). **Ай, айда, ай** и наша луна каждый месяц приходит.

Айбалта (секира, серп). **Ай, болтай** меньше, а то язык отрубим.

Айбындылы (доблесть, внушительность). **Ай, банды лик** доблестный виден.

Айда (ну-ка, айда!). **Айда** куда-нибудь.

Айдар (хохол, вихор). В русском языке – это круглая казачья стрижка под чуб-**айдар**. **Ай, дар** в виде хохла.

Айдау (гнать, перегонять, высылать, ссылат, пахать, вспахивать). **Ай, дай** ему и надо ссылат его. **Ай, даю** ему пахать.

Аймала (нежно ласкать). **Ай, мала** она – и надо нежно ласкать.

Айту (говорить, сказать). **Ай, ту** фразу надо сказать.

Айыру (разрыв, разрез). **Ай, ору**, если разрез.

А - ара (правда и кривда). **Ах, кара** за правду и кривду.

А сырау (испытывать потребность в молочных продуктах). **А к са-раю** надо идти, чтобы удовлетворить потребность в молочных продуктах.

А ылсыздан (глупеть, дуреть). **А, коль** создан, то будешь глупеть.

А ылшы-стаз (наставник). **А, коль ещё уста** есть, то это наставник.

Ала ай (возглас радости, восторга). **А, лакай** молоко с восторгом. В словаре В. Даля «алкать», «алкаю», «алчу» – голодать, быть голодным, томиться от голода.

Алайту (широко раскрывать, таращить глаза). **А лайте** – и широко будет раскрывать глаза.

Алапа (военная добыча, трофей). **А, лапа** добыла трофей. (В русском языке лапа это и рука).

Алапай-талапай (беспорядок, хаос, неразбериха в вещах). **А, лапай, то лапай**, если неразбериха.

Алау (пламя, красный). Пламя **алое**.

Алау далау (покраснеть, опухать). **Алое дала** опухоль.

Алжы (выживать из ума). **А лжи** сколько, видно, выжил из ума.

Аллалау (взывать к Аллаху). **Алла лаю**, простирая руки и взываю к Аллаху.

Аллашыл (богобоязненный, искренне, истинно верующий). **Аллах жил** с нами – в это верю искренне.

Алым-берім (обмен подарками). **Калым берём**, когда идёт обмен подарками при женитьбе.

Альну (быть взятым, взиматься, быть полученным, быть натёртым, сбитым). **Альну** к сбитому.

Алып (великан, исполин, сильный, мощный). **А лип** сильный к девушкам.

Алысты (дальность, дальность родства, дальнейшее родство по нисходящей линии). **Али стык** родства есть, **али стыка** нет?

Алысу (драться, бороться, хватая друг друга). **А лезу драться!**

Амал (действие, поступок, деяние, хитрость, уловка, находчивость). **А мал** да удал он в поступках. **А мал** он – и поэтому такой поступок.

Аманат (доверенное на хранение им для передачи третьему лицу, заклад, обязательство). С давних времен на Руси **аманат** – это залог, полученный кем-либо, а ещё долг, должник. **А манит** этот долг должника.

Ана (мать, вон, та, тот, те). **Ана** стала в русском языке **она** – вон та и лирично закрепились в имени **Анна**. «А, на нан», – говорит мать с первых шагов.

Анада (тогда). **А надо** тогда идти, если **ана** (она) зовёт.

Анадай (такой). **Ана** (она), **дай** такой нужный мне предмет.

А!гал (простосердечный, доверчивый, неосмотрительный, наивный). **Ангел** и есть доверчивый, наивный.

А!гар (ущелье, горная теснина, русло реки). Река **Ангара** как зверь, рычащий с горы, а огромный **ангар** похож на ущелье.

А!галдану (быть простаком, доверчивым, неосмотрительным). **Ангелу дано** быть доверчивым, неосмотрительным.

А!ыру (быть в недоумении, растеряться, оторопеть). **А нору** не увидели и растерялись, когда зверь исчез в ней.

Апай-топай (беспорядочно, суматоха, сумятица, беспорядок). **Апай, топай** беспорядочно в суматохе. **Апай, то пай** в суматохе.

Апа-сапа (суматоха, сумятица). **Апа, сопи** тихой **сапой** в суматохе.

Апалау (звать мать, кричать «апа»). **Апа лау** и зову мать. **А пылаю** от нетерпения и зову мать.

Апару (относить, отводить). **А пару** дай и отнеси на пару.

Апыл- пыл (наспех, торопливо). **А пил** и **купил** торопливо, наспех.

Апыл-тапыл (еле-еле, неуверенно). **А пил-то пил** и еле-еле шёл.

Апыр-ай (боже мой, ой). **А пёр ай** как, боже мой.

Арай (заря, зарево). **А рай**, где встаёт заря.

Арайлау (озарять, освещать). **А раю лаю**, когда озарение и свет.

Ара мар (любитель выпить, алкоголик). **Арак – кумир** у алкоголика.

Аран (1) пасть, рот, зев хищных зверей; 2) ловушка из копий; 3) заострённый кол). **А ран** много нанесёт заострённый кол в пасть.

Арандалу (напороться на аран, на колья ловушки). **А рану дали**, напоровшись на аран.

Арда (почитаемый человек). **А редок** дар этого почитаемого человека.

Артыл (погрузиться, навьючиться). Когда **артель** идёт по тайге с навьюченными лошадьми. **Ар тыл** – навьючиться.

Арыш-тал (изнемогать, обессиловать). **А роптал**, когда изнемогал.

Асам (горсть пищи, которую можно сразу положить в рот). **А сам** эту горсть пищи положу в рот.

Ас азан (желудок). **А с казана** начинается то, что попадает в желудок. Желудок похож на **казан**, где идёт переваривание пищи. **А сказано** будет от желудка.

Аспалы (висячий, подвесной). **А спали** дети в подвесной люльке.

Астамсыту (держаться высокомерно, подчёркивать своё преимущество, относиться пренебрежительно). **А с тем сытым**, что относится пренебрежительно, не общайся.

Астар (подкладка, подкладочный материал). **А стар** уже подкладочный материал.

Астарлату (подшивать подкладку, говорить иносказательно). **Астёрла ту** подкладку, и её надо подшивать. **А старую латать** вещь и подшивать подкладку.

Астарлы (материал подкладочный). **А стар лик** материала подкладочного.

Асыл (предки, род, происхождение). **А сил** взял от предков и происхождения.

Асылы (лучше, всего, вообще-то, пожалуй). **А силы** когда есть, то лучше всего **осилю** всё.

редік (редко). **А редко** ты вспоминаешь общую историю

Конструкции русских слов создаются с помощью предлогов, приставок. Хотя, конечно, есть суффиксы и окончания, которые регулируют «родовые» и другие отношения (синий, синяя, синее).

В казахском языке нет предлогов и приставок, но есть суффиксы и окончания, а казахские слова формируются «с головы», если уподоблять их железнодорожному составу. (В столе, на столе, у стола передаётся одним словом **стелде** – на столе).

Несмотря на то, что русский и казахский пока относят к разным семьям, между ними имеется много общего: значительная часть гласных и согласных звуков, многие грамматические категории (лица, числа, падежи), лексико-семантические единицы и многое другое.

Казахские слова состоят из достаточно легко выделяемых мелких значимых элементов – морфем. Морфема – это минимальная значимая часть слова. Среди них различают корневые морфемы (т **бір**) и аффиксы (**осымша**). Аффиксы в зависимости от значения делятся на суффиксы (ж_рна) и окончания (жалғау).

Например: Бас – Бас-шы – Бас-шы-лар. Иногда конструкции близко звучащих слов очень сильно пересекаются, например, русское **уйди** и казахское **йде** (дома). И пойми фразу: **Үйди йде** (уйди домой). Поэтому есть исключения в заимствованном префиксе (приставке). Бей (би), встречающийся, например, в словах: бейресми, бейшара, бейуа ыт, беймаза, бейк н , бейтарап, бейтаныс.

Иногда в слове могут находиться два и более словообразовательных аффикса, например, в словах: жеке-ше-лен-дір-у, к п-ші-лік-тер-і-міз-де. А эти кусочки очень похожи на отдельные слова в русском языке типа к п (копи), к пші (копишь), лік (лик), тер (тёр), і (и), мізде (мзда), де (де, да).

Если применять эту реконструкционную логику к казахским словам, то возникает очень много ассоциативных образных конструкций, что наглядно видно в букве « э ».

бжіл (быстрый, проворный, быстро). Быстро **обжил** он дом.

дді (возможность). **Иди**, если есть возможность.

демі (красивый). Красиво, как в саду **Эдема**.

демілеу (придание красивого вида). **Иди, милая**, прихорошись. **Э, да милая**.

деп (учтивость, вежливость). Этот **адепт** проявлял учтивость.

дет (привычка, обыкновение). По обыкновению он **одет** хорошо, и это ему **идёт**.

зіл (шутка). **А зол** он шуткой.

йда (идём). **Айда** в лес! **Эй, да** идём в лес.

йдай (ну и ну, пошёл разговор). **Эй, дай** ему.

кетай-к кетай (ласкательное обращение к мужчине). **Экой той кетке** ласковые слова.

мір (приказ, распоряжение, владыка). **А мир** получил приказ эмира.

пер (доставать, обрести). **А спёр** ты эту вещь. **А пёр** ты километра три, чтобы доставить.

редік (редко, изредка). **А редко** ты бываешь. А реденько растут деревья.

сершіл (легко поддающийся впечатлению, легковозбудимый). **А серчал** он быстро.

спет (почёт, уважение), **спетте** (почитать кого-либо). **А спеть** ему надо. А спета его песенка.

уей (легкомысленный, ветреный, сладострастный). **Ау ей**, и пусть меня помнит.

Продолжение в следующем номере.

Галим КУДАЙБЕРГЕНОВ

Янтарный край: путешествие во времени и пространстве

Более десятка академиков и членов-корреспондентов Российской сельскохозяйственной академии, столько же профессоров калининградских вузов встретились на научной конференции, которую проводил Калининградский НИИ сельского хозяйства в июле 2011 года в посёлке Славянском, прежде называвшемся Фухс-Хоффеном.

Отрадно отметить, что среди собравшихся было довольно много бывших казахстанцев, а если учесть, что многие не смогли приехать, можно сделать вывод: это конференция казахстанских учёных с приглашением россиян!

Среди участников я встретил земляков: профессорскую чету Ю. и Э.Паракшиных, которая до середины 90-х годов прошлого века в Целинном филиале Казахского НИИ почвоведения разрабатывала рекомендации по освоению солонцов.

Да и сам директор института Николай Буянкин – выпускник агрономического факультета Целиноградского СХИ (ныне аграрно-технологический университет им С.Сейфуллина). После института долгое время работал в бывшей Тургайской области, а потому многое нас связывает. Трудились на одной опытной станции, защищали кандидатские диссертации в один день, на одном учёном совете. И вот новая встреча, спустя почти четверть века, уже в ранге докторов наук. Подобное не забывается!

Разместили нас в гостинице «Охотничий дом», построенной в начале XX века. По всей видимости, здесь находились охотничьи угодья какого-то прусского вельможи. Тихо, красиво, уютно.

Темы докладов, с которыми выступали директора НИИ, были самыми разнообразными и чрезвычайно интересными, особенно для меня, так как я уже более двух десятилетий занимаюсь практической деятельностью.

Среди участников конференции были учёные из Белоруссии, Германии. Казахстан представлял только автор этих строк. Любопытно, что свои оценки сегодняшнему состоянию аграрного сектора области дали бывший первый секретарь Калининградского обкома КПСС Ю.А. Семёнов и бывший губернатор области адмирал В.Г. Егоров.

Моё выступление вызвало интерес у участников конференции, что было отмечено ими в ходе заключительной дискуссии, а также на страницах областной газеты «Калининградская правда» в статье «Штральзунд – Славянское – Астана». Поэтому считаю необходимым изложить его краткое содержание.

«Исторически сложилось так, что в Казахстане с огромной территорией более 2,7 тыс. кв. км (девятое место в мире) и населением более 16 млн. человек политические, экономические, социальные изменения происходили в исторически короткие сроки. Так, практически в течение жизни одного поколения коренное население Казахстана – традиционные кочевники (номады) в 20-30 годах прошлого столетия ценой невероятных человеческих жертв и страданий из-за принудительной коллективизации, изъятия скота и последовавшего за ним голода перешли к оседлому образу жизни.

Для внедрения в сознание людей новой идеологии, а для государства – создания своей экономики территория Казахстана была превращена в огромный ГУЛАГ, чему во многом способствовали неисчерпаемые природные богатства республики.

Сюда депортировались корейцы с Дальнего Востока, немцы Поволжья, поляки, украинцы, белорусы, некоторые народы Северного Кавказа и т.д.

В Казахстан выслались неугодные системе люди, среди которых достаточно много было представителей научно-технической и творческой интеллигенции.

Умирая от голода в Саратовской тюрьме, не терял надежды попасть в Карлаг академик Н.И.Вавилов. По существу в Карлаге в те годы был аграрный НИИ, в котором, отбывая наказание, продолжали заниматься научной деятельностью известные учёные: В.С.Пустовойт, Н.В. Тимофеев-Рясовский и многие другие, а также будущий автор книги «Архипелаг ГУЛАГ» и нобелевский лауреат А.И.Солженицын.

А недалеко от тогдашнего Акмолинска находился женский лагерь «АЛЖИР» – Акмолинский лагерь жён изменников Родины, где вместе с жёнами известных политических деятелей и военных отбывали срок певица Лидия Русланова, впоследствии одна из авторов почвозащитной системы земледелия и лауреат Ленинской премии А.А.Зайцева.

29 августа 1949 года на Семипалатинском ядерном полигоне было проведено испытание первой атомной бомбы, которая была вдвое мощнее и почти в два раза меньше по объёму и массе американской. Ровно через четыре года здесь была испытана первая термоядерная – водородная бомба. В общей сложности за 40 лет было произведено 456 атомных взрывов суммарной мощностью 2500 Хиросим. От испытаний ядерного оружия пострадало, получив различные заболевания, 1,5 млн. человек. Почвы загублены на 300 лет. В результате подземного испытания образовалось единственное в мире искусственное озеро «Атом-Коль» – «Атомное озеро».

С казахской земли с космодрома Байконур был запущен первый в мире искусственный спутник Земли. Отсюда стартовал первый космонавт планеты Ю.А. Гагарин.

Недалеко от этих мест в несколько раз уменьшилось Аральское море – произошла небывалая мировая экологическая катастрофа...

Все эти фантастические перемены с непредсказуемыми всевозможными последствиями происходили, можно сказать, на глазах одного поколения!

Земледелие республики за половину века стремительно прошло все этапы своего эволюционного развития, на которые обычно тратятся столетия.

О наличии огромных земельных ресурсов на Востоке знали благодаря походу Ермака Тимофеевича. Позже благодаря исследованиям Русского географического общества, проще говоря, разведывательного отдела Генерального штаба российской армии, где на службе состояли генералы и офицеры М.В.Певцев, Н.М.Пржевальский, П.К.Козлов, Чокан Валиханов и многие другие, эти земли были описаны, обследованы и занесены на карты.

Начало масштабного освоения степных просторов было положено Столыпинской реформой, прерванной революцией. Звёздный час пришёлся на середину XX века. Пережив ветровую, частично водную эрозию, Казахстан первым на территории бывшего СССР, пашня которого занимала более 200 млн. гектаров, внедрил почвозащитную – природоохранную систему земледелия, которая ныне на исторически переломном этапе совершенствуется на базе накопленного опыта и традиций, возрождаясь в свете современных требований экологии и экономики.

Итак, 1940 год. Площадь посевов в Казахстане – 5,8 млн. гектаров, производство зерна – 2,5 млн. тонн. В период освоения целины (1954-1960 гг.) посевные площади возросли до 24,6 млн. гектаров, а среднегодовой валовой сбор зерна достиг 17,3 млн. тонн.

18 млн. гектаров земель было распаханно за 1954-1955 годы.

Однако вскоре в Северном Казахстане начала стремительно развиваться ветровая и водная эрозия почв. Только за 1962-1963 годы зерновые погибли от эрозии на площади 3,9 млн. гектаров. Общий недобор зерна колебался в пределах 2,7-3,0 млн. тонн.

Решение об освоении целины было принято на февральско-мартовском 1954 года Пленуме ЦК КПСС. Этот же политический орган в марте 1967 года принимает решение «О неотложных мерах по защите почвы от ветровой и водной эрозии».

На высшем политическом уровне страны осознали опасность грозящей экологической катастрофы. Это послужило основой модернизации зернового хозяйства на целине, оснащения её новыми почвообрабатывающими машинами и орудиями, основанными на опыте Канады, где подобная природная катастрофа была пережита в 30-х годах.

В Целинограде (ныне Астана) были созданы мощности по производству противоэрозионной техники. Теоретической базой машиностроения стала почвозащитная система земледелия, разработанная коллективом учёных ВНИИ зернового хозяйства (Шортанды) во главе с академиком А.И.Бараевым и удостоенная Ленинской премии 1972 года.

С внедрением новой, по-современному – инновационной технологии, валовой сбор зерна с 1966 до 1989 годов постепенно увеличивался с 21,2 до 24,7 млн. тонн при относительно стабильном уровне посевных площадей 23,8-24,6 млн. гектаров.

После распада СССР наступил кризис, который не обошёл стороной зерновое хозяйство Казахстана, его товарность составляла до 70 % против 40 % в среднем по СССР.

В абсолютном большинстве (до 90 %) производилось продовольственной пшеницы, которая по своему качеству относилась к категории сильной с высоким содержанием клейковины до 42 % и протеина 14 %.

В период кризиса (1998 г.) посевные площади сократились до уровня 13,5 млн. гектаров. Производство зерна упало до 6,4 млн. тонн.

Тем не менее даже при таком мизерном уровне производства зерна имелись его излишки. Частично это можно объяснить резким сокращением поголовья скота. Но главное, что в Казахстане лишь единицы знали о существовании мирового рынка зерна. Ведь республика занималась только его производством и поставками внутри страны.

Весь зерновой бизнес Союза монопольно принадлежал одной структуре – Всесоюзному объединению «Экспортхлеб» в Москве – а это «тайна за семью печатями».

Вот с таких позиций, располагая морально и физически изношенной техникой, на фоне социального напряжения (не следует забывать, что Казахстан – многонациональная страна), начало возрождаться земледелие, и не только. Следует учесть, что коренное население составляло тогда чуть более половины его численности в республике.

Произошли эти изменения исключительно благодаря радикальным рыночным реформам, которые были быстро проведены в стране. Ныне Казахстан вошёл в десятку мировых государств-экспортёров зерна, а по экспорту муки стал одним из его лидеров. Как результат, в 2011 году посевные площади составили 16 млн. гектаров, а валовой сбор зерна – почти 30 млн. тонн.

Суть реформ: земля находится в собственности государства, но она передана в аренду частным лицам сроком на 49 лет. На ней ныне трудятся фермеры, крестьянские хозяйства с площадью посевов от нескольких сот до нескольких тысяч гектаров. Они платят чисто символический налог, освобождены от всех видов бухгалтерских отчётов.

Существуют ТОО, образовавшиеся на базе бывших колхозов и совхозов с площадью пашни в несколько десятков тысяч гектаров, с которых учиняется спрос по всем финансово-бухгалтерским правилам и законам.

Наконец, крупные зерновые компании, которые размещают свои посевы на сотнях тысяч гектаров. Последние две группы – основные производители зерна».

Итак, Калининград – бывший Кёнигсберг. Об этом городе я слышал с детских лет, когда держал в руках боевую награду моего любимого дяди Бижана – медаль «За взятие Кёнигсберга». Здесь он встретил День Победы. «Услышав эту долгожданную новость, всю ночь стреляли в воздух, от чего краснели стволы автоматов», – вспоминал дядя.

Как известно из исторических источников, кровопролитная Восточно-Прусская операция осуществлялась с 23 января по 10 апреля 1945 года

войсками третьего Белорусского фронта под командованием маршала А.М. Василевского. Указ об учреждении медали вышел 9 июля 1945 г. Этой награды были удостоены 760 тысяч солдат и офицеров, большее количество людей было награждено только медалью «За взятие Берлина» – свыше 1 млн. воинов.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны героизм советских воинов отмечался медалями: «За освобождение Белграда» – 70 тысяч, «За освобождение Варшавы» – 690 тысяч, «За взятие Будапешта» – 350 тысяч, «За взятие Вены» – 270 тысяч, «За освобождение Праги» – 395 тысяч.

Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» было награждено около 15 млн. человек – представители всех союзных республик и народов, воины всех родов войск и всех должностных категорий, начиная от рядового.

Калининград до 4 июля 1946 года именовался Кёнигсбергом.

Город основан в 1255 году, когда немецкие рыцари короля Оттокара II, увидев на высоком берегу реки Прегель укрепления пруссов, захватив и разрушив их, построили крепость, дав ей звучное имя Кёнигсберг (Королевская гора).

Рыцари покорили земли язычников – пруссов, часть которых погибли, другие бежали в Литву, третьи, приняв христианство, жили в мире с новыми господами. И осталось от них на этой земле одно только имя Пруссия, давшее позднее название крупнейшему европейскому государству – Прусскому королевству.

Удобное расположение, мягкий климат, открытый выход в Балтийское море – всё это давало хорошую возможность завоевателям проникать в глубь богатого Земладнского края.

Рыцари пригласили в свои новые владения колонистов из разных немецких земель. Первые из них стали жителями средневековых городов вокруг крепости Кёнигсберг.

Первый город Альтштадт основан в 1286 году, второй – Лебенихт – в 1300, третий – Кнайпхоф – в 1327 году. В те времена существовала поговорка «Альтштадту – власть, Кнайпхофу – роскошь, Лебенихту – земля». Города часто конфликтовали между собой. И только в 1724 году по приказу короля Фридриха Вильгельма I, спустя пять веков, три города окончательно объединились в новый большой город Кёнигсберг, соединившись между собой мостами через реку Прегель.

С самого начала образования Пруссии и Кёнигсберга их величие определяли Королевский замок – крепость, собор и порт, благодаря чему удалось сохранить и приумножить богатство города и края до середины XX века.

По решению Потсдамской конференции (1945 г.) Кёнигсберг с прилегающей к нему территорией (около 1/3 бывшей Восточной Пруссии) отошёл к СССР, другая часть была передана Польше. Таковы факты истории.

После капитуляции Германии всё немецкое население было выселено из Пруссии. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль

категорически был против принятия их в западной зоне оккупации, в то время как И. Сталин принял новых поселенцев в советской зоне.

Невозможно представить себе ужас и трагедию людей, спешно покидавших без вещей многовековые места обитания, которые теперь уже занимали переселенцы из центральной полосы и севера России.

В результате штурма Кёнигсберга город был разрушен более чем на 90 %, в том числе погибли исторические памятники архитектуры, главным из которых являлся Королевский замок, который строили в течение нескольких веков, начиная с 1257 года.

В августе 1944 года древний замок был сильно разрушен налётами английской авиации. Но ещё долгие годы после штурма Кёнигсберга возвышались развалины древнего замка, определяя облик центральной части города.

Для советских партийных идеологов они олицетворяли прусский милитаризм. В то же время общественность Калининграда хотела сохранить разрушенный замок как исторический и архитектурный памятник.

По личному указанию Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И. Брежнева в 1969 году остатки замка снесли, сровняли с землёй. Так город потерял свой самый главный исторический памятник. На его месте ныне стоит безликое громадное строение из бетона.

Среди многочисленных памятников архитектуры, украшавших замок, выделялась церковь, построенная в 1594 году, башня которой была самой высокой в городе.

Для каждого жителя она была дорогим сердцу символом столицы края и до последних своих дней хранила древние традиции.

Смотритель башни должен был извещать горожан о пожаре и вывешивать зажжённый фонарь со стороны огня. Эта традиция исчезла с появлением телефона.

Но оставался ещё один удивительный и трогательный обычай. В течение веков жители города дважды в день слышали хоралы, звучавшие с башни замковой церкви (хоралы – форма религиозных многоголосых песнопений, получивших особое развитие у католиков и протестантов).

Каждое утро в одиннадцать часов в сопровождении ансамбля тромболистов над городом разносились звуки хорала: «Не оставляй меня Твоею Милостью!». А в 9 часов вечера хорал звучал с другим текстом: «Да успокоятся леса.... Чтоб с новым днём смириться тем, что предначертано Всевышним!». С галереи замковой башни разноголосо пели тромбоны, и в затихшем в эти минуты уличном шуме казалось, что музыка раздаётся с далёких небес.

Веками хоралы звучали над городом. В последний раз их слушали в августе 1944 года перед началом налёта английских бомбардировщиков. После ужасной бомбардировки 29-30 августа роскошная жемчужина превратилась в груды развалин.

На дворцовой площади было возведено много монументов государственным деятелям, при которых происходило объединение Германии. В

их числе кайзеру Вильгельму – на пьедестале он стоял в парадной форме с короной на голове, на плечах – накидка из горностая, в правой поднятой руке – меч.

Рядом памятник Отто Бисмарку, который почти в течение двух десятилетий был рейхсканцлером Германии, где ведущая роль принадлежала Пруссии.

Отправленный в отставку из-за разногласий с императором, через несколько лет он был вновь избран в сейм, но ни разу там не появлялся. Бисмарк изображён в военной форме, выразительно повернув голову в сторону своего императора.

На мозаичном полу надпись: «Мы, немцы, боимся Бога и ничего больше!». Выдающимся памятником архитектуры готики является само здание собора. Первоначально многие опасались, полагая, что собор станет соперничать с Королевским замком, и лишь специальная грамота о том, что он будет соответствовать своему храмовому назначению, не имея никаких военных приспособлений, позволила начать его строительство 13 сентября 1333 года, продолжавшееся около полувека.

Главным достоянием собора был орган, состоявший из 5400 труб и 62 регистров, который заиграл в 1721 году. В январе 2008 года в Кафедральном соборе зазвучал новый орган.

Внешне он является точной копией прежнего, сгоревшего во время бомбардировок, но сам инструмент стал намного мощнее и современнее. У него теперь 6500 труб и 90 регистров.

Это самый большой орган не только в России, но и в Европе, на концерты которого билеты приобретаются заранее. Оно и понятно. На нём играют лучшие органисты мира.

В 1523 году в соборе состоялась первая евангелическая проповедь. Пруссия стала первым государством, где лютеранское вероисповедание было признано официальной религией. Произошло это при герцоге Альбрехте Гогенцоллерне, который основал Кёнигсбергский университет, открытый в 1544 году.

«Альбертина» – так назывался университет, давший миру много знаменитостей, среди которых особое место принадлежит Иммануилу Канту. Именно ему собор обязан своим спасением. Собор пощадили ради гробницы великого философа. После войны усыпальницу Канта заботливо отреставрировали. На надгробье постоянно лежат цветы. Мы с академиком Петром Харченко – директором ВНИИ сельскохозяйственной биотехнологии и моим земляком – он тоже родом из Уральска, в незнакомом городе нашли цветочный магазин и отдали дань уважения великому гражданину мира.

В шагах десяти от места, где покоится прах Канта, стояла его родная «Альбертина».

Почти всю свою жизнь основатель немецкой классической философии провёл в Кёнигсберге. Кант родился четвёртым ребёнком в небогатой семье шорника Иоганна Канта 22 апреля 1724 года.

После гимназии и университета он 9 лет работал в провинции домашним учителем. После возвращения в Кёнигсберг до конца дней своих был связан с университетом – в 1788 году он стал ректором «Альбертины».

Благодаря Канту Кёнигсберг носил гордое звание «Города чистого разума».

Выдающийся мыслитель был уникальной личностью. Педантичный философ больше всего ненавидел неточность и необязательность. Никогда не женился, оставаясь холостяком и ведя замкнутый образ жизни. Отвергал всё, что могло помешать его привычкам.

Когда наступало время его легендарной прогулки, кёнигсбергцы могли проверять точность своих часов. Обычно он гулял в одиночестве, с опущенной под тяжестью дум головой, по одному и тому же маршруту, по так называемой «философской тропе».

Кант был точен во всём. Даже в определении времени собственной смерти. Он предсказал, что умрёт в 80 лет – и не нарушил своего слова. Кант скончался в 1804 году. Ещё при жизни стал известнейшим мыслителем Европы. Его учение о категоричном императиве (учение о нравственности) означало не что иное, как абсолютную убеждённость в моральной значимости этого мира. Его завещание можно прочитать на каменной доске: «Две вещи наполняют душу всё новым нарастающим удивлением и благовоением и чем чаще, тем продолжительнее мы размышляем о них – звёздное небо над головой и моральный закон во мне...».

... Невозможно за несколько часов осмотреть город. Мы прошлись всего лишь по его центру, вернее, увидели только то, что сохранилось от былой красоты и величия Кёнигсберга. Вся площадь была забита экскурсионными автобусами из Германии, а немецкая речь здесь порой звучала чаще, чем русская.

Кёнигсберг одновременно – жертва и суровое предупреждение непомерным амбициям военщины, которая в период первой и второй мировых войн использовала территорию Пруссии для нападения на соседние страны: Польшу и Россию.

Как бы мы ни спешили и ни торопились, пройти мимо рыбного базара просто невозможно. Такое изобилие морепродуктов – для гурмана настоящий рай.

После чего едем на Куршскую косу, которая с 1987 года является государственным природным национальным парком России.

Мне удалось побывать во многих уголках земного шара, которые вызывают изумление и восхищение. Одной из таких достопримечательностей по праву считается Куршская коса – узкая полоска суши между Балтийским морем и Куршским заливом, протянувшаяся на 97 километров от города Зеленоградска (Россия) до Клайпеды (Литва).

Около пятидесяти километров косы принадлежит России. Куршская коса с незапамятных времён была туристической Меккой Европы с её живописными бескрайними песчаными пляжами, «поющими» под ногами, как и знаменитые австралийские «Золотые пески». Правда, здесь я не заметил серфингистов, которыми полны австралийские пляжи.

Хвойный лес на косе меняется лиственным. Реликтовые великаны уступают место кустарнику. Равнина внезапно переходит в высокие холмы.

Пустыня, напоминающая Сахару. Здесь проходили съёмки знаменитого фильма «Белое солнце пустыни».

Лоси, кабаны, изящные косули... Трудно поверить, что всё это способно уместиться на крохотной, открытой ветру и волнам, зыбкой полоске суши. Куршской косе посвятили свои восторженные строки многие поэты и прозаики. Все калининградцы живут в ожидании того же туристического бума, который ныне характерен для литовской части Куршской косы. Что принесёт это хрупкому природному равновесию заповедной территории? Вопрос пока открытый.

Несмотря на ветер, мы с академиком Иваном Храмцовым – директором СибНИИСхоза из Омска, как-никак оба сибиряки, не сдержались и искупались. Вода была тёплая и пресная. Вот тебе и Балтийское море!

Несколько дней, проведённых на конференции, пролетели быстро, оставшись лишь в памяти.

Если у нас бескрайняя степь, то там трава по пояс и лес, но скота нет. Как сетовали на конференции ветераны края бывший первый секретарь обкома КПСС и адмирал-губернатор: «Многие сельскохозяйственные угодья превратились в болота. Около 40 % заросло лесом. Прежде 90 % пашни были мелиорированными, теперь всё сведено к нулю. Как бы не пришлось поднимать новую целину! На западе России!».

«У нас на Вологодчине со скотом положение лучше, но лес наступает со всех сторон», – сетовал академик Евгений Тяпугин – директор Северо-Западного НИИ молочного и лугопастбищного хозяйства, с которым мы нашли общую тему разговора – животноводство. Правда, он до мозга костей «молочник», расхваливал всю прославленное своё вологодское масло.

«Лучше расскажи, какие передачи носил в «Матросскую тишину» Василию Стародубцеву?» – добродушно подшучивали над ним академики, хорошо знавшие Евгения Александровича. (В. Стародубцев – один из членов ГКЧП в августе 1991 года). «Да, что было – то было, я не раскаиваюсь», – отвечал им Тяпугин.

Была у нас ещё одна особая душевная тема: творчество знаменитого вологжанина, поэта Николая Рубцова. Когда я процитировал ему:

«До конца, до тихого креста

Пусть душа останется чиста», – Женя удивился: «Откуда казахи знают нашего Николая Рубцова?».

В недавнем состоявшемся телефонном разговоре, покалякав о том о сём, неподражаемым вологодским говором он сообщил: «По возвращении домой сходил на могилу Николая и положил цветы от тебя!».

В смутные 90-е годы прошлого века многие люди, поддавшись паническим настроениям, «подняли паруса» и покинули Казахстан, откуда их никто не выселял. Некоторые обосновались в Калининградской области, где ни они, ни их предки никогда не проживали, забыв простую истину: «Никто никого нигде не ждёт!».

Мои коллеги, участники конференции, просто удивлялись, что водители особенно тепло относились ко мне. «Мы же казахи, а он – наш аксакал», – шутили ребята. Это великое чувство благодарности. Несмотря на то что они уехали из Казахстана, по-прежнему сохранили душевное отношение к нашей стране и её народу!

Водитель, провожавший меня в аэропорт, когда я улетаю в Астану, тоже оказался бывшим земляком. Он приехал за мной значительно раньше назначенного времени, чтобы предложить мне небольшую экскурсию.

Прошло шесть с половиной десятков лет, как из этого края Пруссии выселили немцев, а их дома заняли новосёлы из России. Здесь до сих пор сохраняется порядок, существовавший веками. Прямолинейные дороги, ведущие к каждому дому. Лесные полосы из дуба в один-два ряда. Дома, правда, обветшали, но и в них до сих пор сохранился прежний лоск и блеск, а сделанные позже и наспех из силикатного кирпича – абсолютно не вписываются в прежнюю градостроительную гармонию. К сожалению, много заброшенных, бесхозных домов.

Иногда встречаются отреставрированные. Здесь порядок всюду. Техника, животные, огороженный земельный участок. «Тут живут наши, – пояснил водитель-земляк. – Это дом казаха, там живёт киргиз, а здесь – узбек». Вот это да! Оказывается, здесь, на западе России, новосёлы присваивают себе этнические названия мест, откуда они прибыли. Многие из них немцы. Есть и русские, татары, корейцы, даже самые настоящие казахи. «Местные нас не особенно жалуют», – сетовал парень.

Наши здесь «пашут» всюду. Это видно сразу. Живут прилично, обустроивая новые места проживания, что не нравится коренным. Хотя раньше все были равны, одинаковы.

«Стояли заброшенные дома, но их никто не брал и ими никто не интересовался. Теперь у каждой халупы собственники появились. Цены растут. Желающих приобрести обветшалые постройки, которые трудно назвать жильём, становится меньше. Не по карману! Вот и стоят они, медленно разваливаясь на глазах, – огорчённо пояснил мой добровольный экскурсовод. – Как хочется съездить в Алма-Ату. Посмотреть мой город. Наверно, не узнаю его. Говорят, сильно изменился, стал намного красивее?!».

... Калининградская область в составе Российской Федерации была образована 7 апреля 1946 года. В течение двух лет шли тотальная эвакуация немецкого населения из всей Пруссии и заселение этих мест поляками и русскими.

Мало кто знал, что всего лишь в 100 км от Кёнигсберга на территории современной Польши располагалась главная штаб-квартира Гитлера, где фюрер провёл почти безвыездно три самых напряжённых года второй мировой войны – почти 800 дней и ночей. «Волчье логово» современные исследователи окрестили смесью монастыря и концлагеря. Ни одна из его ставок не была укреплена так старательно и не охранялась так тщательно, как эта.

Первый раз Гитлер приехал сюда в радужном настроении 24 июня 1941 года. Покинул 20 ноября 1944 года в 3.15 утра на личном спецпоезде

«Бранденбург», отправившись в тяжёлых раздумьях в Берлин. 24 января 1945 года «Волчье логово» было взорвано в ходе операции «Инзель Шпрунг» – «Трещина на острове».

Начиная с 1939 года для гитлеровской штаб-квартиры оборудовались шестнадцать стационарных пунктов управления, двенадцать из которых на западе, четыре – на востоке, две из них на территории Советского Союза: «Вервольф» – «Волк-оборотень» (Винница, Украина) и «Беренхеле» – «Берлога медведя» (Смоленск, Россия).

«Вольфшанце» – «Волчье логово» было самым главным штабом Гитлера, построенным в лесисто-болотистом крае Восточной Пруссии, в укромном, богом забытом крае, в стороне от главных дорог.

Местных жителей – этнических немцев, можно было пересчитать по пальцам. Безопасность фюрера охраняли не только болота, но и ряды колючей проволоки, минные поля, многочисленные посты охраны, бетонные бункеры с многометровыми потолками. Ставка представляла собой настоящий город. Два аэродрома, электро- и железнодорожные станции, очистные и коммуникационные сооружения, отопление.

К началу 1944 года в комплексе находилось более двух тысяч человек: 300 фельдмаршалов, генералов и адъютантов, 1200 солдат батальона эскорта Гитлера, 150 человек службы безопасности и охраны, 300 работников административно-хозяйственной службы: водители, электрики, механики, стенографисты, парикмахеры, повара, двадцать из которых были женщинами.

Кто, как и почему выбрал это место среди Мазурских болот и озёр, могут объяснить только нацистские астрологи, рассчитавшие его по звёздам. За всю войну на «Волчье логово» не упала ни одна бомба!

Маскировка и ландшафтное обустройство территории были выполнены так, что ставка больше напоминала санаторий, чем военный объект, с тщательно организованной охраной и минированием местности.

Нигде Гитлер не чувствовал себя таким защищённым, как в «Волчьем логове». Все бункера, в том числе персональные, нацистской верхушки: Бормана, Гимmlера, Геббельса не были подготовлены к наземной обороне.

Обитатели логова больше всего боялись неба и ударов с воздуха, о чём свидетельствуют укреплённые наклонные стены без амбразур с огромными многометровыми бетонными покрытиями. Толщина стен составляла 4-6 метров, потолков – 6-8 метров.

Территория внутреннего сектора ставки составляла около 250 гектаров. Общая площадь – 800 гектаров. Бункер Гитлера занимал около 2500 квадратных метров, где находились служебные кабинеты, включая штаб, здесь же жилая комната, спальня, ванная. Обстановка в комнате простая: деревянная и железная кровати, мягкой мебели не было.

Жизнь в ставке концентрировалась вокруг совещаний. Обычно около 12 часов дня проводилось совещание о ситуации на фронтах, в 20 часов – о событиях в течение дня. Последнее – около полуночи.

Гитлер просыпался в девять-девять тридцать утра. Завтракал не более 10 минут в присутствии двух лакеев. После чего начиналась прогулка,

каждый день в любую погоду. После прогулки он приступал к текущим делам, работал до двенадцати часов. Потом до часу – прогулка около бункера в сопровождении офицеров СС и вымуштрованной немецкой овчарки Блонди.

Обед продолжительностью 45 минут в казино с пятью офицерами личной охраны. В жаркую погоду Гитлер отдыхал в своей комнате. Большею частью предпочитал прогулки в сопровождении своей любимой собаки. В это время его охраняли три эсэсовца. Один сзади, двое по сторонам.

Если к тому времени приезжал кто-либо из высшего руководства, прогуливался вместе с ним. Ходил сгорбившись, заложив руки за спину, глядя под ноги. Почти постоянно был одет в чёрные брюки и серый пиджак полувоенного покроя с золочёными пуговицами, железным крестом и двумя значками за ранение.

Сам Гитлер предстал перед призывной комиссией в Зальцбурге 5 февраля 1914 года, но был освобождён от призыва: «Не годен к несению строевой и вспомогательной службы. Слишком слаб!». 3 августа он подал рапорт королю Баварии Людвигу III. И стал выполнять обязанности пешего посыльного – связного между штабом полка и передовой. По имеющимся сведениям, он был образцовым солдатом. Всегда вызывался первым, когда требовались добровольцы для выполнения опасного задания.

Был ранен шрапнелью 7 октября 1916 года. Второе ранение и отравление газами он получил 13 октября 1918 года, после чего временно потерял зрение.

17 октября 1917 года был награждён баварским крестом «За заслуги», а 4 августа 1918 года за доблесть в бою – «Железным крестом первой степени». Это были единственные награды, которые Гитлер надевал на китель во время второй мировой войны.

После обеденной прогулки работал до семи часов вечера. Затем ужинал, обычно с теми же пятью офицерами, с которыми обедал.

Ужин длился до восьми вечера. Ел Гитлер в основном овощные, молочные и рыбные блюда. Пил минеральную воду «Вахино». В последнее время принимал пищу, приготовленную только его сестрой, которая сопровождала его всюду, даже на фронте.

После ужина в помещении для совещаний Гитлер вместе с Кейтелем, Йодлем и другими генералами из верховного командования обсуждал положение на фронтах.

Совещание длилось 2-2,5 часа, после чего Гитлер работал, как правило, до двенадцати-часу ночи, иногда до двух-трёх часов. Если положение на фронтах было тяжёлым, работал всю ночь.

Два-три раза в месяц обязательно выезжал из ставки. Поездки были непродолжительными, два-три дня.

Посещал Берлин, некоторые участки фронта. Бывал у себя в Баварии на даче, которая представляла собой тщательно оборудованное убежище, где проживала и вела хозяйство его сестра.

Изредка он позволял себе прогулки по окрестностям «Волчьего логова», к вилле на берегу живописного озера, где мог провести несколько часов в обществе Евы Браун.

Высокая, стройная, симпатичная Ева была на 23 года моложе Гитлера. Занималась спортом, увлекалась плаванием, гимнастикой, лыжами, скалолазанием. Любила танцы, которыми занималась профессионально.

Сдержанная и застенчивая, мало интересовалась политикой. Единственной целью жизни стало для неё быть полезной любимому фюреру, которому она посвятила 12 лет, до самой последней минуты его жизни... Она была постоянной и единственной его женщиной.

Многие годы Геббельс безуспешно пытался завоевать расположение Гитлера, знакомя его с поразительно красивыми блондинками с истинно нордическими чертами. А вместо этого он обратил внимание на Еву Браун.

Гитлер обладал абсолютным влиянием на неё. Беспокоясь о ней, запрещал летать на самолёте, быстро ездить на автомобиле. Ева развлекала Гитлера анекдотами о партийных руководителях, не боясь быть наказанной, даже Борман серьёзно опасался её. Долгое время Ева была в ссоре со старшей секретаршей Гитлера Гретой Тарановской, размолвки вспыхивали по поводу фильмов, театра, моды. Гитлер зачастую был вынужден мирить их...

Что касается самой территории ставки, то туда никогда не приезжали жёны лиц из его окружения.

Кстати, в Германии женщины даже не отбывали трудовую повинность, она возлагалась на мужчин и военнопленных. Мотивировалось это тем, что может серьёзно отразиться на способности женщин иметь детей.

Когда в январе 1944 года снова встал вопрос о наборе необходимых военной промышленности четырёх миллионов рабочих и о чрезвычайных мерах – мобилизации женщин, тут была вновь получена суровая отповедь уже от самого фюрера.

По всей вероятности, Гитлер строго придерживался вековых традиций, определённых немецкой женщине: «Киндер. Кюхен. Кирхе» – «Дети. Кухня. Церковь».

Никто из генералитета не любил приезжать в «Волчье логово», и все старались как можно реже там бывать. А если и приезжали по вызову, их доставляли сюда самолётами. Они не могли представить себе, в каком районе находятся. Такова была степень засекреченности и маскировки ставки.

В период 1941-1943 гг. ставку посещали представители союзных государств и завоёванных стран: Японии, Италии, Испании, Венгрии, Словакии, Турции, Румынии, Болгарии, Финляндии, Ирака, Франции.

Гитлер обслуживался специальным авиакурьерским отделом. У штурвала личного самолёта Гитлера был пилот, гауптштурмбанфюрер СС Ханс Бауэр.

Свои поездки по железной дороге он осуществлял лишь в специальном замаскированном бронепоезде из шести вагонов, с зенитными установками на платформах впереди и сзади состава. Стёкла в вагонах были пуленепробиваемыми.

Гитлер ездил на автомашинах марки «Мерседес-Бенц», с двигателем мощностью 190 лошадиных сил. Броня и стекло не пробивались пулями из пистолета, винтовки, автомата.

Автомобили, как и танки, были особым предметом его любви и преклонения. В 1933 году Гитлер предложил Ф. Порше создать небольшой, доступный по цене широким слоям населения автомобиль «Фольксваген» – «Народный».

В финансовых делах Гитлер был щедр, но не сведущ. Как частное лицо, не умел распоряжаться своими деньгами, а как глава государства – не умел распоряжаться бюджетом правительства.

Он постоянно помогал своей младшей и единственной родной сестре Пауле, которая жила в Вене и умерла в 1960 году. Вначале ежемесячно по 250 шиллингов, а с 1938 по 1945 год – по 500 рейхсмарок. В середине апреля 1945 года двое эсэсовцев привезли её в Берлин, где адъютант передал ей по поручению Гитлера его завещание – сто тысяч рейхсмарок.

Ежегодно на Рождество фюрер ездил в Мюнхен.

Из всех праздников любил Вагнеровский фестиваль, куда приезжал инкогнито. На вокзале его встречала семья композитора. Праздничные постановки опер Рихарда Вагнера проходили в июле в течение восьми дней.

1 мая 1942 года поступил приказ: «Перебазироваться в Винницу». Ни офицеры, ни тем более солдаты не знали, куда едут. «В Россию – и всё!!!». Из «Волчьего логова» двинулись своим ходом на автомобилях.

В июне вся ставка переехала на новое место. Гитлер прибыл туда 16 июня, где пробыл до 31 октября. Затем вернулся в своё «Волчье логово». Второй раз фюрер прибыл в ставку «Вервольф» 19 февраля 1943 года и пробыл там до 13 марта.

Остаётся загадкой, которая до сих пор интересует историков: «Почему не было сделано ни одной попытки союзников для уничтожения «Волчьего логова»? Ведь точное месторасположение главной штаб-квартиры Гитлера было известно западным союзникам СССР уже в конце 1943 года, а может, и раньше.

Тем не менее, когда всё лето 1944 года англо-американские бомбардировщики волна за волной сбрасывали свой смертоносный груз на жемчужину Янтарного края – Кёнигсберг, ни одна бомба не упала в «Волчье логово», которое находилось всего в каких-то сотнях километров от города.

В феврале 1944 года Сталин разрешил американской авиации пользоваться аэродромами на территории Советского Союза. В июне они совершали бомбардировки германских целей.

Но даже раньше восемь тяжёлых английских бомбардировщиков бомбили цели в Мариенбурге – всего в 175 км от «Волчьего логова».

Возможно, и советская разведка знала местонахождение «Волчьего логова». 20 ноября 1944 года советские войска стояли всего в 140 км от него. Выбросить с парашютами десантников на замёрзшие озёра, даже при больших потерях, было бы триумфом. Этого не произошло.

Провидение опекало Гитлера с рождения и почти до последних дней его жизни. Известно, что ни одно из покушений на него не достигло цели,

а их было немало, по одним данным – 42. По крайней мере в двух из них он действительно буквально чудом избежал смерти.

Группа солдат в годы первой мировой войны расположилась на обед в траншее. Вдруг один из них «услышал» голос, приказывающий ему: «Немедленно встать. Отойти в сторону!». Голос прозвучал так, как обычная команда, и солдат автоматически исполнил её. Он успел удалиться метров на двести и уже хотел повернуть обратно, как в этот момент солдат разметало по траншее. Все они были убиты прямым попаданием снаряда. Солдата, оставшегося живым, звали Адольф Гитлер.

Во время разгона «пивного путча» Гитлер шёл рука об руку со своими товарищами по партии. Пуля полицейского попала в его левого соседа и убила того. Во время падения Гитлер сильно вывихнул левое плечо. Эта травма привела к дрожанию его левой руки.

Бауэр и другие пилоты эскадрильи фюрера посадили свои машины около 6 часов утра к востоку от города Запорожье. Фронт был недалеко. Пока Бауэр и остальные члены экипажей ожидали на аэродроме распоряжений Гитлера, поступило известие о том, что со стороны Днепропетровска по шоссе, протянувшемуся вдоль лётного поля, идут 20 русских танков.

Несколько из них уже появились в восточной части аэродрома, после чего Бауэр срочно запросил разрешение на переброску «Кондоров» на другой аэродром — к югу от города. Гитлер, однако, велел передать, что не усматривает в этом необходимости, так как вскоре будет готов к отлёту.

Удача сопутствовала фюреру и на сей раз. Выяснилось, что советские танки остановились из-за отсутствия горючего.

Как тут не сказать, что он сын Сатаны. Если целых двадцать танков вдруг неожиданно, словно по мановению волшебной палочки, беспомощно останавливаются. Почему-то у танков сразу кончилось горючее?! У всех... Сразу... Как по команде... И самолёт Гитлера под носом танкистов спокойно взмывает в небо!

Вечером 9 ноября 1939 года члены организации «Старые бойцы» собрались в пивном зале в Мюнхене. Отмечали шестнадцатую годовщину известного «пивного путча» и ожидали прибытия Гитлера. Вскоре он появился и начал своё традиционное выступление. Речь фюрера в прямой трансляции слушала вся Европа.

Но почему-то был нарушен привычный ритуал участия фюрера в празднестве. Гитлер изменил своему обыкновению оставаться после официальной части для дружеских разговоров и воспоминаний. Да и его выступление оказалось намного короче обычного. Как бы оборвав свою речь, Гитлер покинул пивной зал намного раньше, чем ожидалось, в 20 часов 57 минут.

В 21 час 9 минут прогремел взрыв. Бомба взорвалась непосредственно за трибуной, где 12 минут назад ещё стоял Гитлер. При взрыве погибло 7 «старых бойцов», 63 человека были ранены.

Очень много немцев выступали против режима Гитлера. Попытки покушения на него были неоднократными.

Большинство из этих попыток провалилось из-за очень сильной охраны или слабой технической подготовки.

В основном активное сопротивление существовало среди молодых офицеров, хотя они также не могли прийти к согласию между собой. Одни высказывались в пользу радикальных решений и не видели другого выхода, кроме как убить Гитлера и поменять власть. Другие были на стороне простого лишения Гитлера власти, потому что были связаны клятвой лояльности. Эти бесплодные дискуссии тянулись до тех пор, пока на фронте не создалась критическая ситуация.

План группы заговорщиков был разработан уже давно. Для проведения покушения сначала был выбран полковник Мейснер, находившийся при ставке Гитлера, однако он отказался в последний момент. Тогда покушение было перенесено на конец июня–начало июля 1944 года. Гитлеру должны были демонстрировать в это время новые танки на автострате близ Зальцбурга, новую военную форму и новое снаряжение пехотинцев. Но и от этого плана по разным причинам отказались.

В это время в движении сопротивления появился новый лидер в лице полковника графа фон Штауфенберга, который имел прямой доступ к штабу Гитлера.

На 20 июля 1944 года в два часа дня было назначено совещание о положении на фронтах, на котором должны были присутствовать Геринг и Гиммлер.

Штауфенберг вместе со своим адъютантом прибыл в ставку раньше, чем было назначено. Однако неожиданно совещание перенесли на полтора часа позже. Клаус фон Штауфенберг и его адъютант отправились в спальню адъютанта фельдмаршала Кейтеля под предлогом освежиться и сменить бельё перед встречей с Гитлером, где фон Штауфенберг, пользуясь щипцами, сломал ампулу, содержащую кислоту, для установки таймера на бомбе, и спрятал её в свой портфель.

Но их действия были прерваны объявлением о переносе начала встречи. Только одна из двух приготовленных взрывчаток была установлена, вторая осталась в портфеле. Потом фон Штауфенберг с Кейтелем прошли 300 метров к помещению, где проводилось совещание.

Встретив Гитлера, они зашли туда. Штауфенберг поставил портфель под стол, на котором находились карты Восточного фронта.

Кейтель проинформировал Штауфенберга, что Гитлер желает послушать о формировании новых подразделений резервистов, и он удалился под предлогом телефонного разговора.

После ухода Штауфенберга в процессе совещания портфель с бомбой переставили за ножку массивного стола. Это и определило неудачу покушения на Гитлера.

Месть Гитлера была чудовищной. Он приказал не щадить ни одного близкого родственника заговорщиков. Подписал смертный приговор своему любимому генералу Роммелю, взятому лишь под подозрение. Фюрер предложил ему либо отравиться, либо всех своих близких отдать на растерзание гестаповцам. Роммель принял яд. Был казнён начальник абвера адмирал Канарис.

Только с августа и до конца 1944 года было казнено более трёх тысяч «предателей» мужского и женского пола, ещё несколько тысяч были

отправлены в концлагеря. Многих из арестованных подвергли жестоким пыткам, впоследствии они погибли в концентрационных лагерях, другие покончили жизнь самоубийством. Гитлер сам выразил желание, чтобы конспираторы были повешены.

Месть нацистов распространилась также на семьи заговорщиков, многие жёны и дети которых были посажены в тюрьму, в том числе дети фон Штауфенберга.

Бывший бургомистр Кёнигсберга Карл Герделер тоже был активным участником покушения на фюрера. В случае успеха он должен был занять место канцлера «новой Германии».

Дало осечку и покушение, предпринятое в феврале 1945 года. Его хотел осуществить Альберт Шпеер, министр вооружений и бывший архитектор фюрера. К тому времени Гитлер в сущности замуровал себя в подземном бункере в Берлине. Именно Шпеер проектировал этот бункер, включая жизненно важную систему вентиляции, выход из которой был надёжно замаскирован. План Шпеера состоял в том, чтобы через вентиляцию впустить в бункер ядовитый газ. Но чтобы достать газ и сделать другие необходимые приготовления, потребовалось две недели. Однако к концу этого срока Шпеер с ужасом обнаружил, что по приказу Гитлера вентиляционное отверстие нарастили на 12 футов трубой. И на этот раз сработала почти сверхъестественная интуиция фюрера.

После неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 года новые личные врачи фюрера стали настаивать, чтобы он переехал в более приемлемое для лечения нервов место.

И 20 ноября, навсегда покидая «Волчье логово», Гитлер отбывает в Берлин, отдав напоследок приказ заминировать комплекс на случай его захвата противником.

К тому времени войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов уже вплотную подошли к границам Восточной Пруссии. После того как высшее командование Третьего рейха отбыло в Берлин, бункер занял штаб 4-й армии генерала Фридриха Хоссбаха. 22 января 1945 года без ведома Гитлера он издал приказ об отступлении немецких войск из района Мазурских озёр.

23 января 1945 года ударные группы 3-го Белорусского фронта уже находились в 15 км от «Волчьего логова».

Несмотря на спешку, аккуратные немецкие сапёры в соответствии с планом по уничтожению комплекса по личному приказу фельдмаршала Кейтеля заминировали «Волчье логово».

24 января 1945 года, после взятия Советской Армией расположенного рядом Ангербурга (Вэнгожев) поступил приказ о проведении операции «Inselsprung».

В ночь с 24 на 25 января 1945 года чудовищные взрывы сотрясли окраины Растенбурга (Кентшин) и разбудили жителей близлежащих деревень. Взрывная волна разбила окна в некоторых домах на расстоянии 10 километров от объекта, а на ближайших озёрах раскололся лёд.

На уничтожение каждого бункера в среднем ушло около 8 тонн взрывчатки. Но даже мощные тротиловые заряды не могли до конца сокрушить

железобетонные монолиты. Одна из стен бункера Гитлера застыла в вечном падении, и туристы подпирают её брёвнами, что стало уже почти ритуалом.

Окончательно уничтожив все сооружения и коммуникации, сапёры и персонал «логова» 25 января 1945 года покинули расположение Растенбурга вместе с быстро отступающими на юго-запад войсками вермахта.

27 января 1945 года войска 31-й армии генерала Сафронова без боя заняли «Волчье логово», от которого остались в основном только разбросанные по лесу куски бетона и плотно заминированный периметр.

Уполномоченный НКВД СМЕРШ по 3-му Белорусскому фронту генерал-полковник В.С. Абакумов докладывает лично И. Сталину и Л. Берии о существовании секретной ставки Гитлера в районе треугольника «Растенбург – Летзен – Ангербург».

Органы контрразведки узнали об этом в результате допроса пленных высокопоставленных немецких офицеров. Был найден и идентифицирован бункер Гитлера по обнаруженной в нём фотографии Гитлера и Муссолини. В пустом сейфе обнаружены бланки адъютанта фюрера и очень важный документ с грифом «особо секретно» – список абонентов ставки, раскрывавший структуру и личный состав аппарата «Волчьего логова», где под номером один значился сам Волк – Гитлер.

Найдена была также топографическая карта с указанием места расположения ставки, а также главной квартиры Гимmlера, резиденции Риббентропа, ставки главного командования сухопутных сил. У бараків личной охраны Гитлера была обнаружена брошенная форма солдат секретной службы из дивизии «Grossdeutschland».

Последующие одиннадцать дней «Волчье логово» находилось под охраной органов СМЕРШ.

Разминирование территории около 10 километров длиной и шириной 80-100 метров продолжалось с 1945 по 1947 и с 1950 по 1955 годы. Минные поля состояли из противопехотных и противотанковых мин. Часть из них была неразминированной, поскольку мины в фарфоровых корпусах были невидимы для сапёрного оборудования. По этой причине для ликвидации минных полей была использована взрывчатка. Полное разминирование «Волчьего логова» было закончено 29 октября 1955 года. Обезврежено в общей сложности около 55 тысяч мин и около 200 тысяч боеприпасов.

17 октября 2003 года в бывшем «Волчьем логове» была открыта мемориальная доска, посвящённая советским сапёрам, погибшим во время разминирования территории.

В послевоенные годы из бывшей ставки Гитлера вывозились различные материалы, представлявшие хоть какую-то ценность. С немецких укреплений срезались металлические двери, бронеколпаки, снимались кабели и трубы, керамические изоляторы. Вывозились даже целые бараки, в частности в Варшаву, где они использовались как общежития для строителей Дворца культуры, а впоследствии – как студенческие общежития.

В 1958 году польские власти приняли решение открыть руины ставки для посещения, сняв статус закрытой зоны.

В ноябре 1959 года было образовано Калининградское областное отделение общества советско-польской дружбы.

В 1967 году состоялась первая встреча молодёжи на советско-польской границе. Организаторами были Калининградский обком комсомола и Ольштынский воеводский комитет сотрудничества молодёжных организаций.

Первыми советскими туристами, посетившими «Волчье логово», были партийные руководители и передовики производства.

Сейчас «Волчье логово» – известный туристический объект, который приносит неплохую прибыль. Потому что финансовых затрат на строительство или содержание его в надлежащем порядке нет. Разве только нанимать дворников, чтобы убирать дорожки от листьев, а посещают его ежедневно сотни, в выходные даже тысячи туристов. Едут сюда со всей Европы – из России, Франции, Италии, Германии...

«Волчье логово» в нынешнем виде – это не только бетонные коробки, раскиданные на территории в несколько гектаров, но и красивый парк. Ведь главари Третьего рейха не всё своё время тратили на обдумывание и воплощение планов по порабощению всей планеты, но иногда и отдыхали – и ничто человеческое, как говорится, им не было чуждо. Дорожки в парке до сих пор вымощены камнем и не разбиты, несмотря на отсутствие какого-либо ремонта на протяжении последних почти семи десятков лет.

20 июля 1992 года, в очередную годовщину покушения на Гитлера, была торжественно открыта мемориальная доска, посвящённая Клаусу фон Штауфенбергу и тем, кто погиб в борьбе с фашизмом. В торжественном мероприятии участвовали три сына Штауфенберга. Примечательно, что в современной Германии солдаты бундесвера присягают на верность стране именно на месте казни Штауфенберга, считая его настоящим немецким патриотом и борцом с нацизмом.

Долгое время считалось, что под бункерами находились подвалы глубиной 8–12 метров, в которых хранились важные архивы Третьего рейха и даже драгоценности, вывезенные с Востока, в том числе и знаменитая Янтарная комната.

Однако никаких затопленных подземелий здесь никогда не было, и легенды о многоэтажных подземных бункерах с электростанциями, метрополитенами, складами и тайниками так и остались не более чем легендами...

г. Астана.

Николай ШМИГАЛЁВ

ПОЧТИ КАК ТРИ БОГАТЫРЯ

Волшебно-приключенческая сказка

(Продолжение. Начало в №№ 2-4 за 2012 г.)

И тут появился Сероволк.

– Мужики, подъём! Неучебная тревога! – закричал он ещё с опушки, подбегая к привалу.

Царевич вскочил на ноги, Премудрый только приподнялся на локте, но сон, блин, тоже как рукой сняло.

– Что, что случилось? – спросил Царевич, поглядывая за спину цыгана, не гонится ли кто за ним, от этого мелкопакоостнического товарища всего ожидать можно было.

За цыганом, на удивление, никто не гнался, да и вообще кроме леса ничего не было.

– Там, это, там, они, это, – запыхавшись от быстрого бега, Яков не мог нормально доложить по какому поводу переполох.

– Ну не тяни уже, говори, куда опять вляпался? – спросил Премудрый, зная волчью натуру цыгана.

– Короче, там птицы крутое «мочилов» между собой устроили! – выговорил наконец Сероволк. – Такой махач идёт, всё озеро ходуном ходит.

– Ты часом никаким грибом не поперхнулся, когда на луну выл? – съязвил Царевич, поняв, что Яшка явно не в себе.

– Да я зуб даю!

– А челюсть слабо?!

– Обожди-ка с сарказмом, Ваня, – поднялся на ноги колдун, его магическая интуиция подсказала, что не всё так запущено, как могло показаться на первый взгляд. – А ты давай поподробнее, что там видел, на озере?

Отдышавшийся цыган стал излагать, что видел.

– Я на берег озера вышел. Только хотел завывать, гляжу, там лебедь плавает. Так красиво, величаво, загребает, словно пава. Я засмотрелся, а потом вижу, и не один я на птичку глаз положил: сверху на неё коршун налетел и давай её клевать в темечко. Коршун непростой, глаза красным огнём горят, как у вампиров, и на шею ожерелье голубое светится в темноте. Лебедь, правда, тоже не подарок, отбивается как волчара раненый, но всё равно силы не равны. Заклюёт её коршун. Вася, давай поможем лебедю, нутром чую, надо помочь птичке!

– Всё ясно! – сказал колдун и, схватив трость, поспешил в сторону озера. За ним помчались Иван с цыганом.

– Это не коршун! – передвигаясь по убранному и подметённому лесу, пояснил колдун своим товарищам. – Если я правильно догадываюсь, кто

этот коршун, то это вовсе не коршун, а султан вампиров Джафаркул. Он всегда выходит на охоту за свежей кровью, обернувшись коршуном.

– А разве... – попытался Иван уточ...

– Нет, не летучей мышью, – предугадал вопрос Василевс (не забывайте, при желании он мог быть и телепатом). – Он восточный вампир, а не западный, потому и коршун, хотя тоже с клыками.

– Ничего себе «птичка»! – удивился Царевич, не сбавляя хода. – Наверное, противное зрелище?!

– Самое противное здесь то, что сезон вампирской охоты ещё не открыт, а Джафаркул уже «браконьерничает», – возмущённо проворчал Премудрый. – И на кого клюв поднял, зараза, на безобидного лебедя, символ верности и вечной любви.

– И я о том же, – прорычал Сероволк, у него были свои счёты с вампирами.

Троица подобралась к озеру и затаилась возле обстриженного под пирамиду куста.

– Вон они, – показал пальцем цыган на центр круглого озера, где из последних сил белая лебёдушка отбивалась от нападок огромного, наглого, с волосатой грудью коршуна.

– Да, это точно он, Джафаркул, – опознал в птице опасного рецидивиста Василевс.

– Что делать будем? – обратился Иван к колдуну. – Может, камнями отгоним?

– Не поможет, – всерьёз восприняв дурацкую идею Царевича, ответил Василевс.

– Тогда прокляни его как-нибудь, – подсказал цыган другую «новаторскую» идею. – Как только ты можешь: случайно порчу на него наведи или ещё как.

– Не выйдет, у всех вампиров своё вечное проклятье. Их так просто не слазить, – ответил Василевс. – Единственный вариант – «клин клином».

– Это как? – загорелись зелёные огоньки в глазах у цыгана. – Клин ему воткнуть?

– Нет, я кого-нибудь из вас в птицу обращу, в кондора, например. Это самый мощный хищник из семейства орлиных. У него размах крыльев до трёх...

– Давай меня! – первым поднял руку Сероволк. – Сейчас я покажу этому клыкастому, кто в курятнике «папа».

– Будь по-твоему! – утвердил кандидатуру Якова Василевс и направил на того волшебную трость. – Покажи ему, кто «папа»! – подбодрил он цыгана и произнёс заклинание: – «Кондор-мондор гуманэ, обернись на букву «Кэ»!

Сероволк завертелся волчком и обернулся... карликовым бойцовым петухом.

Осмотрев свой новый «прикид», Яша повернулся к колдуну.

– Ты что «намудрил», Премудрый?! – заговорил свежее испечённый «петух» по-человечески. – Ты из кого, в натуре, петуха оформил?! Это

что, по-твоему, – ткнул «петух» себе в грудь крылом, – самый мощный кондор? Переделывай давай!

– Да как же оно так! – схватился за голову Василевс. – Видно, твоё неуместное «папа в курятнике» сработало! Теперь только через двенадцать минут в человека обернёшься!

– Но ты же загадал на букву «К» заклинание, а не на «П»! – напомнил Царевич, что вроде бы ошибок в заклинании зафиксировано не было. – Почему же «Петух»?

– Точно! Как так? – подхватил «петух» Яков.

– Может, «кочет», например, сработал, – высказал предположение колдун. – Или «куротоп», или «кукарекатель».

– Хм! Могуч и силен наш язык на всякие синонимы, ничего не скажешь, – многозначительно подытожил своё личное наблюдение Иван.

– Вот же ты... «редиска»! – кое-как сдержался цыган, чтобы не обложить многосинонимичным матом Василевса. – И что прикажешь делать?

– Как что! – теперь полез со своими советами Царевич. – Ты же в бойцового петуха превратился. Дерзай! Надери гузку этому вампиру! У тебя девять минут осталось спасти лебедя! Как раз три раунда по три минуты!

– Верно! – взбодрился и колдун. – Покажи им, Яша, свою волчью натуру и бойцовский дух!

– Мать-твою-кука-реку! – захлопал крыльями Сероволк. – Царствуй лёжа на боку! – прокукарекал он что-то не к месту и полетел на битву с коршуном.

Увидев, что на выручку к обессилевшему лебедю летит, откуда ни возьмись, карликовый петух, вампир Джафаркул в обличье коршуна криво улыбнулся и, оставив обессиленную жертву на десерт, развернулся навстречу «второму блюду».

Петух-цыган ещё не успел привыкнуть к новому телу и как следует разобраться в правилах управления собственными крыльями в полёте, а потому не смог вовремя увернуться от мощного удара ногой коршуна в клюв и, изменив траекторию полёта, отлетел в сторону. Несмотря на лёгкий нокдаун, Яков не плюхнулся в озеро, а удержался в воздухе. Сделав крутой вираж, конокрад и драчун в петушином облике развернулся на второй заход. В этот раз он действовал более технично. Сделав ложный выпад влево, он метнулся под правое крыло коршуна и нанёс серию ударов (то есть, понимаете, да, несколько раз успел клюнуть противника) в неприкрытую печень. Коршун, заклекотав от боли, сделал переворот в воздухе и, схватив клювом, по сравнению с ним, легковеса петушка, начал трепать последнего с удвоенной яростью. Кое-как вырвавшись из цепкого клюва вампира, Яков отлетел в сторону, издал повторный боевой клич: «Кик-кирик-кука-реку!» и вновь ринулся на противника.

Да! Цыган, судя по всему, был не из робкого десятка!

Так думали его товарищи, с тревогой наблюдая за разыгравшейся над озером битвой. Захваченные шокирующим зрелищем, они даже не заметили, как отплывшая в сторону лебедь, потеряв сознание, завалилась набок и ... ушла под воду.

Цыган же при очередной атаке был встречен прямым в голову, и на мгновение «поплыв», попал уже в стальные захваты коршуновских когтей. Гадко захохотав, Джафаркул подло начал топить храброго «петушка». Он опустил его под воду и, несмотря на все старания Яшки, бывшего крыльями по воде, не давал тому глотнуть спасительного воздуха. Уже изрядно наглотавшись воды, цыган умудрился на долю секунды высунуть голову на поверхность, чтобы позвать на помощь друзей, но из-за нехватки кислорода в голове из его горла вырвалось булькающее «Кука-рек-ку!».

В этот самый момент и произошло чудо дивное или удачное для цыгана стечение обстоятельств: словно вспомнив о чём-то более важном, «коршун» Джафаркул выпустил «петуха» Якова и, сломя голову, ломанулся прочь от озера. Яшка высунул петушину голову над водой, откашлялся и, обзрев звёздное небо на наличие коршуна-вампира, закричал стоявшим на берегу товарищам:

– Братва! Где коршун?!

– Смotalся куда-то! – крикнул в ответ радостный Царевич, до последнего не веривший в такой исход поединка.

– Всё нормально! Молодчина! – помахал цыгану-«кочету» Василевс. – Ты его своим кукареканьем спугнул!

– В смысле? – озадаченно глянул Иван на Премудрого.

– У Джафаркула рефлекс сработал, – «открыл» ларчик колдун. – С третьими «петухами» вампиры спешно сворачивают свою чёрную деятельность, где бы то ни было, и хоронятся до следующей ночи в своих вертепах.

– Вот вам и «Петя-петушок, золотой голосок», – протянул Царевич и указал колдуну на озеро. – Смотри, Яков вновь человеком обернулся!

На середине озера плескался вернувшийся в исходное состояние цыган.

– А где лебедь? – вновь огласил своим зычным голосом Яков утихшую гладь озера. – Улетела, что ли?

– Да вроде не взлетала, – Василевс виновато развёл руками, дескать, болван, согласен, не усмотрел за птицей.

– Может, ко дну пошла?! – сморозил «глупость» Иван, позабыв, что даже мёртвая водоплавающая птица (не к месту, конечно, сказано) не тонет.

– Не смей нас, – бросил Премудрый, но Сероволк, видимо, тоже забывавший о такой особенности пернатых с лапами, решил проверить «догадку» Царевича.

Набрав полную грудь воздуха, Яков шумно нырнул и поплыл ко дну. Раздвигая пушистые, словно еловые ветви, водоросли, цыган осматривал илистое дно метр за метром и, наконец, увидел её. Ну как её – белое пятно на тёмном фоне сумрачного дна. Подплыв поближе, цыган чуть воздух не выпустил, так захотелось ему высказаться от удивления. А удивлению не было предела. Вместо благородной птицы на «постели» из водорослей лежала, раскинув лёгкие «крыла», белокурая девица-краса, длинная, как лебединая шея, русая коса. Быстро проанализировав ситуацию, цыган понял, что на этом поиски лебедя окончены, и надо спасать утопленницу. Распутав своим воинственным видом облизывающихся сомов, Сероволк

схватил девушку в охапку и поспешил на поверхность, тем более что и запасы воздуха в лёгких были на исходе.

Пару минут спустя Яша выбрался на берег, неся на руках бездыханное тело «лебёдушки».

– Это кто ещё? – поспешил навстречу выбивавшемуся из сил цыгану Иван и перехватил «добычу».

– Не знаю, под водой времени не было знакомиться, – устало пошутил Яков и присел на обтёсанный под куб камень отдышаться. – Но в подводном царстве, судя по внешнему виду, недавно. Могу предположить, что это заколдованная в птицу бабёнка.

Иван положил девушку на... на газон (я просто не знаю, как ещё можно назвать аккуратно подстриженную в лесном массиве траву). Над девушкой склонился колдун, «послушал» ритмическое движение стенок артерии, вызываемое сердцебиением (медики этот феномен называют пульсом) и... ахнул.

– У неё пульс зашкаливает, 330 ударов в минуту! – ещё раз ахнул Премудрый. – А она не дышит, воздух не поступает в организм. Это очень опасно! Может случиться передоз углекислого газа, и мозг у «лебёдушки» «крякнет».

– Что делать? – подскочил к девушке и колдуну цыган. – Где сейчас скорых врачей искать?

– Успокойся и соберись! – «успокоил» и «собрал» Якова Премудрый. – Нужно срочно ей сделать искусственное дыхание, рот в рот, провентилировать лёгкие, иначе никак. Действуй, Яша!

– Кто, я?

– А кто? Тебя никто не просил, ты сам её вытащил из воды, – «подбодрил» колдун новоиспечённого «спасателя на водах». – Тебе и флаг в губы!

– Не робей, Яша, это не страшнее стычки с вампиром, – «подбодрил» со своей стороны его и Царевич. – Если хочешь, давай я, у меня опыт уже есть.

– Ага, щас! – оскалился цыган и, набрав в грудь воздуха... впился своими губами в посиневшие губы утопленницы.

Раз за разом отрываясь от девушки, Яков с надеждой и тревогой наблюдал, как меняют цвет её пухлые губы: с синего в фиолетовый, затем в светло-розовый, цвета ранней зари, затем в малиновый, алый, пурпурный, багровый, цвета океанского заката, и, наконец, в сочный тёмно-вишнёвый. Оторвавшись в очередной раз, Сероволк увидел, как задрожали истерзанные его волчьим старанием губы красавицы, затрепетали длинные ресницы, и девушка, открыв лучезарные, как показалось цыгану, глаза, зашлась в немилосердном кашле. Яков поднялся и отошёл в сторону, уступив место Василевсу Премудрому, захопотававшему над девушкой, словно над родной кровиночкой. Когда девушка окончательно пришла в себя, Василевс с Царевичем помогли ей подняться с земли. Колдун снял свой плащ и покрыл девичьи плечи.

– Спасибо вам, добрые люди! – поклонилась в пояс девушка, её коса, грациозно переметнувшаяся через плечо, почему-то привела цыгана в сильное замешательство. – А куда делся злобный Джафаркул?

– Ты его знаешь? – в голову колдуна закралось смутное подозре...

– Он нём наш водоплавающий «Акелла» Яша – парень не промах – позаботился! – не дал оформиться подозрению в голове Василевса Иван, представляя «героя дня». – Сюда тот дрянной коршун больше не сунется.

– Всего делов-то! – отмахнулся цыган, немного всё-таки прихвастнув. – Подумаешь, гопника залётного отогнал!

Девушка же была иного мнения.

– Спасибо тебе, богатырь! – вновь поклонилась она, теперь уже лично, покрасневшему от смущения Яшке и, нежно погладив того по опухшей от драки щеке, произнесла: – Ты ведь не гопника прогнал, ты маньяку «навтыкал»!

От таких слов Якову стало и вовсе не по себе: захотелось почему-то бежать сломя голову в джунгли, крича песню про мохнатого шмеля и душистого хмеля.

– Я тебе это припомню! – мигом вернула «из джунглей» девушка Сероволка, учуявшего стальные нотки в её ласковом голосе. – Век помнить будешь!

– Извините меня, мадемуазель, – обратился девичье внимание на себя Василевс. – Мне, право, неловко, но позвольте узнать ваше имя.

– Отчего же не сказать. Моё настоящее имя Аликантрония. Для друзей Алика, а для остальных я Царевна-Лебедь.

– Точно! Точно! Вспомнил! – хлопнул себя по лбу Василевс. – Ты, то есть вы, та самая царевна, Царевна-Лебедь. Княгиня оборотней! А я смотрю, что-то знакомое, где-то слышал, читал. Знаете ли, польщён, весьма польщён знакомством! Разрешите представиться: маг, алхимик, звездочёт, космоэнергет, ученик восточных мудрецов Василевс Премудрый! – колдуна словно подменили. Обычно выдержанный, сейчас он больше смахивал на хвастливого юнца. – Это с моей подсказки Яков обернулся петухом, ха-ха, представляете, петухом, и вступил в драку с Джафаркулом...

Осмыслив, что сказал колдун, Алика подняла руку, предлагая тому замолчать, и повернулась к цыгану.

– Ты что, тоже оборотень? – спросила она у бледного, как стена, Сероволка. – Ты оборачиваешься в петуха?

Василевс, поняв, что ляпнул лишнего, нечаянно оказался за спиной Царевича, но цыган даже и не думал кидаться на него.

– Нет, я не оборотень, это меня колдун заколдовал, – ответил Сероволк, угрюмо смотря в глаза царевне.

– И то лишь на двенадцать минуток, – напомнил Василевс из-за Ваниной спины.

– Жаль! – огорчённо промолвила Алика. Уловив резкий запах силы и ярости, исходившие от её спасителя, она, легкомысленная, подумала, что, возможно, встретила родственную душу.

– Но мои родители и мой дед были оборотнями! – выпалил Сероволк. В его глазах появились зелёные, холодящие душу огоньки. – Просто деду не хватило духу передать мне свою силу! Но в душе я – волк, человек-волк!

После этих слов Яков задрал голову к небу и запел волчью песнь.

И тут случилось неожиданное: тело цыгана вздыбилось навстречу луне, грудь раздалась в стороны, ноги и руки выгнуло, а лицо вытянулось в большую волчью морду. Спустя несколько мгновений Яков превратился в огромного седого волка-оборотня, продолжавшего выть на луну. Увидев обращение, Царевна не сдержала чувств, в мгновение ока обернулась в белую волчицу и в дуэте с Яковом «спела» «лунную сонату».

Колдун с Царевичем, отойдя немного в сторону, на всякий случай взяли за свои «средства обороны»: один покрепче ухватил трость, второй вытащил из-за пояса серп и молот. Но, слава Богу, всё обошлось.

Яков и Алика вернулись в человеческое обличье.

– Что это было? – разглядывая ладони, в которых только что растворился волчий мех, спросил возбуждённый цыган так, как будто сам не видел, что это было. – Вы тоже это видели? – обратился он уже к оцепеневшим товарищам, ещё бы они не видели: – Я превращался в оборотня!

Сероволк расплылся в такой радостной улыбке, что чуть не прищепил ею затылок.

– Скажи честно, касался моих губ, пока я была в «отключке»? – грозно прищурилась княгиня оборотней.

– Если не считать нескольких подходов принудительной вентиляции, то не касался, – ответил за цыгана Василевс, предвкушая небольшую девичью истерику.

– Ах, если так, то ладно, – сменила «гнев на милость» Алика и лукаво глянула на тупо стоявшего цыгана. – Тогда скажу я вам один секрет, который пригодится даже вновь обращённому оборотню, а человеку и подавно будет полезен. Сегодня ночь полной Селены, и вода этого зачарованного озера всю ночь будет иметь особую силу, равную по силе «живой воде». Если набрать её впрок, то сила Селены и трёх стихий, заключённые в жидкости, сохранятся в ней.

Иван Царевич подошёл к кромке озера и, зачерпнув пригоршню воды, понюхал, а затем и попробовал последнюю на язык.

– Пахнет тиной, – проведя экспресс-анализ, сделал он вывод. – И, пожалуйста спросить, какие у неё особенности?

– Гидрокарбонатная, кальциево-магниево-радоновая водица, – пояснила девушка, – хорошо помогает при хронических гастритах, колитах, энтероколитах, панкреатитах, заболеваниях печени и жёлчевыводящих путей, язвенной болезни желудка, прямой и двенадцатипёрстной кишок, а также порчи, бодуна и сглаза, и ещё при всех видах отравлений и нарушениях обмена веществ.

– Жидкое золото, – прошептал колдун уже рядом с Иваном, набирая воду из озера в пол-литровую баклажку.

Прелестная Аликантрония, для друзей Алика, благодушно попрощавшись с Иваном и Василевсом, ещё раз ласковым мельком глянула на Якова и, промолвив напоследок: «Век помнить буду!», обернулась в белую сову и, сделав круг почёта над великолепной троицей, ухая, растворилась в ночном небе на фоне полной Селены.

– Красивая деваха! – мечтательно протянул Премудрый, глядя вслед улетевшей птице. – Знаем кого спасать, да, Яша?

– Да, Яков сегодня лучший! – целиком и полностью согласился с ним Иван, тоже сканируя воздушное пространство. – Даже «петухи» иногда «ор-лам» дают прос...

– Просто давайте не будем больше об этом, – попросил обоих «восхитителей» Сероволк, тоже гуляя взглядом по небу туда-сюда. – Особенно про «петуха» никому ни слова, ни полслова. Договорились?

– Я «за»! – поддержал предложение цыгана Премудрый.

– Я «против»! – не поддержал цыгана Иван, но, увидев, как стала изменяться, вытягиваясь, голова Яшки-волка, поспешил отшутиться. – Да, конечно же, я «за»! Итак, по итогам голосования единогласно!

– Всё! А теперь спать! – вынув из кармана песочные часы с секундной стрелкой, спохватился Василевс. – Скоро уже петухи запойут!

– Василевс! – вновь начал «бычиться», точнее «волчариться» цыган.

– Всё, я молчу, молчу, молчу, а то по фейсу получу и подвиг свой не завершу, – поспешил удалиться в сторону привала Василевс, успев ещё заговорщицки переглянуться и шепнуть Ивану, – а то серенький волчок нас укусит за бочок.

Царевич улыбнулся, давно он не видел колдуна таким весёлым.

Оставив Сероволка коротать ночь на берегу заповедного озера, он тоже поплёлся к костру. Предраассветная прохлада начинала пробираться его босые ноги, и для профилактики ревматизма он спешил устроиться возле источника тепла, чтобы в более комфортных условиях продолжить своё изучение «звёздных пучин».

Изрядно подзагоревшие и похудевшие Полисей и Искалибур взирались на очередной бархан и замерли от неожиданности. В плавящемся мареве безжизненной пустыни прямо на них двигался цепочкой призрачный табун еле передвигавших распухшие ноги искалеченных лошадей. Тяжёлой походкой бедные животные несли на своих выгнутых (возможно, даже и переломанных) в двух местах позвоночниках объёмные кувшины с водой, а на угрюмых мордах, с распухшими отвисшими губами, читалась абсолютная апатия ко всему на свете.

Так, по крайней мере, подумалось королевичу, который впервые на своём пути встретил, пускай и призрачный, но караван верблюдов.

Затаив дыхание, Полисей смотрел на этот порождённый иссушенным мозгом мираж и не верил своим наполовину забитым песком глазам. Тем паче, что ему стало казаться, будто из кувшинов начали выглядывать бородатые люди и наблюдать за ним. Поняв, что такие видения предполагают скорую кончину, королевич закрыл глаза и замотал головой в надежде растряссти застоявшееся в полушариях наваждение. Открыв вновь глаза, он с сожалением отметил, что призраки пустыни не только не испарились, а и количественно увеличились. Два десятка «искалеченных коней» и около сорока бородачей насчитал Полисей в своём мираже.

Королевич был не робкого десятка и, решив окончательно удостовериться, что это всего-навсего видение, показал в сторону миража свой фирменный «аглицкий кукиш».

Бородачи хоть и не рассеялись по ветру от этого, но и не полезли с претензиями, а это значило, что увиденное есть на самом деле не что иное, как полноценный мираж, ибо живой джентльмен завсегда оскорбится и станет вызывать на дуэль оскорбителя до тех пор, пока не получит стальной рукавицей по своей джентльменской роже.

«Жаль, что мираж, – огорчённо подумал Полисей, глядя как призрачные участники «миража» дразнят его, отхлёбывая прямо из призрачных кувшинов, в которых они сидели, призрачную же воду. – Можно было бы напасть на этих урок (Полисей, согласно теории Чезары Ламброзо, по уголовным физиономиям сразу определил в призраках пустыни отпетых разбойников), истребить их, захватить запасы воды и освободить изуродованных бесчеловечным отношением лошадей. Потом на следствии сказать, что якобы эти разбойники первыми полезли к нему, а он только немного превысил самозащиту».

«Эх, жаль!» – ещё раз мысленно взгрустнул королевич. Опустив руку с «кукишем», похлопал по загривку Искалибура, тоже с опаской глядевшего на мираж, и, развернув коня в сторону заката, продолжил свой путь.

– Вы видели это? – крикнул товарищам один из бородачей по прозвищу Бен-Ден, плескавшийся в кувшине на шедшем первым в караване верблюде. – Я чуть со страху не умер!

– И я! И я! И я! – откликнулись его подельники из других кувшинов и загомонили наперебой. – Я думал, у меня «крыша» поехала! Я тоже на тепловой удар сначала списал! А я думал, кальян крепкий попался! Як це понимать, вин шо «глюк»? Я за мираж принял! Вах, вах, я нэ хачу юмират! Я вообще подумал, что это «фака морганы»! Я думал, «полисай» какой-нибудь участковый, загребёт нас сейчас! Да, я тоже сразу о призраке опера подумал! А я... А я... А я...

Проводившие в гробовом молчании королевича разбойники в тридцать девять глоток стали выговариваться, чтобы, как им советовали заморские инструкторы-психоаналитики по практическому терроризму, снять эмоциональное напряжение.

– Тихо! Тихо всем! – сороковой лужёной глоткой прогремел Бен-Ден. Остальные послушно заткнулись. – Я не о том, что вам показалось, говорю, а о том, что это дурной знак, и я даже скажу больше – знамение.

– То исть? Шо це такэ? – подал голос из середины каравана бородач с намазанным на лице гуталином и длинным чубом, торчавшим из-под бедулибской банданы. – Воно можа москали нас пидмануть хотя.

– Нет, Тарантас-бача, это не обман, это знамение смерти, – громко, чтобы слышали и остальные, произнёс Бен.

Разбойники в недоумении стали переглядываться – никто не слышал про это знамение.

– Неужели вы не слышали про призрак Чёрного Рыцаря, который бродит со своей чёрной лошадью по пустыне ещё со времён бубновых походов против пиковых, – навёл страху на весь караван бородач Бен.

– Он не чёрный, просто сильно загорелый для белокожих рыцарей, – возразил другой голос из каравана. – Может, всё-таки массовая галлюцинация?

– Так же думали те, кто не придавал значения увиденному ими призраку Чёрного Рыцаря! – произнёс Бен.

– Вах! Вах! И что с ими стала, гамарджу? – дрогнувшим голосом поинтересовался третий товарищ из середины каравана, с большим, я бы даже сказал грузным носом.

– А то! Тех, кто увидит этот образ неупокоенной души, ждёт конкретная «засада»!

– У яком понятии?

– В прямом и переносном!

– Коли так, может, тогда отложим сегодняшнее мероприятие, Бен? – крикнул кто-то уже из конца каравана. – Ну его, этот Апчхи-сарай, не поедем сегодня в гареме теракты устраивать.

– А Кацо прѣдлагаит сдаца! – высказался носатый, почуяв, что медленно, но верно начинало пахнуть жареным.

– Ни-ни! Ни в коем рази! – возразил «гуталиновый» Тарантас-бача, сдаваться кому-либо: апчхалям, чучхелям и уж тем более москалям, он не собирался.

– Правильно! Надо отменить теракты! – возмутился бандитский отряд, согласный с тем, который в конце каравана. – Али бабы султановы нам дороже жизни? Али «бабло», что нам заморские инструктора надавали, дороже наших жизней? Али эдак! Али так! Зак-али-бали эти инструктора уже!

– О'кей! О'кей! – поднял бородатый Бен-Ден руку с зажжённым факелом, как это делали заморские инструктора, чтобы привлечь к себе внимание (огонь всегда успокаивающе действовал на отважных пустынных бедулибов и покрашенных под них чубато-носатых наёмников). – Мы с вами свободный народ! И мы сами решаем, кто нам враги и кому напакостить нашими терактами! Предлагаю сегодня не соваться в гарем, а назначить врагами наших инструкторов, ибо знак, который нам подал Чёрный Рыцарь, означает, что в Апчхи-сараях всех нас ждёт острый кол султана.

Разбойники, представившие себе эту зверскую экзекуцию, содрогнулись и все как один проголосовали за предложение Бена.

– Вот и отлично! – пересчитал Бен-Ден «голоса». Воздержался только носатый, но его, как обычно, в расчёт не брали. – Значит, единогласно! Поворачиваем!

Вот так благодаря Полисею был спасён недружелюбный ему Апчхи-сарай, а заморские воеводы-завоеватели-подстрекатели приобрели себе новых противников в лице недавних учеников с факультета «практического теракта».

Вечномолодой и вечнопьяный город, город-страна, город-герой, город-сказка и город-мечта – так называли этот необыкновенный мегаполис (да, кстати, его ещё называли и город-мегаполис) все великие путешественники всех времён и народов, которые когда-либо появлялись на земле. Почему? Потому что все дороги вели в этот город, и кто бы куда ни шёл, никто не мог пройти мимо него, даже если и направлялся совсем в другую сторону, как, например, наши герои. Даже в его названии – ДРИМ-ДАУН – угадывалась мечта любого идио... человека побывать в этом легендарном городе и... умереть не встать.

– Город-дурдом! – оглядев суетливый мегаполис, одарил его новым эпитетом Сероволк, хотя, где-то очень глубоко в душе, любил людные места. – Я начинаю верить, что его волчиха-оборотень с двумя щенками основала. Бабам такие серьёзные вещи поручать не стоит.

– Ты говори, да не заговаривайся, Яша, – охладил цыгана Василевс. – Здесь по вопросам гендерной политики и равенству полов инквизиция работает, смотри, за такие речи тебя мигом в еретики окрестят и на дыбу.

– Да это я с непривычки, – стал оправдываться Яков, поглядывая по сторонам. – Давно такого не видел. Да вы и сами посмотрите, какой хаос творится.

А посмотреть было на что. Самый разношёрстный народ, всех мастей и оттенков, ворчащим потоком: кто на телегах, кто с тачкой в руках, кто с чемоданом, кто с узлами, втекали и вытекали в городские ворота, по бокам которых с биноклями на шее важно прогуливались откормленные солидные гусаки.

Легенды гласили, что давным-давно гуси-стражники однажды уже спасали город от нападения залётных гастролёров, своевременно оповестив «кого надо», и каким бы это бредом нам с вами ни казалось, отцы города решили навечно закрепить за гусями эту ответственную миссию. Правда, злые журналистские языки поговаривают, что таким образом местные «отцы» пытались бороться с коррупцией в рядах таможенного ордена «Преподобного Отката» и Святопустого ордена дорожной Инспекции, но я склоняюсь к мысли, что попросту жалели денег на нормальную стражу.

Так вот, пройдя через ворота «вечнопьяного города», богатыри с головой окунулись в его бурлящую жизнь. Чего только здесь не было: ремесленные мастерские по изготовлению шуб и дублёнок из искусственных хорьков и росомах, вязанию фирменных веников и валянию брендовых валенок, развалов с парчами, шелками и персовыми коврами, дуканов с магическими пряностями и дурманящими смесями и даже бутиков с интимными «Ваньками-встаньками» и другими «валяшками» и «неваляшками».

– Тьфу ты, дрянь господня! – сбогохульничал Василевс, проходя мимо такого бутика, и им сразу же заинтересовался неприметный человек в серой сутане с накинутым капюшоном. – Расставили здесь «дьявольские погремушки», тьфу! – ещё раз сплюнул он и остановился возле

лотка с бакалейным товаром. – Так, а что тут у нас? – осмотрел Премудрый раскрытые мешки с крупами. – Ишь ты, «Сим-сим», – прочитал он на ценнике одного из мешков. – А это «Волшебная фасоль», так, это «Сезам», «Музыкальный горох», «Шлифованный рис», хм, странно, «Крупа манная небесная».

Колдун подозвал товарищей и предложил закупить провианта на дорогу.

– Крупа – вещь полезная, и не портится, – изрёк он старую мудрость и сразу же уговорил их.

Пока Василевс торговался с продавцом, Иван отошёл к ломбарду, где, вот же везуха, случайно наткнулся на одиноко пылившийся на полке лапоть, как раз для пары оставшейся у него на память обуви. Забрав его по бросовой цене, Царевич достал свой и, надев оба лаптя, довольно причмокнул – пусть поношенная «обновка» немного жала, а так ему было психологически комфортнее. Теперь сразу видно – богатырь, а не шантрапа босяцкая.

Покончив с восстановлением имиджа, Иван остановился у букинистической лавки, в которой щуплый очкарик в пенсне торговал всем, что можно было отдалённо назвать книгой: энциклопедическим папирусом, рулонами приключенческой берёсты, детективными свитками, глиняными открытками, выделанной воловьей кожей с любовной лирикой и, собственно, книгами.

– Вот это да! – изумился Царевич, найдя среди мировых бестселлеров редкую книгу отечественного писателя. – Хуан Сусанин «Как заводить друзей». Ух ты! – вновь не сдержал он чувства восхищения, перенес внимание на другой фолиант, – «Антология пыток: От дыбы до песен Укупленника. Полный перечень истязаний!».

– Не то смотришь, Ваня! – подошёл затарившийся колдун и показал на красочную книжонку. – Читай пэнтези! Вот: «Жанна Де-Роуминг и костёр инквизиции», бестселлер юного писателя-волшебника Джек-Поттера про одну красну девицу, которая якобы невероятно разбогатела, придумывая рассказы про своего же создателя. Это тебе не триллер про говорящую репку.

– Крутой поворот сюжета! – почесал свою «говорящую репку» Царевич. – Пожалуй, я себе возьму в дорогу.

– На обратном пути, – огорошил его Премудрый. – Мы лучше возьмём какую-нибудь кулинарную книгу, – колдун вытащил одну книжонку из стопки. – Вот, к примеру, одна фамилия автора чего стоит – Поваровски, тэк-с, «Зразы из стразов: гламурная кухня». Нет, нам чего попроще, пожалуйста! – обратился Василевс к торговцу.

Тот порывлся в куче свитков и выудил на свет небольшую, карманного формата книжицу.

– «Каша из топора, или Всё, что под рукой», – прочитал Василевс заголовков книги и заглянул на последнюю страницу. – Автор – Повариха, издатель – Бабариха, переплёт – Ткачиха. Отлично! Беру!

Колдун рассчитался с торговцем и, спрятав книгу в рукав, отошёл к Ивану, который искал взглядом куда-то запропастившегося Сероволка.

– Что, «санитар леса» куда-то запропастился? – спросил Василевс у Ивана, тот молча кивнул. – Ерунда! У него нюх отменный, сам нас найдёт. Главное, чтобы не вляпался опять куда.

– Вот этого я и боюсь, – ответил Иван.

– Ничего! Если что, скажем, что с «преступником ниф-нифунтиком» не знакомы.

– С каким «фунтиком»? – не понял детской шутки Иван.

– Не забивай голову, Ваня, – улыбнулся колдун. – Пошли дальше.

Не успели они пройти и нескольких шагов, как «нарисовался» загадочно ухмылявшийся Сероволк.

– Да, городок что надо! – изменил он своё мнение, увидев, как говорится, мегаполис изнутри. – Дружелюбный!

– Где тебя носило? – спросил Иван.

– И не спрашивай, – ответил цыган и расплылся в озорной улыбке. – Одна красотка меня в переулке прижала. Вся такая из себя...

– А ты что это по переулкам шлындаешь? – подозрительно уставился на Яшку Василевс. – От отряда отрываешься.

– Да по нужде я отошёл. Короче, не перебивай, – отмахнулся цыган и продолжил начатую историю. – А там, значит, эта бабёнка стоит. Остановила меня, лопочет что-то, «уно-моменто», «ай-цвай-драй», «быстро-быстро», мол, это, «дас ист гуд». Я ей, дескать, не могу, росо тористо, кодексо морало, зай и мажай ту-ту, где я потом вас искать буду. Она ни в какую, опять мне «фифти-фифти», «хомо хомиус люпус дас ист класс», уже чуть не плачет, мол, «моменто мори», молодой человек, «щёрт побьери»...

– Короче, «Достосовский»!

– Ну, я не сдержался, пожалел её. Помог дотащить сумки до дому...

– А потом? – облизнулся колдун от цыганского рассказа.

– Всё! Она сказала «грацио-матрацио бамбучо» – большое спасибо, любезный – по ихнему, с «мафией» своей познакомила: с мужем, детьми, свекровью и крёстным отцом, чаем угостила с оливковым вареньем.

– И в чём «фишка»? – разочарованно протянул колдун.

– Как в чём, помогать людям, оказывается, такой же кайф, как и помогать зверям! – цыган закатил глаза от удовольствия.

– Тьфу ты, «суперлюпус». Пошлите дальше, – колдун развернулся и, опять припомнив кое-кого из божественного пантеона, стал пробираться через толпу.

Следом двинулись Иван с Яковым, а параллельным с ними курсом незаметно двигался субъект в сером.

Яков достал из кармана кулёк с семечками и, разглядывая всяческие диковинки, принялся беззаботно их лузгать.

– О-о! Сорок восемь – половину просим! – протянул ладошку Иван.

Сероволк отсыпал ему небольшую жменьку.

– Не жадничай! Дал как украл! – пожурил Царевич товарища.

– Тс-с-с! – приложил палец к губам Сероволк и огляделся по сторонам.
– Чего орёшь? Хату спалишь!

– Яша, ты опять за своё?! – шёпотом «наехал» Иван на цыгана. – А если бы увидели?

– Не бойсь! – прошептал тот в ответ. – Там ими слепая бабуса торговала!

Царевич чуть не задохнулся от гнева.

– Да как ты мог старого слепого человека обок...

– Да тише ты! – зашикал на Ивана Сероволк. – Я ей незаметно в карман золотой закинул, прежде чем воровать.

– Не понял, а здесь в чём «прикол»? – недоумевающая, остановился посреди дороги Царевич.

– Так вкуснее, Ваня! Вкус-не-е! – открыл маленький секрет хорошего аппетита цыган и потащил всё ещё недоумевающего товарища за ушедшим вперёд Василевсом.

Уже почти дойдя до главной площади, вокруг которой располагались основные сооружения для хлеба и зрелищ: ресторан «Империя Пицца», стадион «Голлизей», ночной клуб «Куртиглазки» и амфитеатр «Колливуд», Сероволк остановился и, несколько раз втянув ноздрями воздух, обеспокоенно завертел головой по сторонам.

– Что-то случилось, Яша? – тоже забеспокоился Царевич.

Тот промолчал и, найдя глазами человека в сером, который неотрывно шёл за ними, подозвал того взмахом руки.

Понимая, что его раскусили, человек не стал убежать, а робко приблизился, готовый к получению взбучки.

– Слышь, монах! – недобро скалясь, обратился к нему Сероволк. – Ты, конечно, извини за прямоту, но от тебя прёт далеко не святым духом. Вот тебе денежка, – вложил он незнакомцу в руку монету, – сходи в баньку, помойся, постирайся, купи туалетную воду, а то вблизи и вовсе глаза щиплет.

Человек в сером, не веря в такую удачу, поклонился и быстренько смотался восвояси.

– Альтруист, ничего не скажешь, – ухмыльнулся Иван.

– А то! Помогать ближнему – кайф! Особенно, если от него так несёт!

– Ну не такой уж он нам ближний, это – во-первых, – сказал Царевич. – А во-вторых, так денег никаких не напасёшься. Не забывай, сумма казённая, сугубо на командировочные расходы: провиант, ночлег, транспорт. Финансовая помощь другим в контракте не оговаривалась. Отечественные налогоплательщики таких расточительных богатырей не поймут.

– Хорошо! Больше не буду благотворительностью заниматься!

– То-то же!

Друзья догнали колдуна, который остановился напротив афиши с объявлениями.

– Так, что у нас сегодня в амфитеатре? – пошарил глазами по афише колдун. – Ага, спектакль-блокбастер «Чужие среди других», комедия. Как

будто про нас постановка, – обернулся он к товарищам. – Может, сходим, приобщимся к античной, так сказать, культуре?

– Нет, – отрезал Царевич. – На цены билетов посмотри. Нас...

– Налогоплательщики не поймут, – завершил за него фразу цыган и бескультурно ткнул пальцем в афишу. – Вот! «Благородный Максимус против Неблагодарного Спартакуса», «товарищеская братоубийственная встреча», «финал», «в Голлизее», «вход свободным», «с несовершеннолетними рабами вход воспрещён», «Начало: уже вот-вот». Давайте сходим!

– Ни в коем случае! – покачал головой Премудрый. – Там охочие до крови фанаты на трибунах всегда такое безумное «месиловое» устраивают, гладиаторы сна лишаются.

– А вот ещё «зрелище», – угрюмо сказал Иван и зачитал объявление. – «Спешите видеть! Сжигание еретика и преступника! Площадь Великого Инквизитора. На закате».

– Пойдём хоть на казнь посмотрим! – без особого восторга предложил цыган. – Опять какого-нибудь интеллигентишку зажарят на потеху публике за религиозно-политические анекдоты, типа «Попытка не пытка, а всё равно вертеться надо».

– Или вора какого-нибудь, – предположил уязвлённый колдун. – За то что семечки у бабки стырил.

– Как узнал? – полезли глаза на лоб у цыгана. – Ваня, ты раскололся?

Царевич пожал плечами, дескать, никак нет, не стучал.

– Не забывайте, что я кое-где телепат, – пояснил Василевс. – Ладно, пойдёмте на площадь, посмотрим, кого там по ветру развеют.

Вокруг лобного места, где вскоре должно было состояться показательное кремление «еретика и преступника», лавровому листу негде было упасть – так много оказалось жаждущих лицезреть это «священнодействие».

Трое богатырей едва протиснулись поближе к эшафоту с дровами, чтобы ничего не пропустить, и тут увидели, как из ворот СИЗО (чтобы не путали ни с чем созвучным, давайте сразу расшифруем аббревиатуру – СИЗО – Собор Иезуверского Ордена) вышла длинная процессия в белых балахонах с вырезом на нижней части спины, символизировавшим, что их счастливым обладателям глубоко на-а-ачхать на чаяния суетившегося вокруг плебсита. На головах маршировавших были нахлобучены колпаки, скрывавшие их мужественные лица. В центре процессии плёлся, спотыкаясь, приговорённый еретик-преступник в раздражающем обывателей красном балахоне с мешком такого же цвета на поникшей голове.

– Это ещё что за гей-парад? – поинтересовался у товарищей любознательный цыган, но те, поглощённые зрелищем, не сочли нужным разъяснять понятный каждому цивилизованному гражданину загримированный под казнь ритуал жертвоприношения.

Окружающие же, увидев мрачную процессию, начали дружно креститься, молиться, сморкаться и мысленно браниться и на человека в красном, и, с не меньшим рвением, на монахов в белом.

Жертву провели через перешёпывающуюся людскую массу к плахе.

Два палача со спичками в зубах помогли еретику взобраться на поленницу из дров, щедро переложенных сушёными листьями табака.

Это смертоносное растение совсем недавно было привезено от «переголовых» аборигенов мореходом Кристобалем, по прозвищу Чёртов Колумбиец (в узких флибустьерских кругах его ещё называли «Проблемой семи морей», за то, что он первым спровоцировал конфликт между кланами «Краснолицых» и «Бледнокожих», негативно повлиявший на общее развитие морских перевозок между Старым и Древним Светом). Листья растения первое время использовались исключительно для стопроцентного уничтожения всякой живучей нечисти, вдыхавшей выделяемый им смертоносный дым у позорного столба. Это уже гораздо позже недобитая «нечисть» догадалась «скуривать» отраву обычным обывателям, мстя им за прошлое (но в данный момент – настоящее).

Палачи привязали приговорённого злоумышленника к возвышавшемуся над дровами позорно-искупительному столбу и, подбоченясь, встали по бокам от жертвы, чтобы все могли рассмотреть, какие они суровые и непреклонные ребята.

На передний план вышел судья инквизиторского трибунала: тощий и бледный, словно физическое олицетворение самой «старухи с косой», кардиган Квазиморда. Обведя блёклыми бесцветными глазами притихшую толпу, Квазиморда кивнул палачам. Те стянули мешок с головы приговорённого и с чувством собственного палаческого достоинства неспешно спустились с поленницы вниз. Народ увидел лицо привязанного к столбу человека и ахнул – это была чудовищной красоты женщина. Несмотря ни на что: ни на полное отсутствие косметики, ни на чёрные круги под глазами, преступница и еретичка была чертовски хороша.

– Чур-боже меня тоже! – проморгав, проговорил колдун и нервно сглотнул. – Что это за прекрасная незнакомка?!

И тут, отвечая на его вопрос, Квазиморда зачитал приговор, по которому становилось всё понятно (но мы-то с вами понимаем, что инквизитор не отвечал на вопрос колдуна, просто у них так случайно совпало).

– Это, если кто не в курсе, лжепровидица Несмеральда! Она признана судом святой инквизиции опасным преступником и еретиком, – читал суровый судья. – Её лжепророчества носили явный эвентуальный умысел и сопровождались неоднократным пенитенциарным рецидивом. В частности, она под давлением аргументов и фактов пытливых умов наших следователей призналась в том, что высказывала на людях свои кощунственные лжепророчества. Так, она заявила, что «коррупция и самодурство исчезнут на земле только ко Второму Пришествию», тем самым подвергнув сомнению церковные догмы и саму возможность «Второго Пришествия». Также ей вменяется в вину попытка создания преступно-дьявольской секты «Профсоюз» для защиты прав потребителей, производителей, долгожителей и других рабов. По совокупности преступлений Несмеральда приговаривается к пожизненному сожжению, – Квазиморда ещё раз обвёл взглядом сразу поникший народ и встретил только три ответных взгляда (кому

они принадлежали, надеюсь, объяснять не надо). – Итак, есть ли у кого сказать слово в защиту преступницы?

Что-то возразить замглаве Ордена Иезуитов никто не решился, хотя...

– У меня, у меня есть что сказать! – неожиданно (и для себя тоже) поднял руку Василевс и удивлённо уставился на свою пятипалую предательницу.

Цыган попытался его одёрнуть, но, обычно осмотрительный, Василевс Премудрый на попятную не пошёл, руки не опустил, лишь только трость свою уменьшил до размеров зубочистки и спрятал в другом кулаке.

– Выйди сюда человек, которому есть что сказать! – пригласил его на эшафот удивлённый инквизитор, на его судейской практике такую неслыханную отвагу перед их строгой и благочестивой инквизицией проявили в первый и, он надеялся, в последний раз.

Услышав приглашение, взволнованный колдун и тут не остановился. Подобрал полы плаща, чтобы пробраться через толпу к Квазиморде, Василевс улыбнулся товарищам.

– Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, – шепнул ему напоследок Сероволк.

– И я... надеюсь! – ответил Премудрый. – А если всё-таки не вернусь, прошу считать меня военкомом, – невнятно пробубнил колдун и покинул оставшихся в толпе товарищей.

– Что он сейчас сморозил? – переспросил цыган у Царевича.

– Я тоже не понял, о чём это он, – пожал плечами Иван. – Вернётся, спросим.

– А если не вернётся?

– Что ж, будем считать его, кем он там хотел, кажись, военкомом, посмертно.

(Если кто и здесь не в курсе, у них «военкомами» величали посмертных героев, которые до последнего вздоха не покидали передовую, то есть всё как у нас).

Тем временем Премудрый добрался до эшафота, с которого на него мрачно поглядывала приговорённая провидица.

– Что ты хотел нам поведать, уважаемый? – спросил инквизитор, когда Василевс остановился рядом с ним. – Только обещай говорить голую правду, нелицеприятную правду, одну лишь правду и ничего кроме правды! Аминь!

Э-эм, да! С такими запросами, господа хорошие, мне, может, и вовсе не начинать прения сторон, подумал колдун, но вслух сказал иное.

– Хорошо! Обещаю говорить только голую нелицеприятную правду и ничего кроме голой нелицеприятной правды!

– Замечательно! Теперь можешь говорить!

Колдун нашёл глазами своих спутников, которые знаками показывали ему не менжеваться, затем посмотрел на прекрасную провидицу, которая хоть и впервые видела его, но тоже следила за его действиями с немалым интересом, и начал говорить «голую правду».

– Я колдун! – сказал Василевс первую правду, и народ по привычке дружно ахнул, а колдуна прорвало: – Да, колдун я и маг, и что же? Разве маг алхимичить не может? Разве звёзды читать негоже? Разве числа слагать не множить? – все, включая Несмеральду, пытались уловить смысл говорящего Василевсом, но у них это получалось довольно слабо.

Только Квазиморда знал о чём речь, но не вмешивался, сам виноват, что насчёт «голой нелицеприятной правды» заикнулся.

– Я волшебник, друид и знахарь! – продолжал резать правду-матку Василевс. – А друзья мои вор и пахарь! Я с бродягами жарю спирт! На спирту том колба стоит! А у вас, инквизиторов дуболомных, иезуверов орда узколобох! Они все у вас эти... готики! Друг по дружке стреляют «дротики»! – инквизитор поморщился, но не перебивал: покамест колдун говорил «только правду» и, из песни слов не выкинешь, «ничего кроме правды». – И зря делитесь вы на касты! Вы ведь все, как один, «папуасты»! Ну а псы ваши иезуверы! По повадкам и по манерам, я сказал бы, да здесь есть женщина, жертва вашей алчной военщины! А ещё я знаю такое! Вас самих всех за это «закроют»!

– Хватит!!! – не выдержал «голой правды» иерарх Ордена Иезуверов и подал сигнал вспотевшим от разоблачительных слов колдуна монахам увести последнего с глаз долой. – Он всё сказал! Симптоматика ясна: он одержим балбесами, и мы его вылечим.

Несмеральда с одной стороны, толпа обалдевших зевак – с другой, и спутники колдуна – с третьей, так и не поняли, чего добивался Василевс своей изболочительной речью. Ну не на костёр же, в самом деле, напрашивался.

Но не тут-то было. Из толпы очевидцев и стоявших рядом с ними ротозеев и случайных свидетелей выскочил человек в сером балахоне и, подбравшись к Квазиморде, что-то продолжительно нашептал тому на ухо.

– Глянь! Это тот, ароматный! – узнал в нём Сероволк недавнего «парфюмера».

– Ага! – согласился с Яковом Ваня. – Жалуете, небось, иезувер поганный, на твою «заботу»! Видишь, на кого ты народную денежку потратил.

Тем временем Квазиморда остановил процессию, уводившую колдуна, которому уже успели заткнуть рот кляпом на всякий случай.

– В виду открывшихся обстоятельств, – злорадно потёр руки инквизитор. – А именно то, что охмурённый бесами колдун упоминал господу всуе, и более того богохульствовал при свидетелях, – Квазиморда показал на человека в сером, тот в свою очередь грациозно поклонился, но капюшон так и не снял, – то единственным средством избавления чакр колдуна от злых чар остаётся костёр инквизиции!

Иван с цыганом озабоченно переглянулись – пора бы уже и вмешаться, но колдун окончательно ввёл их в ступор.

– Да здравствует суд инквизиции! Самый гуманный и справедливый суд в мире! – провозгласил Василевс, выплюнув кляп, и зааплодировал.

Его поддержал только человек в сером, но, получив подзатыльник от Квазиморды, молниеносно растворился в толпе.

– Кажись, наш мудрец всё же съехал с катушек! – сообразил, в чём, собственно, дело, Царевич, беря Сероволка за плечо. – Пошли, попробуем взять его на поруки.

Но тут его руку словно огнём обожгло. Он отдёрнул её от цыгана и осмотрел. Оказалось, это найденное в катакомбах кольцо раскалилось за краткий миг и теперь, также быстро остывнув, оставило на своей поверхности новую надпись: «Не лезьте, он знает, что делает».

– Хорошо, не пойдём, – согласился с непростым перстнем Иван. – Посмотрим, что дальше будет.

– То пойдём, то не пойдём, – рассерженно проворчал цыган. – Определись уже, будем забирать Васю, не будем! Сейчас из него шашлык сварганят у нас на глазах, как потом перед твоими «налогоплательщиками» отчитываться будем?

– Не переживай, отчитаемся! – бросил Царевич, наблюдая, как рядом с прорицательницей привязывают Василевса. – Я, кажется, догадался, куда он клонил.

– И куда?

– Смотри. Сейчас он шоу нам устроит.

Тоже сообразив, «куда клонил» Василевс, Яков с интересом стал наблюдать за происходящим на лобном месте. Жаль, семечки кончились.

– Эй, сумасброд! – любезно окликнула Несмеральда привязанного рядом колдуна. – Это что было? Лебединая песнь самоубийцы?

– А ты неплохо держишься для «курочки гриль», юморишь ещё, – похвалил смелую женщину Василевс.

– Я прорицательница! – ответила Несмеральда. – И я точно знаю, что сегодня не умру. Вот и не напрягаюсь.

– Правильно! Не умрёшь, потому что я тебя спасу.

– Это как?

– Ты у нас ясновидящая, угадай!

– Слушай, такие мелочи, как, допустим, кто и каким образом меня спасёт, мне видеть не дано. Я предвижу конечный результат.

– Ничего себе мелочи, – оскорбился Василевс. – Я ради неё, понимаешь, жизнью рискую, и я же – «мелочь».

– Не обижайся! Это я образно выразилась.

– Ладно, проехали! – сменил обиду на заботу колдун. – У меня в руке волшебная тросточка, – показал он женщине уменьшенную трость, – дотянись, возьми её в руку, закрой глаза и сосредоточься, остальное моя забота.

Прорицательница сделала, как велел Премудрый, и закрыла глаза.

– Умница! – опять похвалил её Василевс и, закрыв глаза, стал настраиваться на телепортацию.

Тут случилось непредвиденное.

Пока Василевс выяснял отношения с прорицательницей, палачи, по приказу Квазиморды, зажгли инквизиторский костёр. Обильно добавленный в поленницу табак задымил, что тебе первый паровоз Котельникова, и сразу начал немилосердно травить колдуна. Сначала Василевса стал мучить сильный сухой кашель, а затем и вовсе голова у него пошла «по круту» и начало тошнить.

«От этого табака и сдохнуть недолго, – думал колдун, задыхаясь в едком дыму. – Кажись, прорицательница сегодня недосмотрела результат».

Языки пламени уже почти добрались до их ног.

Колдун уже начал терять сознание от угара и тут услышал сквозь звон в ушах далёкий голос прорицательницы.

– Ну что, когда уже? – спросила она, всё ещё не решив: впадать в панику или пока ещё надеяться на чудесное «видение». – Огонь уже ноги обжигает.

– Я задыхаюсь! – просипел в ответ Василевс. – Не могу сосредоточиться, дым мешает!

– Ох, ничего вы, мужики, без нас толком не можете, – усмехнулась Несмеральда и потянулась к колдуну. – Тащи свои губы сюда! Будем сосредотачиваться!

Колдуна дважды просить не пришлось. Поняв, что это единственный выход, он выгнулся и прильнул своими пересохшими губами к губам чертовски привлекательной женщины.

Языки пламени едва коснулись их ног, как сильная вспышка скрыла в огне столб с приговорёнными, взметнув яркие искры к небу. Клубы чёрного дыма в форме зловещего гриба поднялись над площадью.

Увидев, как в мгновение ока сгорело два практически невинных человека, народ шарахнулся в стороны. Горожане, решив, что оказались в эпицентре чего-то весьма нехорошего, вспомнили, что давненько не устраивали добротной паники. Мало-помалу паника, благодаря потугам распоясывавшейся толпы, вышла на полную мощность, перерастая в полномасштабные акции протеста и беспорядки.

В начавшейся давке и сутолоке только два человека спокойно стояли посреди обезумевшей площади.

– Мне показалось, что они там поцеловались, перед взрывом, – сказал зоркий Сероволк.

– Не знаю, такая дымовая завеса стояла, что я почти ничего и не увидел, – разочарованно протянул Царевич и мельком поглядел на перстень.

«Быстро уходите из города, а то сейчас начнётся», – прочёл он свежую надпись.

– Ладно, пошли отсюда! – сказал Иван цыгану, и они поспешили прочь из этого вечного святого города грехов, пока не началось то, что в учебниках истории позже спишут на пьяных иностранных туристов из Вандалии: разрушение, осквернение и расхищение.

Продолжение в следующем номере.

Виктор АФОНИЧЕВ

Глаз божий

Рассказ

1

Сегодня на утреннем разводе второго отдельного батальона ДПС города N-ска объявили результаты перееаттестации. С итогами работы комиссии ознакомил своих подчинённых командир батальона, который накануне вечером на руки получил соответствующий приказ в областном управлении.

В числе достойных звания полицейского в полном составе оказался весь второй отдельный батальон ДПС города N-ска. Не прошли аттестацию только незанятые должности в количестве трёх единиц. После зачитания приказа, оторвав взгляд от бумаги, командир батальона произнёс: «Как сказал наш министр, за моей спиной, то есть за его спиной, в прошлом, заметьте – в прошлом, остались взяточничество, злоупотребления служебными полномочиями, коррупция и весь негатив, – и громче добавил: – Нету его сегодня. В новой структуре остались только лучшие из лучших!». Ухмылка пробежала по лицам подчинённых. «Вольно! Разойдись. Приступить к несению службы», – в завершение своей речи скомандовал командир.

Одним из дослужившихся до звания полицейского оказался старший лейтенант Павел Сергеевич Хлынцев. Когда-то он, попав на службу в милицию (туда пристроил его родной дядя полковник Иван Павлович Хлынцев), благодаря этому не попал в тюрьму. До того момента он регулярно, будучи пьяным, гонял по N-ску на отцовской машине, его останавливали, составляли протоколы, привлекали. Теперь он делает то же самое на служебной машине, но никто уже не задаёт вопросов.

– Товарищ майор, разрешите обратиться, – произнёс Хлынцев.

– Да, слушаю.

– Теперь как правильно к нам обращаться: товарищ полицейский или господин полицейский?

– По этому вопросу пока директивы никакой не поступало, но в новостях я слышал, что наш министр журналистам дал ответ, что приемлемо и так, и так.

– А правда, что после некоторого времени нас из полиции в жандармерию переименуют?

Помня, что у Хлынцева дядя ходит в чине полковника, командир к этому вопросу отнёсся серьёзно.

**Виктор
Валентинович
АФОНИЧЕВ**

окончил Новосибирский электротехнический институт. Публиковался во многих газетах и журналах, в частности в таких изданиях, как «Литературный меридиан», «Литературный Башкортостан», «Юность», «Наша Канада».

Живёт в г. Искитиме Новосибирской области.

В «Ниве» выступает впервые.

– У тебя откуда такая информация? – сверля глазами подчинённого, спросил он.

– Вчера в Интернете прочитал, что нынешнее переименование – это... – дальше споткнулся Хлынцев в изложении своей мысли, почесал за ухом, после чего простодушно выпалил: – Наведение понтов. Когда весь этот форшмак вскроется, новую вывеску нарисуют – жандармерия.

– Нет, такой вопрос пока не рассматривается, – ответил майор уже с видом человека, знающего всё.

Вечером Хлынцев с напарником и ещё один экипаж ДПС отмечали свой новый статус в придорожном кафе «У Гарика». Кроме них в полутёмном зале находились: два харчующихся крупных мужика-дальнобойщика с серыми от дорожной копоты лицами и пахнущие солярой, а также группа братков с гайками на пальцах и с цепями на шее, без передышки опрокидывая в себя одну за другой стопки с водкой. Первые наедались впрок, вторые снимали стресс.

– Что за ситуация? Как себя вести? Сплошная шняга. Раньше аккуратно взлохматил фраера, с кем надо поделился – и всё нормалёк. Теперь тема тёмная. Делиться никто не отменял, а как лохматить – непонятно, – жаловался коллегам на прозу жизни один из новоиспечённых полицейских.

– В натуре народ бурагозит. Тормознёшь какой-нибудь лоховоз, шпак за рулём ни дать ни взять – натуральный лепила, а туда же – бузу затирает. «Представьтесь», – требует. Всё на сотовый снимает. Так и подмывает вальцануть ему в бубен! – впечатлениями о своих трудовых буднях делился уже другой полицейский.

– Это, пацаны, всё ерунда. Тут в Интернете аэску зацепил, мол, тему перетирают в Москве, чтобы в каждую машину ДПС поставить видеофиксаторы. Что это значит? – предложив сотоварищам пошевелить мозгами, вклинился в разговор Хлынцев.

В ответ получил следующего содержания умственный выхлоп одного из коллег:

– Вилы.

– Пацаны, а я скажу: «Дом-2» конкретно отдыхает. И это не всё. По окончании смены будем проходить ещё тест на полиграфе, – своё виденье ситуации изложил Хлынцев.

– Это что такое? – задал вопрос коллега.

– По-простецки – детектор лжи, – пояснил Хлынцев. – Каждый день будут прессовать на этом аппарате, задавая вопросы: «Брал деньги?! Сколько?». И яркий свет в глаза.

– Что они там, на кругу порожняк гонят?! – высказался один из полицейских.

– Понты бьют, – подытожил другой.

Вот такой был «базар».

Первыми кафе покинули дальнобойщики, за столиками их сменили подъехавшие коллеги. Братки, рассчитавшись с официантом, разъехались по своим «стрелкам». У полицейских при отчаливании возник спор, сначала между собой, потом с официантом: «Надо им платить джорджики или нет?» – выяснив, что Гарик – не фраер последний. Рассчитались.

Канарейка, то есть патрульный автомобиль, с включённой люстрой наверху, то есть с проблесковыми маячками, вёз домой двух «гиббонов», то есть двух сотрульников ГИБДД: Хлынцева и его напарника. Руки Хлынцева

лежали на рулевом колесе, у напарника они были вытянуты вдоль туловища. При движении транспортного средства тела двух «гиббонов» болтало из стороны в сторону. Они почти добрались до места, как их подрезала автобусная остановка. Столкновения избежать не удалось.

2

Спасатели и «скорая» приехали быстро. Хлынцева и его напарника извлекли из покорёженного автомобиля и отвезли в ближайшую больницу. Несмотря на серьёзность аварии, они были живы, хотя без сознания. За две минуты до происшествия от остановки отъехал автобус, поэтому никто не пострадал. Эта счастливая случайность связана с тем, что Гарик оказался настоящим парнем, то есть те две минуты разницы ушли на выяснения в кафе его статуса и на расчёт полицейских с официантом.

В больнице нашим коматозникам были разные видения.

Первая галлюцинация – они по обмену опытом направлены в США в Оклахому. Сам шериф их приветствует в своём кабинете. Несмотря на то, что Хлынцеву в школе преподавали немецкий язык, а напарник вообще не помнил, чему его учили в школе, они тем не менее хорошо понимали речь шерифа.

– У нас в Америке нет отдельного подразделения в полиции, которое занималось бы дорожным движением, их функции выполняют обычные патрули, – делился опытом главный полицейский Оклахомы. – Вождение в Америке сильно отличается от российских реалий. У американцев с детства закладывается законопослушность. Поэтому соблюдение правил дорожного движения не подвергается сомнению. Выходцам из России первое время ездить здесь непривычно. Уступчивость и культура вождения в Америке отличается даже в лучшую сторону, чем в Западной Европе. Из-за скоростного лимита здесь нет такого количества аварий, и они не такие ужасные, как, допустим, в Германии. Хотя идиотов тоже хватает. В США правила дорожного движения соответствуют международным, но есть некоторые отличия. Главный принцип правил в Америке заключается в следовании здравому смыслу, а не в закреплении каких-то формальных норм и положений, разрешений и запретов. Например, на перекрёстке, убедившись, что никому не создаёшь помеху, можно повернуть направо на красный свет. Совершенно непоколебимо правило пропускать пешеходов и не только на установленных переходах. Американцы никогда не оставляют машину в местах, запрещённых для парковки. Дорожные знаки в США выглядят немного по-другому и гораздо проще, так как обычно всё пишется словами. Допустим, знак «ограничение скорости» – белый прямоугольник, где чёрным цветом написано «SPEED LIMIT 50». Штрафы за нарушения составляют от двадцати пяти до нескольких сот долларов. Но упаси вас бог предложить полицейскому расплатиться на месте. В итоге – наручники и заключение под стражу. Поэтому оплата только через банк по соответствующей квитанции и акту. На здешних дорогах полицейских патрулей, как правило, не видно, но это вовсе не значит, что мы отсиживаемся в кустах, готовые пулей вылететь с радаром к нерадивому водителю. Для этого применяется видеонаблюдение и патрулирование на вертолётах с воздуха. Как только дежурный заметил нарушение, вызывается ближайшая патрульная машина, которая через несколько минут сядет на «хвост»

нарушителю с мигающими фарами и включённой сиреной. Это не желание «агрессивного полицейского», чтобы ему освободили полосу. Это требование остановиться. В такой ситуации водителю предписано принять на обочину, заглушить двигатель, опустить боковое стекло, положить руки на руль и ждать, пока подойдёт полицейский. Если всё-таки патруль дежурит на дороге, то машина будет стоять перед опасным участком, а не как в России после, и на самом видном месте. Полиция не имеет права останавливать водителя без повода, даже под предлогом проверки документов. Американские полицейские – люди доброжелательные, они реальные помощники на дороге и в городе. Система страховки от ДТП применяется в США уже давно. На «разбор полётов» в случае любого инцидента уйдёт минимум времени. Надо только набрать «номер телефона спасения» – 911. Часто и без этого полицейский патруль, а при необходимости медицинская помощь и пожарные придут через несколько минут. Всё это благодаря тому, что почти все дороги контролируются видеокameraми и полицейскими вертолётами. То есть в Америке всё организовано для удобства человека.

После США наши герои с очень секретным заданием, с данной им легендой, что они русские мафиози – Паша Крутой и Саша Кручёный, направились в Японию, где были внедрены в якудзу. Сам шеф, то есть оябун, имел с ними беседу. Речь его для них была проста и понятна, перевода не требовала. Якудза – это настоящие пацаны, остальные катаги, то есть «лохи». Тут уже они, рассказывая о себе, делились опытом с японцами. Японские бандиты отметили, что Паша Крутой и Саша Кручёный – беспредельщики, каких свет не видывал, и в России созданы все условия для настоящих пацанов.

Прошло много времени, Хлынцев всё находился без сознания. За это время власть повернулась лицом к народу. Павел Сергеевич лежит в отдельной палате, кругом чистота, можно даже сказать стерильность, всё покрашено в светлые тона, на окнах жалюзи. В больнице даже есть лекарства, зимой батареи горячие, летом работают кондиционеры, а врачи и санитарки вежливы и обходительны, и вдобавок ко всему разбираются в своём деле, но самое удивительное – выполняют свои обязанности. Труд эскулапов дал о себе знать, Хлынцев пришёл в сознание и стал поправляться. Когда здоровье наладилось, его выписали из больницы.

– Отец, за то время пока я лежал в больнице, как всё вокруг изменилось! – сидя дома за столом с родителями, отмечая своё выздоровление, делился своими впечатлениями Павел. – Ты меня сейчас вёз по городу, я не узнал его. Улицы чистые. На дороге никто никого не подрезает. И милиции нет, пардон, полиции. Я даже не узнаю тебя. Ты ехал со скоростью не более пятидесяти километров в час, на пешеходных переходах пропускал пешеходов и не сигналил им. Что случилось?

– Сынок, сейчас в каждой машине в обязательном порядке ставят видеофиксаторы, информация с них поступает в центр на большой компьютер, в народе прозванный «глаз бога». Который находится где-то там. – Отец направил палец вверх. – Ещё на каждом столбу видеокamera висят, с них информация тоже поступает на этот компьютер. Электронный мозг всё перерабатывает и выносит свой вердикт. Нарушил – отвечай. Штрафы нынче большие. А кто злостный нарушитель, лишают водительских прав пожизненно.

– А как же человеческий фактор? Полиция – свои люди, прокуратура – свои люди, – недоумевал младший Хлынцев.

– Теперь нет человеческого фактора. Всё по закону. Кроме президента страны, депутатов и глав администраций разного уровня, ещё избираем всеобщим голосованием прокуроров и руководителей полиции. Любой, кто имеет необходимое образование и требуемый стаж работы на соответствующих должностях, имеет право выдвинуть свою кандидатуру на этот пост простой регистрацией в Интернете на нужном сайте, – пояснил старший Хлынцев.

– Так легко? – удивился сын.

– Сложности начинаются потом, когда кандидат на детекторе лжи на вопросы электората отвечает. Ему: «Вы имели связи с бандитами?». Он: «Нет». А лампочка горит, что врёт. На этом многие уважаемые люди погорели, – поведал отец.

– А если «подмазать»? На «лапу» дать? Кругом ведь люди, живые человечки. Всё подстроят, как надо, в компьютер изменения внесут, – не унимался Павел.

– Паша, сейчас наличных денег нет. Только электронные платежи. Ввоз валюты в страну запрещён, иностранцев пускают к нам при наличии банковской карты. Везде хитрые приборы: в магазине, в автобусе, в кассе на вокзале, которые идентифицируют личность человека. Подставил палец к умной машине – аппарат определил, кто ты есть таков, и достаточно ли у тебя на счету денег на данную покупку. Ещё раз задействовал свой палец, тем самым дав своё согласие на приобретение товара – и весь расчёт. Где тут на «лапу» дашь?! Ну переведёшь ты деньги со своего счёта на счёт мздоимца, получится равносильно, как явку с повинной оформил. Доходы и расходы прозрачны. Тем самым, сынок, с коррупцией в стране покончено. И знаешь, всё как-то произошло тихо, без всяких объявлений кампаний.

– Отец, как вы сейчас живёте?

– Да неплохо, сынок, живём.

3

Что только не причудится в бессознательном состоянии! Действительность была гораздо прозаичнее. После того как Хлынцев стал подавать признаки жизни, его перевели в общую палату – помещение серое, пропитанное зловониями, где кроме него лежало ещё семь человек, один из них был его напарник. Родители постоянно дежурили в больнице, общаясь с медперсоналом: поднося кому двести рублей, кому пятьсот. Да и в аптеку приходилось регулярно бегать за лекарством, которое было нужно для закрепления положительных тенденций у больного, но почему-то Минздравсоцразвития, так не считающий и по этой причине не включивший их в список необходимых медикаментов для снабжения больницы. Усилия родителей не прошли даром – Хлынцев выздоровел. Дома он узнал две новости: хорошую и плохую. Первая – на него и его напарника не будут открывать уголовное дело, тому посодействовал полковник Хлынцев. Дядя больше ничего сделать не смог, поэтому была и вторая новость – приказа об их аттестации на полицейских не было.

г. Искитим

Новосибирской области.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.
Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 06.03.2012 г.

Подписано к печати 05.04.2012 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.
Заказ № 1482.

Номер набран и сверстан в ТОО
«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.